

Е.Л.Немировский

Иван Федоров в Белоруссии

Е.Л.Немировский

Иван Федоров в Белоруссии

МОСКВА «КНИГА»

1979

Немировский Евгений Львович

ИВАН ФЕДОРОВ

В БЕЛОРУССИИ

ИБ № 124

Заведующая редакцией Т. В. Громова

Редактор И. П. Глазырина

Младший редактор Н. А. Тишкова

Художник Е. А. Сумнительный

Художественный редактор Н. Д. Карандашов

Технический редактор А. З. Коган

Корректор Л. В. Петрова

Сдано в набор 25.05.79. Подписано в печать 27.08.79 А11473
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная.
Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 10,40.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1105. Изд. № 2826 Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 4 Союзполиграфпрома

Государственного комитета СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Москва, 129041, Б. Переяславская ул., д. 46

1 [11] марта 1564 года вышла в свет первая точно датированная московская печатная книга Апостол. В послесловии указано, что печатали книгу Николы чудотворца Гостунского дьякон Иван Федоров, да Петр Тимофеев Мстиславец.

Уже одного этого издания было бы достаточно, чтобы обессмертить имена его создателей. Однако человек, стоявший у истоков московского книгопечатания, сделал гораздо больше. Он основал постоянное книгопечатание в Белоруссии. Он выпустил в свет первые украинские печатные книги. Он составил и напечатал первый известный нам учебник для русских, украинцев, белорусов. Он, наконец, свершил титанический труд — отпечатал первую полную славянскую Библию кирилловского шрифта.

Имя первопечатника Ивана Федорова хорошо известно, как в нашей стране, так и за ее пределами. Мы удивляемся его таланту, преклоняемся перед его мужеством. Исследования последних лет открыли новые, ранее не известные стороны его деятельности. Раньше Ивана Федорова считали не больше, чем ремесленником, типографщиком; теперь мы видим в нем писателя, художника, просветителя, педагога, наконец, — политического деятеля.

Великий подвиг первопечатника давно оценен по заслугам. Список посвященных ему книг, журнальных и газетных статей насчитывает свыше тысячи семисот названий¹.

В 1964—1974 гг., к 400-летию русского и украинского книгопечатания, были изданы монографии автора этих строк, посвященные московскому, львовскому и острожскому периодам жизни и деятельности Ивана Федорова². Книга, которую читатель держит в руках, задумана как непосредственное дополнение указанных монографий. Автору хотелось, чтобы три труда вместе составили первую научную, подробно документированную биографию первопечатника.

Сложность состоит в том, что за пятнадцать лет, прошедших со дня выхода в свет «Возникновения книгопечата-

ния в Москве», были сделаны находки, заставившие автора по-иному взглянуть на происхождение Ивана Федорова, на годы его учебы.

«Мы не знаем, где и когда родился мальчик, которому при крещении дали хорошее русское имя Иван»³, — говорилось в первой нашей книге об Иване Федорове. Шла речь о том, что Лихвинский уезд Калужской губернии, иногда указываемый как место рождения первопечатника, в этом смысле совершенно апокрифичен. Отметим мы, как недоказательные, и многочисленные попытки установить происхождение Ивана Федорова исходя из геральдической трактовки его типографского знака. Такие попытки мы вообще считали неправомочными, ибо видели в упомянутом знаке не более чем издательскую марку и не допускали возможности связывать его с символикой дворянского достоинства.

Новые находки заставили нас изменить это мнение.

«Герб» Ивана Федорова. Типографский знак Ивана Федорова известен в трех графических вариантах. Первый из них встречаем в геральдической композиции, помещенной на обороте последнего листа Апостола 1574 года. Мы видим гербовый картуш, на котором размещено изображение «ленты», изогнутой в форме зеркального латинского «S». «Лента» рельефна, о чем говорит штриховка у одного из краев, а также «гребень» рельефа, намеченный изогнутой линией. Сверху из «ленты» исходит недлинная стрела. Левая часть поля картуша заполнена пунктирной горизонтальной штриховкой. На поле размещены буквы «ІWAN» — по две буквы с каждой стороны «ленты».

Аналогичный типографский знак встречается на выходном листе Азбуки 1574 года. Здесь несколько изменена конфигурация картуша, и сам он заключен в двойную прямоугольную рамку. «Гребень ленты» отсутствует. Горизонтальная штриховка поля картуша заменена вертикальной. По-видимому, с той же самой доски отпечатан типографский знак и в острожской Азбуке 1578 года.

Новый вариант типографского знака был изготовлен для Псалтыри и Нового завета 1580 года и Библии 1580—1581 годов. Здесь картуш держит рука. Снова появляется «гребень». Штриховка поля сохранена лишь в непосредственной близости от «ленты» и стрелы с правой стороны изображения — она оттеняет его рельефность по отношению к полю. На поле картуша лишь две буквы — «ІѠ». Аналогичный рисунок знака воспроизведен на надгробном камне Ивана Федорова.

Еще П. Кеппен и Е. Бандтке указывали на сходство типографского знака Ивана Федорова с польскими дворянскими гербами «Шренява» (или «Сренява») и «Дружина»⁴.

В последующие годы в литературе преобладали всевозможные символические толкования. В. Е. Румянцев, а за ним В. С. Иконников усмотрели сходство между типографскими знаками московского первопечатника и венецианского типографа Альда Пия Мануция⁵; на издательской марке Мануция, как известно, изображен дельфин, обвивающий якорь. И. Токмаков, а впоследствии Ф. Булгаков и А. Некрасов сочли изображенную на знаке стрелу типографским угольником, который «служит здесь эмблемой типографского искусства»⁶. М. Н. Куфаев посчитал «ленту» изображением реки — символом известного выражения древнерусского книжника «книги суть реки напоящие вселенную», а помещенную сверху стрелу — указанием на «функциональную роль» книг — распространение просвещения⁷. К этому курьезному мнению в последнее время вернулся Г. И. Коляда⁸.

Возможные геральдические истоки типографского знака Ивана Федорова серьезно исследовал лишь В. К. Лукомский⁹, который установил, что изображение знака идентично гербу белорусского дворянского рода Рагоза. Отсюда следовал вывод о том, что первопечатник происходил из этого рода или же был приписан к гербу «Шренява» актом адаптации.

Вывод не был принят никем из исследователей, впоследствии писавших об Иване Федорове. Отвергал его и автор этих строк, предположивший, что типографский знак «изобрел» сам Иван Федоров во Львове по примеру многочисленных краковских печатников, обязательно имевших собственные марки¹⁰. Вскоре, однако, справедливость тезиса стала казаться нам сомнительной. Причиной явилась находка польского историка техники Владимира Губицкого, который в 1968 г. опубликовал письмо Ивана Федорова саксонскому курфюрсту Августу¹¹. Автор этих строк, ознакомившись с письмом летом 1968 г. в Городском архиве Дрездена, обнаружил, что к нему приклеен бумажный фальц, припечатанный штампом. Оттиск печатки сохранился плохо, но все же на нем можно разглядеть изображение гербового щита под короной. На щите — изогнутая полоса, увенчанная стрелой. Тот же знак мы встречаем в Апостоле 1574 года, Азбуках 1574 и 1578 годов, Новом завете 1580 года и Острожской Библии 1581 года.

Все эти издания вышли в пределах Польско-Литовского государства. Сословные различия и привилегии, дарованные шляхте, в ту пору здесь соблюдались свято. Поэтому вряд ли было возможно систематическое применение типографом, без специального на то права, в качестве издательской марки не домового знака — «гмерка», как у других печатников, а внесенного в геральдические реестры дворянского герба. Тем более не мог Иван Федоров, не будучи шляхтичем, использовать герб, да еще под короной, для запечатывания своей личной корреспонденции.

Если первопечатник был дворянином, то к какому роду он принадлежал?

Москвитины или Федоровичи? «Иван Феодоровичь Москвитин», «Іванн Федоровичь друкаръ Москвитин», «Иван Федоров сын Москвитин», «Іоанн Феодорович печатник з Москвы» — так именовал себя типограф на страницах изданий, выпущенных в Заблудове, Львове, Остроге¹². Если в последнем случае Иван Федоров называет город, откуда он приехал — «з Москвы», то фамильное прозвище «Москвитин» совсем не обязательно указывает на происхождение его владельца из столицы Московского государства. Оно может восходить не к географическому наименованию, а к древнерусскому имени собственному или прозвищу «Москва». В писцовых книгах Новгородской пятины под 1539 г. упоминается крестьянин Москва рыболов¹³. Н. М. Тупиков приводит и более поздние примеры: казак Москва Жеребцов (1614), крестьянин Ивашко Москва (1615), служилый человек Ивашко Гаврилов Москва (1655)¹⁴.

Сыновья и внуки Москвы, естественно, получали отчество или фамильное прозвище «Москвитин». Об этом говорит хотя бы имя московского стрельца Тренки Москвитина (1605), которому, живя в Москве, именоваться «Москвитин» было вроде бы не к чему¹⁵. Отчества и фамильные прозвища «Москвитин» в XVI—XVII вв. были достаточно широко распространены, как в Московском государстве, так и в Великом княжестве Литовском. Н. М. Тупиков указывает крестьянина начала XVI в. Ивана Ондреева сына Москвитина, белорусского помещика Сидора Москвитина, жившего в XVI в. на берегу Немана, белозерского стрельца Орефия Иванова сына Москвитина (1613), астраханского стрельца Посничко Москвитина (1614), новгородского торгового человека Кузьму Алексеева сына Москвитина (1614), томского казака Михаилу Максимова сына Москвитина (1667), старца Саввино-Сторожевского монастыря Иону Москвитина (1676).

В приходно-расходной книге Соловецкого монастыря за 1572 г. читаем следующую запись: «Дано Ивану Москвитину рубль на платье, поехал на Онегу на монастырскую службу»¹⁶. Запись эту можно было отнести к первопечатнику, если бы не знать, что в это время он уже находился за пределами Московского государства.

Но и в Великом княжестве Литовском жило немало Москвитиных. «Записи земельных дел» короля Казимира Ягеллончика, составлявшиеся во второй половине XV в., поминают: «У Могилеве село Бородичи опять Якову Москвитину»¹⁷. На Виленском сейме 1565 г. шла речь о том, что «Володимер Москвитин з ыменя своего Лепесовки три села Ивана Сениоты, который на тот час в Турцех есть, зобрал и спустошил»¹⁸. 6 апреля 1590 г. была дана королевская грамота виленскому пану Яну Кишке о ежегодной выдаче Ивану Москвитину двенадцати коп грошей литовских¹⁹.

«Птицелов Москвитин», служивший при дворе Стефана Батория, неоднократно упоминается в подскарбинских книгах королевского двора за 1576—1586 гг.²⁰. В 1576 г., когда Иван Федоров жил на Волыни, в Дерманском монастыре, неподалеку, в том же Луцком повете, пребывал какой-то Иван Москвитин — урядник имения Николая Сапеги села Несвич. 2 июня 1576 г. его обвинили в разбойном нападении на арендатора Юдко Мордухаевича²¹. Какой-то другой Иван Москвитин в 1582 г. получил 15 золотых за оказанные королю услуги²².

Перечень «Москвитиных», живших в XVI в. в Великом княжестве Литовском и в Польше, может быть продолжен; мы не стремились сделать его исчерпывающим. Некоторые из названных нами лиц бесспорно приехали из Москвы. Однако и бесспорно, что «Москвитины» — фамильное прозвище, бытовавшее как в Московском государстве, так и в Литве.

Вопрос о происхождении Ивана Федорова решался бы просто, если бы нам удалось обнаружить какие-либо сведения о шляхетском белорусском или украинском роде Москвитиных, или Москвитинов. Но такого рода не знают достаточно подробные и обстоятельные справочники по польско-литовской геральдике²³. Нет «Москвитинов» и среди русских дворянских фамилий. Герб «Шренява», которым пользовался Иван Федоров, был присвоен представителям нескольких десятков белорусских, украинских и польских фамилий: Александровичам, Белинским, Бельским, Вздовским, Кмитам, Красовским, Лясковским, Любомир-

ским, Понятовским, Потоцким, Черневским²⁴. Белорусский род Рагоза владел этим гербом именно в той его модификации, которую изображал на своих изданиях первопечатник, со стрелкой вместо крестика²⁵. Польско-чешский поэт и историк Бартош Папроцки (ум. 1614) называл этот род «стародавним» и сообщал о двух Рагозах — современниках Ивана Федорова — Григории, бывшим минским земским судьей с 1566 г., и Василии, служившим дворным хоружим Великого княжества Литовского в 1566—1584 гг.²⁶. Происходили они из Минского повета, где родился и Михаил Рагоза, архимандрит Вознесенского монастыря в Минске, впоследствии (с 1588) митрополит Киевский, подписавший церковную Брестскую унию 1596 г.

Однако кроме Рагоз в Минском повете был и другой род с тем же гербом «Шренява» — Анфоровы. Иван Федоров мог принадлежать и к этому роду.

Говоря о происхождении Ивана Федорова, можно предложить и другое решение проблемы. Попав в Великое княжество Литовское, первопечатник называл себя Иваном (или Иоанном) Федоровичем Москвитинном (или «з Москвы»). Если «Москвитин» — указание на место, откуда прибыл типограф, то, может быть, его фамильным прозвищем является «Федорович» или его русский эквивалент «Федоров»? Именно так, в свое время, полагал И. Огиенко, называя сына первопечатника «Иваном Хведоровичем» и считая, что именно им был напечатан дерманский Октоих 1604 г., подписанный инициалами «ІФД»²⁷. Более того, Д. Зубрицкий утверждал, что Острожскую Библию печатал не отец, а сын Федоров²⁸. Под именем «Федоров» или «Федорович» сведения о сыне первопечатника публикуются и в современных польских справочно-энциклопедических изданиях²⁹. Рецензируя одно из них, мы в свое время отметили, что «Федоров» и «Федорович» не были родовыми прозвищами и поэтому не могли перейти от отца к сыну. Последний в документальных материалах львовских архивов упоминается не как «Иван Федорович», а как «Иван Иванович» или «Иван Переплетчик»³⁰. На той же точке зрения мы стоим и сегодня.

Против говорит как будто бы тот факт, что в Великом княжестве Литовском бытовал сильный и славный шляхетский род Федоровичей³¹. И. И. Левицкий относил первопечатника к этому роду и внес сведения о нем в «Библиографию Федоровичей»³². Однако род принадлежал к гербу «Огинец» и гербом «Шренява», который ставил на своих изданиях Иван Федоров, никогда не пользовался.

Приходится признать, что в настоящее время у нас нет оснований говорить о шляхетском происхождении первопечатника. Более или менее серьезно можно утверждать лишь, что он был приписан актом адаптации к одному из родов герба «Шренява», как об этом писал еще В. К. Лукомский.

Место рождения. В 1969 г. автор этих строк выдвинул гипотезу о пребывании Ивана Федорова в Краковском университете³³. В основу гипотезы положена запись о присвоении в 1532 г. степени бакалавра Ивану сыну Федора Москвитину, сохранившаяся в документации Краковского университета. Заведующая отделом инкунабулов Ягеллонской библиотеки Анна Левицка-Каминьска обратила наше внимание на запись в университетской метрике, гласящую «Joannes Theodori de Phyetkowycze» или «Иван сын Федора из Питкович»³⁴. Запись можно отнести только к Ивану сыну Федора Москвитину, получившему степень бакалавра в 1532 г., ибо других Иванов Федоровых метрика Краковского университета за первые четыре десятилетия XVI в. не знает.

Почему в одном случае Иван сын Федора назван «Москвитином», а в другом указано, что он происходит из каких-то пока еще неведомых нам Питковичей? Это могло быть в том случае, если «Москвитин» не указание на город, а фамильное прозвище. Можно предположить и другое: Иван сын Федора, родившийся в Питковичах, впоследствии жил в Москве и именно оттуда приехал в Краков.

Известны три белорусских деревни Питковичи, расположенных сравнительно недалеко одна от другой. Первая из них — в Вилейском повете на старой большой дороге из Минска в Вильну в 8 верстах от Радошковичей и в 57 верстах от Вилейки³⁵. Вторые Питковичи надо искать на реке Усе в Минском повете в безлесной холмистой местности вблизи местечка Койданова. Неподалеку находятся и третьи Питковичи — в Новогрудском повете на берегу реки Ишкольд вблизи местечка Снов.

Из тех же самых мест происходили шляхетские фамилии Рагоз и Анфоровых, издавна пользовавшихся гербом «Шренява». Если отождествлять первопечатника Ивана Федорова с Иваном сыном Федора из Питковичей, приходится признать белорусское происхождение типографа. Версия хорошо объясняет переезд Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в 1566—1567 гг. в Великое княжество Литовское. После осложнения внутривосточной обстановки в Московском государстве печатники попросту

вернулись домой. Объяснение это, однако, имеет уязвимое место. Рассказывая о своем переезде в Литву в послесловии к львовскому Апостолу 1574 года, Иван Федоров писал: «Сия оубо нас от земля и отчества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели»³⁶.

Если Иван Федоров родился в Белоруссии и учился в Краковском университете, могли ли Великое княжество Литовское и Польша быть для него «незнаемыми странами»?

Можно, правда, трактовать приведенную выше фразу лишь как литературную реминисценцию, каких в тексте послесловия немало. Тогда гипотеза о белорусском происхождении Ивана Федорова сохраняет силу. Так или иначе, но настаивать на этой гипотезе мы пока еще не можем. Ее правильность или ошибочность предстоит доказать будущим историкам, которые смогут это сделать, обратившись к документации Минского, Вилейского и Новогрудского поветов, хранящейся в Государственном историческом архиве БССР.

В Краковском университете. Выдвигая гипотезу о пребывании Ивана Федорова в Краковском университете, мы исходили из того, что первопечатник обладал серьезными и основательными познаниями в области латыни и древнегреческого языка, мог говорить и свободно писать на этих языках. Где он получил эти познания?

В Московской Руси в ту пору несомненно имелись люди, знавшие древние языки. Но вряд ли таких людей было много. Познания их носили случайный характер. Они могли читать по-гречески или по-латыни, как, например, корреспондент Максима Грека Василий Тучков или благовещенский священник Сильвестр. Но для колоссальной редакторской работы, предшествовавшей типографскому воспроизведению богослужебных текстов, знаний их явно не хватало. Для этого нужно было пройти основательную систематическую подготовку.

Особенной редкостью на Руси было хорошее знание греческого языка. Если знатоков новых языков в ту пору было сравнительно много, то для перевода на русский язык с греческого Толковой Псалтыри московскому великому князю Василию Ивановичу в начале XVI в. пришлось искать специалистов в монастырях на Афоне. Приехавший в 1518 г. в Москву Максим Грек русского языка не знал, и перевод Псалтыри пришлось осуществлять в два приема. Посольский толмач Дмитрий Герасимов рассказывал: «... Максим Грек переводит Псалтырь с греческого тол-

ковую великому князю, а мы со Власом у него сидим переменяясь: он сказывает по-латыни, а мы сказываем по-русски писарям ...»³⁷.

Много лет спустя знатоков греческого языка на Руси не прибавилось, о чем свидетельствует сочинение Максима Грека «О пришельцах философех», направленное против неискусных переводчиков-чужеземцев, приезжающих в Москву. Чтобы быстро вывести этих шарлатанов на чистую воду и после «умертвия» его, когда он сам не в состоянии будет это сделать, Максим Грек составил специальные упражнения-тесты³⁸.

Возвращаясь к Ивану Федорову, можно предположить, что первопечатник получил свои знания в области древних языков у Максима Грека. Иван Федоров был знаком с трудами ученого монаха — об этом говорят прямые цитаты из его трудов в послесловиях первых печатных книг. Не исключено и личное знакомство между ними. Но оно могло состояться лишь в 1551 г., когда по просьбе игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия, престарелый Максим был переведен в эту обитель. Ранее, когда старца содержали в заключении в Иосифо-Волоколамском и Тверском Отрочь монастырях, такое знакомство было затруднено.

Однако в 1551 г. учиться греческому языку первопечатнику было уже поздно: в это время готовилась к изданию первая московская печатная книга — Узкошрифтное Четвероевангелие. Текст книги по своим лексическим и фонетическим нормам близок к русскому литературному языку XVI в. — рука редактора здесь ощутимее, чем в других первопечатных изданиях³⁹.

Где же учился Иван Федоров? Где мог получить он основательные знания древних и новых языков, познакомиться с навыками редакторской работы, усвоить критическое отношение к богослужебным текстам?

Ответа на эти вопросы не было. В 60-х гг. XVI в. Иван Федоров служил дьяконом в кремлевской церкви Николы Гостунского. О том, чем занимался он до 1564 г., когда имя его впервые упоминается в историческом источнике, можно было только догадываться.

В 1969 г. в статье, опубликованной в журнале «Советское славяноведение», мы предположили, что разгадка кроется в источнике, который раньше для этой цели не привлекался: в «Либер Промоционум» Краковского университета, куда записывали имена лиц, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра. На одной из страниц — запись о том, что в 1532 г., в ту пору, когда деканом был

магистр Ян из Пиотркова, степени бакалавра был удостоен «Johannes Theodori Moscus», то есть «Иван Федоров Москвитин»⁴⁰.

Прежде чем отождествить русского первопечатника с Иваном Федоровым Москвитином, обучавшимся в Краковском университете, мы решили установить, возможно ли это с хронологической точки зрения.

Молодые люди, жаждущие вкусить от древа науки, записывались в Краковский университет 15—18 лет от роду. Николай Коперник, например, стал студентом в 18-летнем возрасте. Чтобы получить степень бакалавра, требовалось 2—3 года.

Отсюда явствует, что бакалавр Краковского университета Иван Федоров Москвитин родился около 1510 г. Первопечатник Иван Федоров умер 5 декабря 1583 г.⁴¹. Если допустить, что именно он учился в Кракове, в момент кончины ему было семьдесят с небольшим лет. Допущение вполне вероятное.

Однако голыми арифметическими прикидками в нашем случае обойтись нельзя. Сложность состоит в том, что в публикации «Либер Промоционум», подготовленной к печати в 1849 г. Юзефом Мучковским, вслед за именем Ивана Федорова Москвитина указано в скобках — «canonicus Crasnostaviensis», то есть «каноник из Красностава».

Красностав или Красныстав — небольшой городок на реке Вепш, ныне находящийся в Люблинском воеводстве Польской Народной Республики. В 1490 г. сюда из Хрубешува была перенесена резиденция Хелмского католического епископа⁴². При епископе был капитул, членом которого и мог состоять Иван Федоров Москвитин.

Если это действительно так, то бакалавр Краковского университета не мог быть русским печатником. Ведь Иван Федоров-печатник был дьяконом православной церкви. Истории известны случаи перехода из католицизма в православие и обратно. Известный писатель XVII в. Симеон Полоцкий-Ситнианович первоначально был униатом. Среди украинского населения Холмщины в XVI в. нередки были семьи, часть членов которых считали себя православными, а часть — католиками. И все же трудно поверить, чтобы католический каноник стал дьяконом православной церкви.

Попытаемся разобраться, что представляет собой приписка «canonicus Crasnostaviensis» против имени Ивана Федорова Москвитина в книгах Краковского университета. Сделана ли она одновременно с записью о получении Иваном Федоровым степени бакалавра? Или, говоря иначе, был ли

помянутый Иван Федоров красновоставским каноником уже в момент получения ученой степени?

Записей, рассказывающих о том, кем был тот или иной бакалавр или магистр, в «Либер Промоционум» много. Однако ознакомление с этими записями убеждает, что все они сделаны много позднее первоначальной регистрации о присвоении ученой степени.

Так, например, под 1484 г. вслед за сообщением о присвоении степени бакалавра Яну Турзо из Кракова указано, что он является гнезненским схоластиком, каноником и епископом Вроцлава⁴³. Всем этим известный гуманист, сын банкира, финансировавшего первую славянскую типографию Швайпольта Фиоля, стал значительно позднее. Кафедру епископа Вроцлава, например, он получил лишь в 1506 г.⁴⁴.

Отсюда следует, что в данном случае приписка была сделана, по крайней мере, через 22 года после внесения в «Либер Промоционум» первоначальной записи.

Скорее же всего приписки, повествующие о дальнейшей судьбе воспитанников Краковского университета, делались через значительный промежуток времени, следовательно, в этом случае легко допустить возможность ошибки. Наше предположение подтвердила Анна Левицка-Каминьска, сообщившая нам, что приписка — «каноник из Красностава» — сделана на полях метрики другим более поздним почерком.

И еще об одной ошибке. В публикации Ю. Мучковского указано, что степени бакалавра был удостоен «Joannes Theodorus Moscus». Строго говоря, это следует перевести, как «Иван Федор Москвитин», ибо «Иван сын Федора», что равнозначно «Ивану Федорову», было бы «Johannes Theodori». Ознакомление с рукописным оригиналом убеждает, что Мучковский ошибся, и что в метрике записано «Johannes Theodori»⁴⁵.

Нередко бывало, что в деловой документации писцы Краковского университета для простоты отбрасывали одно из имен студента или бакалавра, причем иногда отбрасывали его собственное имя, оставляя лишь имя отца. Так, например, в матрикульных книгах рядом с записью о поступлении в университет «Станислава сына Яна из Кракова» сделана помета «Turzij Johannis episcopi Olomucensis»⁴⁶.

Нечто подобное произошло и с Иваном Федоровым Москвитиним. В актах ректората Краковского университета его именуют просто «Федором бакалавром» (Theodorus baccalarius). Чтобы убедиться в том, что в данном случае речь идет о том же самом человеке, мы просмотрели записи

матрикульных книг и «Либер Промоционум» за первые четыре десятилетия XVI в. и не нашли там ни одного «Ивана Федорова». Как видно, к тем же выводам пришел и публикатор актов ректората В. Вислоцкий, поместивший в указателе к актам «Федора бакалавра» под именем «Moscus Johannes Theodogus» и сопроводивший публикацию следующим примечанием: «Johannes Theodogus, vulgo Moscus nuncupatis», то есть «Иван Федоров, обычно называемый Москвитином»⁴⁷. К слову говоря, и в актах ректората встречается всего лишь один «Theodogus».

Имя это упоминается в 5 актах, относящихся к 1533—1534 гг. Мы узнаем из них, что Иван Федоров был в эту пору бакалавром «свободных искусств», жил в бурсе «Иерусалим» и имел какие-то денежные дела со студентом Альбертом из Быдгощи⁴⁸.

Бурса — своеобразное общежитие, в котором приезжающие в Краков молодые люди за небольшую плату (а чаще — и без нее) могли жить, питаться и слушать лекции. Крупнейшая из бурс — «Иерусалим» — открылась в 1456 г. Дом для нее, имевший 59 комнат, библиотечный зал и кухню, был возведен неподалеку от университета в 1453—1456 гг. на средства, завещанные кардиналом Збигневым Олесницким. Право поступления в бурсу имели юноши вне зависимости от их происхождения, вероисповедания и национальности. Недаром, по словам польского историка А. Карбовяка, бурса «Иерусалим» среди других краковских бурс имела наиболее универсальный и интернациональный характер: «здесь, рядом с обычными школярами, жили бакалавры и магистры, рядом со светской молодежью — воспитанники церковных училищ различных законов, рядом с поляками — школяры из Германии, Венгрии и других стран»⁴⁹. Особенно много в бурсе «Иерусалим» было выходцев с восточных — украинских и белорусских земель.

Узнав о том, что Иван Федоров жил в бурсе «Иерусалим», мы неожиданно знакомимся с тем человеком, с которым его мог перепутать писец «Либер Промоционум», назвав «каноником красноставским». Дело в том, что старшиной бурсы как раз в ту пору, когда в ней пребывал Иван Федоров, был некий Томас из Красностава⁵⁰. Спутать «Thomas» и «Theodogus», особенно же — в сокращенном написании, было немудрено.

В Краковский университет Иван Федоров попал в пору его расцвета. Ректором университета в 1531—1533 гг. был старый заслуженный профессор, гуманист Станислав Биль, по национальности — украинец, никогда не забывавший

прибавлять к своему имени эпитет «Ruthenus», то есть — «Русин».

После небольшого перерыва, вызванного католической реакцией конца XV — начала XVI в., в Краковском университете снова начинают изучать античную литературу. С 1524 г. профессора университета систематически «объясняли» студентам Горация, с 1525 г. — Овидия, с 1536 г. — Плавта⁵¹.

В 20-х гг. XVI столетия началось систематическое преподавание греческого языка. Иван Федоров обязан своими знаниями в этой области профессору Ежи Либану из Легницы. В эту же пору греческие тексты начинают издаваться краковскими типографами: были выпущены в свет грамматики греческого языка, учебники, классические произведения греческой литературы. Профессор Антоний из Напаханиа читает студентам лекции по «Илиаде» Гомера, Ян из Вроцлава «объясняет» Эврипида, Валериан Пернус — Ксенофонта, Войцех Новопольчик — Гесиода и Демосфена.

Ко времени пребывания Ивана Федорова в Краковском университете относится и развитие здесь гебраистики. С 1528 г. Давид из Варшавы начинает систематическое чтение лекций по древнееврейскому языку. В 1530 г. был издан учебник по этому курсу. Знания в этой области в дальнейшем могли помочь Ивану Федорову при подготовке к печати прославленной Острожской Библии.

Естественно предположить, что и типографскому делу Иван Федоров обучился в Кракове. Здесь в ту пору работали типографии Флориана Унглера, Мациея Шарфенбергера и Иеронима Виетора. Если бы удалось установить какие-либо связи между этими типографиями и последующей деятельностью русского первопечатника, это основательно подкрепило бы нашу гипотезу.

Такие связи имеются. Чтобы установить их с исчерпывающей подробностью, необходимо тщательно изучить достаточно обильную издательскую продукцию краковских типографий 20—40-х гг. XVI в. Мы этого сделать не могли. Но и те немногие издания, с которыми мы сумели познакомиться, позволяют сделать интересные выводы.

На последнем листе книги Яна из Львова «Историческое толкование животворных страстей Христовых», вышедшей из типографии Унглера в 1538 г., мы нашли арабеску, рисунок которой близок заставке, использованной в 1565 г. в московском издании Часовника, напечатанном Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем⁵².

Орнаментальные украшения, полностью идентичные заставкам Часовника 1565 года, находим на листах 40 об. и 135 об. краковской Библии, вышедшей в 1561 г. из типографии наследников Марека Шарфенберга⁵³. Оттиски в польской Библии и в московском Часовнике настолько похожи, что кажутся сделанными с одной доски.

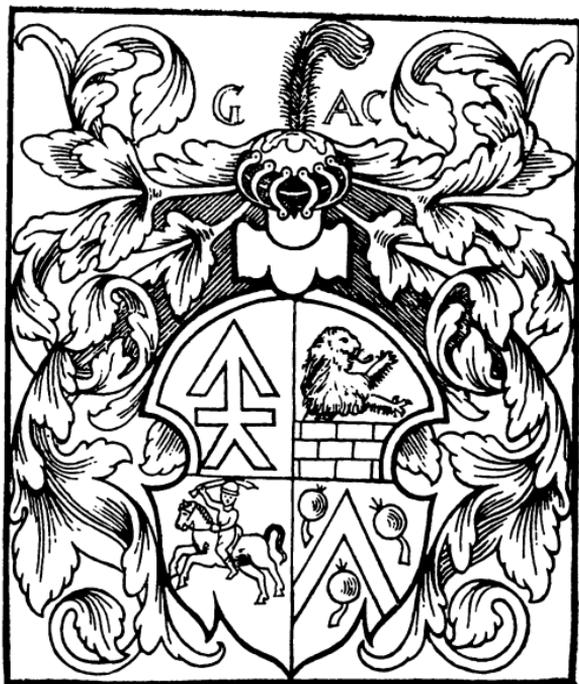
Из типографии Унглера в 1539 г. вышла Псалтырь с параллельным польско-латинским текстом. Польский перевод выполнен Валентой Врублем⁵⁴. Издание предпринято на средства Петра Кмиты (1477—1553), краковского воеводы, покровителя поэтов и ученых, большого библиофила. На обороте титульного листа книги помещен герб Кмиты, представляющий собой геральдическую композицию «Шренява». Рисунок герба почти полностью идентичен типографскому знаку Ивана Федорова (за исключением небольшой детали: составляющая основу рисунка изогнутая полоса у Кмиты увенчана крестиком, а у Ивана Федорова — стрелой). Если допустить, что Иван Федоров учился в Краковском университете, а затем работал в типографии Унглера, можно предположить и то, что Петр Кмита «приписал» к своему гербу молодого бакалавра.

В пользу гипотезы о пребывании Ивана Федорова в Краковском университете говорят и те оживленные связи, которые он поддерживал с Краковом в период своей деятельности во Львове и Остроге. Нужно вспомнить и прямое указание Дж. Флетчера о том, что типографский станок и литеры были привезены в Москву из Польши⁵⁵.

Имеет ли гипотеза право на существование? Чтобы ответить на этот вопрос положительно, достаточно сказать, что аналогичная гипотеза, связанная с именем белорусского первопечатника Франциска Скорины, в свое время никаких возражений не вызвала. В настоящее время считается общепризнанным, что Скорина учился в Краковском университете и здесь получил ученую степень бакалавра⁵⁶. В основу этого утверждения положены две короткие записи: одна в матрикульных книгах («Franciscus Luce de Ploczko», то есть «Франциск сын Луки из Плоцка») и вторая в «Либер Промоционум» («Fran. de Poloczko, Litvanus», то есть «Фран. из Полоцка, литвин»)⁵⁷. Никаких других документальных подтверждений пребывания Скорины в Кракове не имеется.

Вопрос о пребывании первопечатника Ивана Федорова в стенах Краковского университета вне всякого сомнения должен быть подвергнут дополнительному и более обстоятельному изучению⁵⁸.

Заблудовская
типография
Ивана Федорова

В июле 1568 г. в Заблудове — небольшом местечке на западе Белоруссии — заработал станок славянской типографии. Существовала типография недолго — без малого два года. Но ее роль в истории славянского книгопечатания исключительно велика.

Труды и дни заблудовской типографии дороги нам и потому, что основана она была приехавшими из Москвы печатниками Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем. В те далекие времена она являла собой пример дружественных связей братских народов, связей, ставших столь плодотворными в наши дни.

О заблудовской типографии мы почти ничего не знаем. Вышедшие из нее книги сколько-нибудь подробно не описаны. Неизвестно, каково количество экземпляров, дошедших до наших дней. Предисловия и послесловия изданий Ивана Федорова неоднократно издавались — исключение опять-таки составляет заблудовская Псалтырь 1570 года.

Некоторые из этих «белых пятен» и призвана устранить эта книга.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Когда Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец переступили границу Великого княжества Литовского, государство это переживало трудную годину своей истории. В 1559 г. литовцы вступили в затяжной спор с Россией, Швецией и Данией о судьбе ливонского наследства. На первых порах дело ограничивалось мелкими стычками московского войска с гарнизонами, поставленными в ливонских замках. Но ранней весной 1562 г. Иван Грозный перенес военные действия на территорию белорусских земель, входивших в Великое княжество. В начале 1563 г. русская армия подошла к Полоцку и, после трехнедельной осады, овладела этим ключевым пунктом на пути к столице Литвы — Вильне⁵⁹.

Год спустя, фортуна на короткий срок улыбнулась Великому княжеству. Наивысший гетман литовский Миколай Радзивилл и польный гетман Григорий Ходкевич 26 января 1564 г. разбили на реке Уле 30-тысячное войско князя Петра Ивановича Шуйского. Однако уже в конце 1564 г. русские снова добились серьезных успехов. Воевода Юрий Токмаков занял укрепленный замок Озерище в Витебской земле. Литовцы попытались нанести удар с юга, но безуспешно; их войска, во главе которых стоял князь Константин Константинович Острожский, были отогнаны от Чернигова.

Отметим, что в Ливонской войне с самого начала активно участвовали два будущих покровителя Ивана Федорова: Григорий Александрович Ходкевич, в замке которого была основана вторая типография первопечатника, и Константин Константинович Острожский, давший средства на создание прославленной Острожской Библии.

Осенью 1564 г. Москва заключила семилетнее перемирие со Швецией. А во второй половине 1565 г. начались литовско-русские переговоры о перемирии. Тянулись они долго, изредка перемежаясь вялыми военными действиями. Иван Грозный, учредивший в 1565 г. опричнину, отдал все силы борьбе с внутренней изменой — «возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии на все православное христианство»⁶⁰. Внешнеполитическая активность Москвы на некоторый период была ослаблена.

Не хотела, а точнее — не могла воевать и Литва.

Социально-экономическое и политическое развитие Великого княжества Литовского во второй половине XVI в. На протяжении всего XVI столетия великий князь литовский, а также крупнейшие феодалы-можновладцы проводят мероприятия, призванные поднять производительность и доходность феодального хозяйства. Инициатива реформ принадлежала энергичной королеве Боне (1494—1557), взятой престарелым Сигизмундом I из богатого итальянского рода Сфорца. Бона была землевладелицей — король отдал ей поместья пинских и кобринских князей. В 30-х гг. XVI в. королева приказала проверить права на землю белорусско-литовских бояр и шляхты, а затем издала, так называемую, волочную уставу, призванную унифицировать землепользование и феодальные повинности населения⁶¹.

Сын Боны Сигизмунд II Август (1520—1572), провозглашенный великим князем литовским в 1529 г. еще при жизни отца, а в 1548 г. унаследовавший польский престол, продолжал политику матери. Осуществленная им аграрная реформа подробно изучена В. И. Пичетой⁶². Новая во-

лочная устава, введенная королем в 1557 г., завершила процесс формирования индивидуального землепользования крестьян в сочетании с устройством феодальных фольварков — собственных пашен землевладельцев.

Все земли, годные для пашни, были разбиты на участки-волоки строго определенного размера (около 21,5 десятин)⁶³. В зависимости от количества волок и качества земли определялся размер феодальных повинностей.

Волочная реформа серьезно повлияла не только на экономическую жизнь, но и на политическую структуру Великого княжества Литовского. Новая устава устранила юридические основания крестьянского землевладения, а следовательно и возможность перехода состоятельных крестьян в шляхту. Эксплуатация крестьянства увеличилась; что же касается шляхты, то она была приближена к господам-магнатам. Однако многие шляхтичи не смогли предъявить ревизорам документы на землю и были возвращены в «простое состояние». Это вызвало серьезное недовольство. Недовольна была шляхта и войной, основные тяготы которой ложились на ее плечи. Дело дошло до того, что шляхтичи стали пренебрегать своими обязанностями. Великий вальный сейм, созванный 12 мая 1563 г. для обсуждения военного положения, признал, что доля вины в позорной для страны утрате Полоцка падает на служилых землевладельцев, не явившихся вовремя на сборные пункты. Сейм постановил отбирать имения у тех, кто уклоняется от военной службы. Были приняты и другие решения: например, о призыве на войну всех взрослых сыновей и неотделенных братьев шляхтичей. Шляхетское сословие несло тяжелые финансовые повинности. Поборы на войну росли с каждым годом, и все же государственный дефицит за один лишь 1564 г. возрос на 16 тысяч коп грошей⁶⁴.

Понимая, что без помощи шляхты войны не выиграть, крупные феодалы решили пойти на некоторые уступки, даровать шляхтичам «права и вольности». На Виленском сейме 1559 г., решившем вопрос о вступлении Литвы в борьбу за ливонское наследство, дворянство было освобождено от уплаты пошлины-мыта при вывозе товаров за границу. Эта мера способствовала обогащению шляхты, но одновременно подрывала экономические устои купечества, тормозила рост городов и превращение их в ремесленные и торговые центры⁶⁵.

Сейм 1563 г. уравнил во всех правах шляхтичей различного вероисповедования, отменив ограничения для «схизматиков». Привилей Сигизмунда Августа был подписан в

присутствии православных магнатов: князя Константина Константиновича Острожского, гетмана Григория Александровича Ходкевича, Павла Ивановича Сапеги и др.⁶⁶.

На Бельском сейме 1564 г. магнаты отказались от своего стародавнего права — судить «братьев свою молодшую, народ шляхетский и рыцарский». Было признано целесообразным установить для всех представителей господствующего класса «одно ровное право». Вопрос обсуждался и на Виленском сейме 1565—1566 гг., результатом чего явилось учреждение на всей территории Великого княжества земских судов. Число замковых или гродских судов было сокращено, за ними оставили различные дела уголовного характера, дела о «наездах» на имения и др. Отметим попутно, что в актах Луцкого гродского суда сохранились важные материалы об Иване Федорове.

Виленский сейм 1565—1566 гг. провел еще одну реформу: учредил местные совещательные органы — поветовые сеймики, избиравшие земские суды и обсуждавшие предварительно вопросы, которые выносились на великий ральный сейм. Состав сейма был расширен, влияние шляхты в нем усилилось.

«Шляхетизация» социально-политического строя Великого княжества Литовского была закреплена в Литовском статуте 1566 г., пришедшем на смену старому Статуту 1529 г.⁶⁷.

Литовско-польские отношения. Деятельность Ивана Федорова в 1568—1583 гг. протекала в Великом княжестве Литовском, а также на землях, непосредственно подчиненных польской короне. Он неоднократно бывал в Кракове — столице Польского государства. Его вторая типография находилась в Заблудове — укрепленном замке наивысшего гетмана Великого княжества Литовского. Волынь, где Иван Федоров провел свои последние годы, до 1569 г. входила в состав Великого княжества, а затем была «возвращена» польской короне.

Иван Федоров, переезжая из Заблудова во Львов, из Львова в Острог, должен был хорошо разбираться в тонкостях польско-литовской юрисдикции, с проявлениями которой он сталкивался буквально на каждом шагу.

Формально литовско-польская уния существовала с 1385 г., когда великий князь литовский Ягайло, женившись на польской королеве Ядвига, стал одновременно и польским королем. Однако осуществление унии часто было номинальным. Наличие общего господаря не мешало обоим государствам иметь различное политическое устройство, различные основы экономической жизни.

Шляхетские вольности, бытовавшие в Польше со времен Нешавских статутот 1454 г. короля Казимира Ягеллончика, издавна привлекали литовских, белорусских и украинских дворян. Как мы видели, во второй половине XVI в. они постепенно добиваются многих серьезных уступок. И все же, польские порядки продолжали обладать для них неизъяснимой притягательной силой.

Тяготение к Польше особенно усилилось в связи с Ливонской войной. Заклучив унию, шляхта надеялась частично переложить тяготы войны на польские плечи. В 1562 г., собравшись в военном лагере под Витебском, литовско-русские шляхтичи заявили о необходимости унии «дабы иметь возможность сообща сеймовать с поляками, сообща избирать государя ввиду бездетности нынешнего государя, пользоваться одинаковыми с ними правами и вольностями и сообща обороняться от врагов»⁶⁸.

Все разговоры об унии до поры до времени наталкивались на ожесточенное сопротивление крупных феодалов, стремившихся сохранить в неприкосновенности свою роль и значение в государстве. Вопрос об унии (правда, по польской инициативе) рассматривался еще на сеймах 1551 и 1552 гг. и был забаллотирован литовскими магнатами. Почувствовав, что настроения собственной шляхты склоняются в сторону унии, можновладцы пошли на ряд уступок, которые и были отражены в Литовском статуте 1566 г. Но шляхта оставалась непреклонной. На Бельском сейме 1564 г. магнаты успешно противились требованиям «рыцарства». На Виленском сейме 1565—1566 гг. они даровали шляхте великие вольности. И все же на этом сейме шляхтичи подали Сигизмунду Августу прошение о созыве совместного с поляками «сполного сейма», который должен решить вопросы взаимоотношений обоих государств. Король согласился и заявил, что созвет такой сейм в Люблине в самое ближайшее время. Литовско-русские магнаты всячески старались оттянуть радикальное решение вопроса. На Берестейском сейме Великого княжества, собравшемся 28 апреля 1566 г., они поставили ряд предварительных условий.

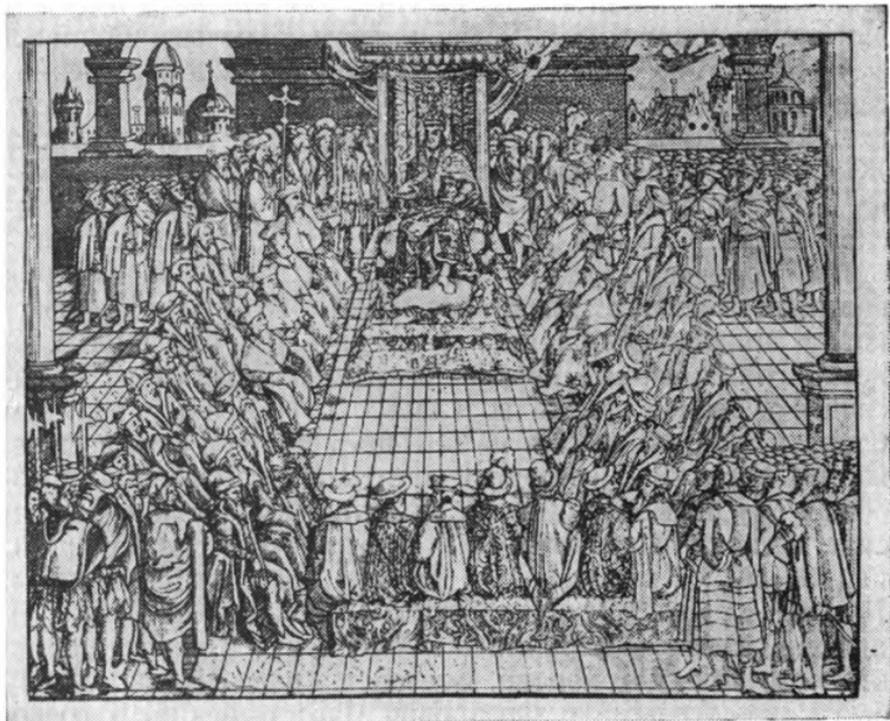
Военные неудачи все же заставили литовско-русских магнатов пойти навстречу настойчивым желанием поляков и собственной шляхты. О спольном сейме говорилось зимой 1567 г. на совещании в военном стане в Лебедеве, а также весной 1568 г. на литовском сейме в Городне. Ждать больше было нельзя. И вот в январе 1569 г. в Люблине наконец-то открылся долгожданный спольный сейм.

Люблинская Уния. Вопрос о Люблинской унии занимает немаловажное место в историографии русского первопечатания. Неоднократно утверждалось, что уния послужила непосредственной причиной для закрытия заблудовской типографии Ивана Федорова. Говоря об унии и о решении Г. А. Ходкевича «прекратить у себя всякое книгопечатание», А. Гатцук утверждал: «Ввиду этого политического соединения и ожидаемого умиротворения разгоравшейся религиозной борьбы понятно, что такие вельможные православные чиновники Великого княжества, каким был Ходкевич, старались отклонить всякий повод к нареканию со стороны Речи Посполитой и иезуитов в подстрекании православной юго-западной Руси к религиозной вражде и политической сепарации от королевства Польского»⁶⁹. Ф. И. Булгаков, в полном согласии с ним, говорил, что «причина перемены во взгляде литовского гетмана на важность типографской деятельности Федорова объясняется политическими соображениями ввиду последовавшего тогда (1569 г.) окончательного соединения Литовского княжества с Польшей»⁷⁰.

Аналогичные мнения высказывали и советские историки. В. И. Пичета утверждал, что заключение унии «отрицательно повлияло на Ходкевича и он стал остывать к старым планам»⁷¹. Е. И. Кацпржак писала, что после Люблинской унии «издание книг для православной церкви представители государственной власти, естественно, считали нежелательным, а для издателей оно, может быть, было даже и опасно»⁷². Странно, правда, что такая издательская деятельность могла продолжаться в других городах Польско-Литовского государства — в Львове и Остроге. Здесь она наверное не считалась «нежелательной» и не была «опасной» для русского первопечатника.

Чтобы разобраться в приведенных выше мнениях, к которым в свое время присоединялся и автор⁷³, нужно познакомиться с тем, как проходил Люблинский сейм, и с его решениями⁷⁴.

Заседания сейма были бурными. Литовские магнаты с самого начала повели дело так, что предложения они обсуждали заранее на особых совещаниях, являясь на сейм с готовыми проектами решений. Поляки потребовали изменить этот порядок. Их возмутило, «как литовские сенаторы заботливо наблюдают, чтобы при совещаниях не присутствовал их народ, дабы, надлежащим образом узнав польские права, не разлакомился на них»⁷⁵. Требование поляков литовские магнаты оставили без внимания.

Люблинский сейм 1569 г. С гравюры XVII в.

На своих заседаниях литовцы выработали собственный проект унии и 15 февраля 1569 г. представили его на обсуждение сейма. Когда польские сенаторы отвергли его, литовцы в ночь на 1 марта попросту покинули Люблин. Поляки решили перейти в наступление и прежде всего потребовали от короля «возвратить» короне Подлясье с Брестом и Бельском, и Волынь с Луцком, Владимиром и Острогом. 12 марта 1569 г. Сигизмунд Август опубликовал универсал о присоединении Подлясья и Волыни к Польше⁷⁶. Магнатам, покинувшим Люблин, было предложено вернуться и присягнуть на верность польской короне. Князь Константин Константинович Острожский, воевода Волынский Александр Федорович Чарторыйский и другие волыньские магнаты заняли выжидательную позицию: они сослались на болезнь и отложили приезд на сейм.

Литовские сенаторы прислали в Люблин послов, которые 5 апреля 1569 г. начали переговоры с поляками. Король продолжал настаивать на возвращении литовцев на сейм. Отказавшихся было подляских магнатов он лишил «урядов», а у некоторых отобрал имения. Виленский воевода

Миколай Радзивилл владел на Подлясье крупным имением Морды; приближенный Радзивилла Е. Крочевский писал ему 4 мая из Люблина, что он может лишиться этого имения, если не вернется на сейм⁷⁷. Однако виленский воевода и другие крупные можновладцы медлили. 20 мая староста Жмудский Ян Иеронимович Ходкевич, племянник гетмана Г. А. Ходкевича, игравший активную роль на Люблинском сейме, сообщал Радзивиллу о неутешительных известиях, полученных из Люблина: король дал недельный срок волынским магнатам для присяги, после чего обещал конфисковать имения ослушников и изгнать их. Сообщал Ходкевич и о том, что за Днепром, вблизи Черкасс, стоит 70-тысячное турецкое войско во главе с отуреченным поляком Стразом, готовое придти на помощь королю в случае мятежа литовцев. 28 мая Ходкевич опять пишет Радзивиллу, сообщая ему новые неприятные известия: крупнейшие волынские воеводы и магнаты, и среди них «воевода Троцкий, пан воевода Киевский, пан воевода Волынский, епископ Луцкий, ... князь Корецкий, князь Вишневецкий и меньшей шляхты немало», вернулись в Люблин и присягнули на верность польской короне. Воеводой Волынским в ту пору был князь Александр Федорович Чарторыйский, а воеводой Киевским — князь Константин Константинович Острожский, будущий меценат Ивана Федорова; они присягнули 24 мая 1569 г. Принес присягу и подканцлер Великого княжества Остафий Богданович Волович, оговорив, что присягает он как волынский земледелец, а не как литовский магнат. Я. И. Ходкевич сообщал Радзивиллу, что «некоторые послы волынские, заседа с польскими послами, говорили, чтобы его милость король, который уже присоединил Волынь к Польше, сделал то же и с Киевом», и чтобы на севере граница между Польшей и Великим княжеством была проведена по Неману. В тот день, когда писалось это письмо, 28 мая 1569 г., с аналогичным требованием на сейме выступил маршал Станислав Чарнковский. Его активно поддержали другие поляки. 5 июня 1569 г. король объявил о присоединении Киевского воеводства к Польше⁷⁸.

После этого литовцы пошли на мировую. Еще 31 мая 1569 г. Ян Ходкевич писал Радзивиллу о вероломстве волынских магнатов: «сильно болит сердце, смотря на то, что с нами делается и что нас встречает зло именно с той стороны, откуда мы только одного добра надеялись»⁷⁹. Он передавал виленскому воеводе о разговорах, идущих между поляками: «с нами (то есть с литовцами. — Е. Н.) уния им уже не нужна, так как с нею они возьмут на себя многотруд-

ную обязанность — защищать нас от Москвы». Литовские магнаты были загнаны в тупик; 3 июня они вернулись в Люблин, 6 июня — начались переговоры.

1 июля Люблинская уния была подписана. Великое княжество Литовское и земли Польской короны отныне сливались в одно государство — Речь Посполитую — с общим господарем, избираемым совместно польскими и литовскими магнатами. Самостоятельный литовский сейм отныне уничтожался. Польским панам были развязаны руки в их стародавнем стремлении к экспансии на Восток — ограничения, относительно приобретения ими земель и должностей на Украине и в Белоруссии, были отменены.

Люблинская уния содержала в себе зерна и будущей католической экспансии, которая, правда, сказалась много позднее. Пока же, и это особенно важно для нашей темы, ни о каких религиозных притеснениях речь не шла. Князь Константин Иванович Вишневецкий от имени всех волинцев потребовал и от поляков соответствующих гарантий: «Чтобы нас не унижали и чтобы никого не принуждали к другой вере»⁸⁰. Такие гарантии были даны королем и архиепископом Гнезненским.

Во второй половине Люблинского сейма православные волинские и киевские магнаты выступали уже одним фронтом с католиками-поляками против литовцев, как протестантов, так и католиков. Сейм подтвердил все ранее данные Великому княжеству Литовскому права и привилегии и, в том числе, привилегию от 7 июля 1563 г., уравнивавшую в правах христиан западного и восточного вероисповедания⁸¹. Таким образом, нет никаких оснований ставить в связь с Люблинской унией превращение деятельности заблудовской типографии Ивана Федорова, печатавшей книги для православной церкви.

Главным врагом в ту пору, да и много позднее, католическое духовенство считало не православие, а многочисленные реформационные движения и ереси, процветавшие во второй половине XVI в. на территории Великого княжества Литовского.

Реформационное движение. По словам Фридриха Энгельса, в эпоху средневековья «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные социальные и политические доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»⁸².

Советские историки показали, что истоки реформационного движения в Белоруссии и Литве следует искать в развитии городов, росте городского населения и недовольстве горожан феодальными отношениями, в их стремлении освободиться от подчас унижительной и обременительной опеки церкви⁸³. Литовских и белорусских магнатов реформация привлекала тем, что она давала им лишний козырь в борьбе с католической Польшей, и, кроме того, позволяла умерить аппетиты церковных феодалов. Шляхта видела в реформационном движении путь к секуляризации церковного землевладения.

Среди источников реформационных идей исследователи давно называют гусизм. Вспоминают, что Иероним Пражский в 1413 г. побывал в Литве и в Белоруссии, что 5-тысячное «русское войско» во главе с Сигизмундом Корибутовичем принимало участие в национально-освободительной войне чешского народа⁸⁴. С. А. Подокшин недавно изучил судьбы гусизма на белорусских землях, поставив его в прямую связь с зарождением и становлением здесь книгопечатания⁸⁵.

Широкое распространение в Великом княжестве Литовском получило лютеранство и, особенно, кальвинизм⁸⁶. Уже в 1535 г. князь Юрий Семенович Слуцкий, неизменно сохранявший верность православию, выделил место для постройки лютеранской кирхи. Столпом кальвинизма был Миколай Радзивилл Черный (1515—1565), основавший в 1553 г. кальвинистскую общину в Вильне.

Представители литовской семьи Радзивиллов, которых историки нередко путают⁸⁷, много сделали для распространения кальвинизма в Литве. Великий гетман литовский, виленский воевода, а впоследствии канцлер Миколай Радзивилл Красный (1512—1584) стал кальвинистом в 1564 г.⁸⁸. Активно поддерживал протестантов и его сын Кшиштоф Радзивилл (1547—1603), унаследовавший от отца виленское воеводство и должности гетмана и канцлера Великого княжества. Отступником от кальвинизма стал сын Миколая Черного — Миколай Кшиштоф Радзивилл Сиротка (1549—1616), перешедший в 1567 г. в католичество. Все эти вельможи хорошо понимали силу печатного слова, активно пользовались им и внесли свои имена в историю книгопечатания.

В 1557 г. в Вильне состоялся первый учредительный синод протестантов Великого княжества Литовского, организационно оформивший реформационное движение, которое поначалу было однородным. Однако уже в начале 60-х гг. в протестантских рядах возникает радикальное на-

правление, известное под наименованием антитринитариев, или ариан. Формирование направления связано в Белоруссии и Литве с деятельностью Петра Гезки из Гонёндза (ок. 1525—1573), Симона Будного (1530—1593), Мартина Чеховица (1532—1613)⁸⁹. И антитринитаризм не был однородным течением. Его левое крыло утверждало идеи социального равенства («Вы не имеете права есть хлеб, добытый потом ваших подданных, а сами должны трудиться... продавайте ваши имения и имущество и вырученные средства раздавайте бедным») ⁹⁰, национально-религиозного равноправия («Все равны перед богом: и еврей, и грек, и немец, и поляк!») ⁹¹. Представители правого крыла придерживались умеренных взглядов.

Рост реформационного движения тревожил и католиков, и православных. Остафий Богданович Волович еще в 1558 г. посчитал необходимым конфиденциально сообщить русскому дипломату И. М. Висковатому о беспокоивших его явлениях в духовной жизни белорусско-литовского общества. «Да Остафей Волович приказывал втайне, — писал в Москву русский посол Роман Васильевич Олферев, — и велел бити челом диаку Ивану Михайловичу, что в их государя царстве учинилось дело злодейское великое люторство, и у него была подпора добрая, и та подпора при великой старости, и оперетца ему на иного не на ково» ⁹². Несколько лет спустя Волович сам стал кальвинистом.

Реформационное движение активизируется во второй половине 60-х гг., в ту пору, когда Иван Федоров переселяется в Великое княжество Литовское. В январе 1568 г. в Ивье (около Молодечно) и в октябре 1568 г. в Пелешнице (около Кракова) состоялись синоды польских, литовских и белорусских антитринитариев, на которых шла речь об отмене крепостничества, о коренной перестройке феодального уклада жизни. В 1569 г., как раз в то время, когда Иван Федоров и Петр Мстиславец печатали в Заблудове Учительное евангелие, антитринитарии организовали в Ракове примитивно-коммунистическую общину, члены которой пытались на практике провести в жизнь принципы сословного, национального и религиозного равноправия.

Для нашей темы особый интерес представляет издательско-типографская деятельность белорусско-литовских реформаторов.

Брестские типографии Миколая Радзивилла Черного. Искусство книгопечатания было известно в Великом княжестве Литовском задолго до приезда сюда Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Еще в 1523—1525 гг. в

Вильне работала печатная мастерская Франциска Скорины — первая типография на территории нашей страны. Жизнь и деятельность Скорины сравнительно хорошо изучены⁹³. Меньше известно о других типографиях, работавших на территории Великого княжества Литовского⁹⁴. Знать о них нам необходимо, так как их деятельность непосредственно предшествовала открытию заблудовской типографии Ивана Федорова. Некоторые работали одновременно с заблудовской типографией.

Книгопечатники могли поддерживать связи друг с другом. Такие связи документально зафиксированы между Иваном Федоровым и Симоном Будным. Круг «книжных людей» того времени: литераторов, ученых, книгопечатников — был узок. Различие вер, становившееся иногда непреодолимым препятствием на пути к сближению людей, не служило помехой для взаимного ознакомления с литературной продукцией враждующих группировок. Ортодоксальный московский беглец Артемий, живший при дворе князя Юрия Юрьевича Слуцкого, ругал Симона Будного, называл его «веру божие нечистыми ересми оскверняющим и святая писания развращающим кривосказанием»⁹⁵. Это не мешало Будному посылать Артемию свои книги.

Даже если исключить прямые контакты между Иваном Федоровым и другими белорусскими и литовскими книгопечатниками, деятельность их создавала определенные материально-технические предпосылки для возникновения славянской типографии кирилловского шрифта в Белоруссии.

Печатную продукцию для ортодоксальных католиков во множестве поставляли плодovитые и богатые краковские типографии, конкуренция с которыми была немыслима. В Великом княжестве Литовском — давнем оплоте реформационной мысли — типографии были связаны с протестантскими общинами, а позднее — и с еретическими движениями.

Важным центром книгопечатания в 50-х годах XVI в. становится Брест, староста которого крупнейший литовский магнат Миколай Радзивилл Черный делает его центром пропаганды кальвинизма в Литве. Первая типография была основана здесь в 1553 г. Бернардом Воевудкой, учеником Эразма Роттердамского, другом польского поэта-гуманиста Анджея Тшецеского⁹⁶. В трудах по истории книжного дела в СССР об этой типографии обычно ничего не сообщается. Между тем, Брест был третьим (после Вильнюса и Калининграда) отечественным городом, в котором заработал

печатный станок. Работала типография недолго — в июле 1554 г. Воевудка утонул. Корреспонденты кардинала Станислава Хозиуша (1504—1579), убежденного противника Реформации, доносили ему о многих «лютеранских» книгах, будто бы напечатанных Воевудкой в Бресте — о каких-то «польских песнях», о катехизисах и т. д.⁹⁷. Ни об одной из этих книг ничего известно не было до тех пор, пока в 1908 г. Ф. Пуласки не опубликовал сведения о трех брестских изданиях, обнаруженных им в Библиотеке Красиньских в Варшаве⁹⁸. К великому сожалению, перелистать страницы этих книг ныне уже невозможно — собрание Красиньских погибло в годы немецкой оккупации.

Первым брестским изданием, на котором стоит имя Воевудки, был перевод полемического сочинения Урбана Региуса «Способы и обычаи некоторые осторожные ... для молодых слуг слова божиего и проповедников в Княжестве Люнебургском ...»⁹⁹. Книга, как о том говорилось в ней, напечатана «по воле и приказанию ... Миколая Радзивилла». Воевудка посвятил ее супруге князя — Эльжбете Радзивилл; посвящение датировано 22 января. В конце же указана дата выхода в свет: 19 января. Очевидно, что книга объемом в 9,5 печатных листов вышла в самом начале 1554 г. По-видимому, несколько раньше, скорее всего осенью 1553 г., из брестской типографии вышли польский Катехизис и перевод труда Кристофа Имлера «Перечень десяти заповедей господних ...»¹⁰⁰. Ни дата, ни место печатания, ни имя типографа в изданиях не указаны.

После смерти Воевудки его вдова Доротея продала оборудование типографии краковскому печатнику Мациею Виржбенте.

Между тем, Миколай Радзивилл не оставлял мысли о пропаганде реформационных идей средствами печатного слова. В 1556 г. он обратился к прусскому герцогу Альбрехту, известному ревнителю протестантизма, с просьбой дать разрешение Яну Малецкому, типографу в Элке, на три года покинуть Пруссию для организации печатни в Бресте. 24 апреля 1556 г. Альбрехт ответил Радзивиллу согласием¹⁰¹. Но никаких следов пребывания типографа в Бресте не сохранилось. Новая типография была основана здесь лишь в 1558 г. Станиславом Мурмелиусом.

Печатному делу Станислав учился в Кракове. Впервые мы сталкиваемся с ним в начале 40-х гг. Опубликованные Я. Птасьником документы рассказывают о женитьбе Станислава на Анне Фолтыновой, вдове печатника Валенты¹⁰². Брак был неудачен. Уже в июне 1543 г. Станислав обви-

нил жену в неверности. Легкомысленная супруга Мурмелиуса убежала с любовником в Венгрию; вернулась к мужу она лишь в мае 1548 г. с ребенком, которого Станислав отказался признать своим. Дело рассматривал консисторский суд, который отказал Мурмелиусу в разводе. Я. Птасьник несколько прямолинейно связывает это событие с охлаждением Мурмелиуса к ортодоксальному католицизму и возникновению у него симпатий к реформационному движению, что, в конце концов, привело его в Брест к князю Миколаю Радзивиллу¹⁰³.

Первой пробой новой типографии был канционал Станислава Зарембы «Песни славы божией»¹⁰⁴ с посвящением автора Станиславу Пекарскому, датированным 1 ноября 1558 г. Издание открыл и подробно описал С. Кот¹⁰⁵. По подсчетам новейших польских историков, Мурмелиус в 1558—1561 гг. напечатал в Бресте 16 книг общим объемом свыше 146 печатных листов¹⁰⁶. Часть из них подписана типографом, часть же анонимна, и об их происхождении спорят до сего дня.

Среди подписанных изданий — выпущенные в 1559 г. труды известного проповедника Шимона Зациуса, одного из организаторов учредительного синода литовских и белорусских протестантов, состоявшегося в Вильне в 1557 г., «Акты, или дела виленского синода», «Исповедание веры виленского синода», и «О постах»¹⁰⁷.

К. Пекарский, на основе анализа типографских материалов, утверждал, что из брестской типографии Мурмелиуса вышел ряд книг юридического характера: «Законы польского права» (в 2-х изданиях: 1559—1560 и 1561), а также труды Бартоломея Гроицкого¹⁰⁸. Ни имя типографа, ни место издания на книгах не обозначены. Нет имени печатника и на небольших антикатолических брошюрах, выпущенных в 1560 г., хотя на некоторых из них мы встречаем типографский знак Мурмелиуса. Это — «Короткое известие о недавно избранном папе, имя которому Пий IV», «История о папе Иоанне VIII, который был женщиной по имени Жильберта», «Совет некоторых епископов ...», «Письмо кзендзу Бжехвы», «Песня о лютеровском положении монахов и монашек»¹⁰⁹.

С 1566 г. Станислав Мурмелиус работает уже в Ловиче, причем издает здесь сочинения иезуитов. А брестская типография, продолжает свою деятельность. В 1562 г. из ее стен выходит в свет поэма, посвященная памяти скончавшейся весной этого года Эльжбеты¹¹⁰ — супруги Миколая Радзивилла. Автором поэмы был Циприан Базылик (ок.

1535 — ок. 1591), поэт и композитор, живший при дворе Радзивилла¹¹¹. Не исключено, что именно Базылик руководил деятельностью брестской типографии в 1562—1567 гг.

Крупнейшим и важнейшим изданием типографии в этот период была знаменитая Брестская Библия, выпущенная в свет 4 сентября 1563 г. Об этом издании, которое, по словам А. Кавецкой-Грычовой, «объединило вокруг себя содружество знаменитых ученых и писателей того времени»¹¹², необходимо сказать подробнее, ибо книгу, несомненно, держал в руках Иван Федоров, когда работал над Острожской Библией, а возможно и раньше — еще в Заблудове.

Издана Библия на польском языке. Это не первый перевод. Впервые полный текст Библии на польском языке был издан в 1561 г. в Кракове в типографии Марека Шарфенберга. Это издание было хорошо известно Ивану Федорову. Использованные в нем концовки московский первопечатник впоследствии повторил в Часовнике 1565 года. А иллюстратор второго издания (1575) краковской Библии — Вендель Шарфенберг сотрудничал с Иваном Федоровым во Львове.

Перевод краковского издания был выполнен (а может быть, отредактирован) Яном Каспровичем из Львова (1523—1572) — известным проповедником, профессором теологии Краковского университета. Перевод следовал ортодоксальной католической традиции и, естественно, казался неприемлемым кружку ученых кальвинистов, собравшихся при дворе Миколая Радзивилла Черного.

Инициатором нового кальвинистского перевода называют Яна Лаского (1499—1560), гуманиста, исследователя и друга Эразма Роттердамского, Филиппа Меланхтона¹¹³. Переводчиками были Гжегож Оршак, Петр Страториус, Ян Тенаудус, Ежи Шоман и Якуб Любельчик¹¹⁴. Если на титуле краковской Библии указано, что перевод сделан с латинского текста, то издатели из Бреста подчеркнули, что ими использованы не только латинский, но и еврейский, и греческий тексты.

Напечатана Брестская Библия «в лист»¹¹⁵. На полосе — две колонки текста по 58 строк в каждой. Примечания вынесены на корешковые и боковые поля. На верхнем поле — колонтитулы. Пагинация на лицевой стороне каждого листа вверху справа — в четыре счета (13, 579, 143, 7 л.). Размер текстовой полосы (без текстов на полях): 326×158 мм. Сигнатура типа B, Vij, Viij, Viiij — на первых четырех листах каждой тетради внизу справа. Тексты титульных листов заключены в красивые гравированные на дереве

Брестская Библия 1563 г. ГБЛ.

рамки с изображением основных библейских сюжетов: грехопадение, скрижали Моисея, явление медного змия, распятие.

Каждая глава начата узорным готическим инициалом, плетенка которого напоминает заставки из Часовника 1565 года Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Реже встречаются инициалы, варьирующие мотивы акантовой листвы, иногда — с элементами тератологии. Содержание в начале каждой главы аннотируется шрифтом меньшего кегля с отсылкой к нумерации строк. Нумерация проставлена арабскими цифрами слева от колонки.

Иллюстрации, которые как и в пражской Библии Скорины, имеют прикладной характер, снабжены буквенными позициями и поясняющими их подрисовочными подписями¹¹⁶. Рисунки выглядят скорее как схемы или чертежи. Обрамлением иллюстраций служит полнотипажная литая орнаментика. Аналогичные полнотипажи играют роль концовок, завершающих отдельные разделы Библии. Книга Иисуса Навина и Апокрифы начаты большой П-образной заставкой с ромбическим медальоном, в котором изображено распятие (л. 121, 481).

Вокруг некоторых концовок и заставок можно встретить полнотипажи — четырехконечные розетки, а также листик на ветке того же самого рисунка, что и в Острожской Библии Ивана Федорова (л. 120 об., 121, 134 об., 148, 148 об. и т. д.).

Отметим любопытный метод корректуры: ошибочный текст заклеен тонкой бумагой с отпечатанным на ней правильным текстом (л. 308).

Брестская Библия — книга не редкая. Еще Жак Ле Лонг в 1723 г. указал, что экземпляры издания имеются в Парижской национальной библиотеке, в Императорской Венской библиотеке и в библиотеке Венского архиепископа. К. Эстрайхеру было известно 25 экземпляров из собраний Борковского, Браницкого, Чарнецкого, Чарторыйских, Четвертиньского, Дзедушицкого, Красиньских, Мошиньского, Оссолинских, Сангушко и др.

Т. Вержбовский указывает 3 экземпляра, принадлежавших Библиотеке Варшавского университета. В последние годы были описаны 5 экземпляров Библиотеки им. Оссолинских, 3 экземпляра Главной библиотеки Университета им. А. Мицкевича в Познани, экземпляр Публичной Варшавской библиотеки.

Есть книга в университетских библиотеках Кембриджа (Англия) и Упсалы (Швеция)¹¹⁷.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в настоящее время находятся пять экземпляров Библии 1563 г. Один из них (ЛБ XVI—401), восходящий к основному фонду Румянцевского музея, заключен в новый переплет, обтянутый красным бархатом и снабженный позолоченными застежками. Ряд листов книги утрачен и заменен рукописными копиями. Титульный лист, рамка которого превосходно гравирована на дереве, сохранился почти полностью. Другой экземпляр Румянцевского музея (ЛБ XVI—400), в свое время поступивший из Петербургской Публичной библиотеки, заключен в картонажный переплет с кожаным корешком. Много листов в нем отсутствует.

В почти полном экземпляре (ЛБ VII-12497), который в прошлом принадлежал Библиотеке Московской духовной академии, вместо титульного листа — шмуцтитул одного из разделов с надписью «Księgi Starego Testamentu»; рамка раскрашена от руки. Книга заключена в плохо сохранившийся переплет XVI в. Второй экземпляр Московской духовной академии (ЛБ VI—12458) менее полон. Титульный лист утрачен и заменен копией, выполненной от руки.

Сохранился титульный лист в экземпляре (ЛБ VII—12496), который заключен в старый переплет с медными угольниками и жуковинами.

Кроме Брестской Библии типография Миколая Радзивилла выпустила ряд других изданий. В 1564 г. отсюда вышло 6 книг. Среди них — Псалтырь, выпущенная в сравнительно небольшом формате (в четвертую долю листа)¹¹⁸. Издаются полемические труды польских антитринитариев Гжегсжа Павла¹¹⁹ и Яна Казановского¹²⁰, приписываемая Ц. Базылику поэма «Протей, или изменник»¹²¹, сочинение политического характера «Беседы поляка с литовцем ... о том, что есть права, вольность или свобода и об унии короны польской с Княжеством Литовским»¹²².

В 1565 г. патрон типографии Миколай Радзивилл Черный скончался. После его смерти характер издательской деятельности изменяется. Руководителем, а может быть, и владельцем типографии становится Циприан Базылик, который начинает во множестве печатать свои труды и переводы. 27 марта 1569 г. король Сигизмунд Август дает Базылику 15-летнюю привилегию, подтверждающую его право печатать «новые» сочинения с условием, что они не будут противны католической вере. Поэт и композитор начинает издавать книги, указывая на них место печатания: «в друкарне Циприана Базылика». В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина есть одно из этих изданий — известная

и в русской рукописной традиции «История о Скандербеге» (M. Barletus. *Historia o żywocie y zasnych sprawach Gerzego Kastryota, którego pospolicie Szkanderbegiem zowq ... Brześć, 1569*).

В 1570 г. деятельность типографии прекращается. По мнению польских историков книжного дела, сын Радзивилла Черного Миколай Кшиштоф Радзивилл Сиротка, порвавший в 1567 г. с кальвинизмом, перевозит типографское оборудование и материалы в Вильну, где в 1576 г. началась деятельность Радзивилловской типографии, издававшей, в основном, сочинения иезуитов. В 1576—1586 гг. она выпустила в свет 58 книг общим объемом в 726 печатных листов¹²³.

Кроме брестской типографии в 60—70-х гг. XVI в. активно работала и другая протестантская типография — в Несвиже. Ее деятельность связана с трудами и днями знаменитого идеолога антитринитаризма Симона Будного.

Симон Будный. Его издательская и редакторская деятельность. Много интересных людей встречал Иван Федоров в годы своих скитаний по городам и весям Западной Европы, Великого княжества Литовского, Польского государства. Пожалуй, самый замечательный из них — Симон Будный (1530—1593). Человек острого и язвительного ума, блестящий полемист, знаток древних и новых языков, Будный не мог не оставить заметного следа в памяти первопечатника, хотя его взгляды всегда были для Ивана Федорова чуждыми.

К сожалению, «великий еретик» по сей день не дождался сколько-нибудь обстоятельного монографического исследования. Лишь отдельные этапы его жизненного пути изучены; назовем работы польских и советских историков: Г. Мерчинга, С. Кота, Г. Я. Голенченко, С. А. Подокшина, Я. И. Порецкого¹²⁴.

Учился Будный в Краковском университете¹²⁵. Предполагают, что именно здесь он воспринял гуманистические идеи века, познакомился с различными реформационными течениями.

На территории Великого княжества Литовского мы встречаем Будного в 1558 г., когда он — катехизист протестантской общины в Вильне — три раза в неделю обучает детей грамоте и основам христианского вероучения¹²⁶.

В Вильне Симон сблизился с Миколаем Радзивиллом Черным. Около 1560 г. он уже протестантский «министр» в принадлежащем князю Клецке.

КАТІХІЗІСЪ

ДЛЯ ДЕТОКЪ ХРІСТІАНЬСКИ^Х

ІЗЫСЯ РУССКОГО, КОРОТКО

ВЫЛОЖЕНА.

ПЫТАНЬЕ.

Ш То есь ты з ; ; ;

ОКЯЗЪ.

Человѣкъ есмь сътворенъе божіе розд
мное, богомъ по образѣ его сътворен
ное. ; ; ;

ПЫТАНЬЕ.

Чого дѣла гдѣ бгъ тебе сътворилъ;

ОКЯЗЪ.

Не для того абы безъ мѣне быти не могъ,
яле абыхъ его позналъ, любилъ, ему^я ся
я

Два года спустя имя Будного встречается в сочетании с названием — Несвиж. Этот небольшой городок недалеко от Слуцка в 30-х гг. XVI в. становится собственностью Радзивиллов. Миколай Черный делает его оплотом кальвинизма. В 1562 г. наместник Радзивилла Матвей Кавечинский открывает в Несвиже типографию и печатает в ней кирилловским шрифтом две книги С. Будного на белорусском языке.

Первая называется «Катихисис, то есть наука стародавняя христианская от светого писма для простых людей языка руского».

Книга известна в литературе давно. Еще в 1696 г. в предисловии к «Православному исповеданию веры» Петра Могилы московский патриарх Адриан писал: «Мартина убо Лютера ученицы изобретше писмена славенороссийская, точная, чистая; и преведше на славенский чистый диалект, своих из лживых догматов доводы, и типом издавше износоша на свет свой яда полный ... две книжичицы, едину в полдесть в граде Несвижине, в лето 1562, вторую сокращеншу в четверть, в граде Стиоколне (т. е. Стокгольме. — *Е. Н.*) в лето 1628, нарекше тыя книжичицы Катихисис, рекше наглашение, или учение ...»¹²⁷.

Катехизис Симона Будного был хорошо известен на Западе. Все упоминания об этой книге мы перечислять не станем. Назовем лишь краткий очерк истории славянского книгопечатания в «Истории славянского языка» (Берлин, 1727) Иоганна Леонарда Фриша (1666—1743)¹²⁸.

Первый историк русского книжного дела Андрей Иванович Богданов (1692—1766) в своем оставшемся в рукописи «Кратком введении и историческом изыскании о начале и произведении вообще всех азбучных слов» (1755) отмечает, что в «1562 г. напечатан был русскими литерами Катихисм в городе Несвижине»¹²⁹.

Знали о несвижской типографии и о Катехизисе историк польского книгопечатания Я. Гоффман¹³⁰ и русский библиотекарь И. Бакмейстер¹³¹.

«Катехизис Люторов», выпущенный в свет «в Несвиже 1562 г.», называет митрополит Евгений Болховитинов уже в первой своей статье об Иване Федорове (1806), впоследствии в переработанном и дополненном виде вошедшей в его биографические словари¹³².

Не раз упоминал о Катехизисе — как в своей переписке, так и на страницах печатных трудов — классик славяноведения Йозеф Добровский¹³³. Ему был известен экземпляр книги, сохранившийся в Пражской королевской библиотеке.

П. И. Кеппен в 1825 г., регистрируя Катехизис 1562 года в своей «Хронологической росписи первопечатным словенским книгам», не указал местонахождения ни одного из сохранившихся экземпляров книги¹³⁴. П. М. Строев в 1829 г. описал Катехизис, находившийся в ту пору в собрании Ф. А. Толстого¹³⁵. Последнего листа с выходными сведениями в этом экземпляре не было. П. М. Строев нашел его в Катехизисе из собрания М. П. Погодина, в котором зато отсутствовал титульный лист и листы с первым предисловием. Сведения об этом экземпляре были опубликованы в 1841 г.¹³⁶. Возможно именно этот экземпляр и находится в настоящее время в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, 1.5.24^б).

В 1845 г. стал известен четвертый экземпляр несвижского издания — из собрания А. Д. Черткова¹³⁷, который купил его у А. С. Ширяева за 100 руб. В дальнейшем он попал в Государственный исторический музей (ГИМ, Чертк. 602)¹³⁸. На первых листах книги — владельческая запись Степана Петровича Свечина (XVIII в.).

Прошло три года, и в 1848 г. В. М. Ундольский зарегистрировал экземпляр Катехизиса из собрания А. И. Кастерина¹³⁹. Затем книга поступила в Петербургскую Публичную библиотеку, откуда в 1877 г. в числе дублетов была передана Румянцевскому музею (ныне: ЛБ, № 5543).

И. П. Сахарову были известны уже 6 экземпляров Катехизиса 1562 г.¹⁴⁰. Впервые на страницы печати вводились сведения об экземпляре Московской синодальной типографии, который впоследствии поступил в Московскую Духовную академию, а в настоящее время находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ЛБ, № 2816).

И. П. Каратаев уже в 1861 г. на страницах «Хронологической росписи славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами» (с. 9, № 44) упомянул экземпляр из своей личной библиотеки. Он был приобретен собирателем за 50 руб. Книга в настоящее время находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1.5.24^а). На ее страницах — запись XVII в.: «Сия книга, глаголемая катехизис Ивана Останевича Рутского, никому до сие книги дела нету».

В дальнейшем исследователям стали известны еще четыре экземпляра Катехизиса 1562 года. Один из них в 80-х гг. прошлого века был приобретен П. В. Щаповым. В 1888 г. он вместе со всеми изданиями собрания Щапова поступил в Исторический музей, где и находится поныне (ГИМ, Щап. 74)¹⁴¹.

Был несвижский Катехизис и в старейшем украинско-польском собрании Чарторыйских, которое ныне — в Национальном музее в Кракове. Этот экземпляр польские историки книги ошибочно считают уникальным¹⁴².

В самое последнее время Г. Я. Голенченко зарегистрировал экземпляр Катехизиса, находящийся в Научной библиотеке Московского университета (2^{се}/49), а В. И. Лукьяненко — экземпляр из библиотеки П. П. Сухтелена (ГПБ, 1.5.24^в)¹⁴³.

В литературе, таким образом, описано одиннадцать экземпляров Катехизиса 1562 года. Неизвестно местонахождение экземпляра Ф. Толстого. По два экземпляра книги хранятся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Государственном Историческом музее, три экземпляра — в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, по одному — в научной библиотеке МГУ, Национальном музее в Кракове и Государственной библиотеке ЧССР в Праге.

Катехизис Симона Будного в издании 1562 г. описан русскими библиографами П. А. Гильтебрандтом¹⁴⁴ и И. П. Каратаевым¹⁴⁵, а в последнее время — В. И. Лукьяненко. Книга отпечатана в четвертую долю листа. Пагинация размещена на лицевой стороне листа внизу справа — в 3 счета, в нумерации страниц имеются ошибки. О листовом составе книги дает представление формула: $[1]^{6}[2]^{4} - [65]^{4} = 1-6, 1-3, \text{нм. л. (пустой)}, 1-17, \text{нм. л.}, 19, \text{нм. л.}, 21-63, \text{нм. л.}, 65-109, 101 (\text{вариант} - 110), 111 (\text{вариант} - 112), 113-209, \text{нм. л.}, 210, 212-231, \text{нм. л.}, 233-251, \text{нм. л. (пустой)} = 262 \text{ л.}$

По мнению П. А. Гильтебрандта, в Катехизисе использован «шрифт пражский разных сортов», то есть идет речь о том, что Будный имел у себя шрифт Франциска Скорины¹⁴⁶. Однако уже И. П. Каратаев утверждал, что несвижский шрифт лишь «схож со шрифтом изданий Скорины; и если нельзя сказать, что оба эти издания напечатаны одними и теми же буквами, то, вероятно, шрифт скорининских изданий служил образцом для „Катехизиса“»¹⁴⁷. Вопрос до конца не прояснен по сей день. Так, авторы нового польского энциклопедического труда «Типографы старой Польши», не исключая возможность использования шрифтов Скорины, говорят, что окончательное решение вопроса может дать лишь тщательный типометрический анализ шрифтов Скорины, Будного и Тяпинского¹⁴⁸.

Мы считаем своим долгом привести здесь соответствующие разъяснения.

Шрифт и система набора Будного очень похожи на шрифт и систему набора Скорины. В изданиях обоих просветителей новые предложения (после точек) начаты прописными буквами. Это их основное отличие от московских первопечатных изданий и от изданий Швайпольта Фиоля, в которых, как известно, прописные буквы не применялись.

Похожа и графика шрифта. Шрифт Будного, вне всякого сомнения, делался по образцу скорининского. Об этом с наибольшей наглядностью свидетельствуют парные знаки двух различных начертаний: например, для букв «веди» и «добро». Однако есть и различия. Так, например, в пражском шрифте Скорины буквы «рцы» и «земля» имеются в двух начертаниях, а у Будного — в одном (нет вариантов без нижних выносных элементов). Мастер шрифта Будного заимствует у Скорины два варианта литеры «твердо», но прибавляет к ним еще третий — со спускающимися до линии строки вертикальными отсечками.

Уже одно это говорит о том, что книги Будного отпечатаны шрифтом собственной отливки. Окончательно убеждает нас в этом типометрия. Высота 10 строк набора в пражских изданиях Скорины — 75 мм, в Катехизисе Будного — 83 мм. Посвящение и второе предисловие книги набраны мелким шрифтом (10 строк — 56 мм), напоминающим виленский шрифт Скорины. Различна и техника. Надстрочные знаки ударений и «придыханий» мастер шрифта Скорины отливал вместе с литерами шрифта, а мастер шрифта Будного — отдельно. Таким образом, надо считать установленным, что пражский шрифт Скорины в несвижских изданиях не использовался.

Второй белорусской книгой, напечатанной в Несвиже, был труд Симона Будного «О оправдании грешного человека перед богом». Единственный известный экземпляр издания был в свое время описан В. С. Сопиковым¹⁴⁹. Где сейчас находится книга, и у кого видел ее Сопиков неизвестно. Но что она действительно существовала, сомнению не подлежит. Сопиков приводит выдержки из помещенного в книге посвящения Остафию Воловичу: «Часто бо от твоей милости слышал есмь, яко бы рад есть мел подданным своим учителей верных, и на размноженье книг добрых накладов обещаешь не жаловати. А не только обещаешь, но и початок сее друкарни нашее твоей милости наклады исперва, еще, яко некое основание уготовали и укрепили. На что я и с товарищми своими памятуючи и вдячность показати хотечи, умыслили есмо под именем твоим сие початки выпустити». Приводит Сопиков и выходные сведения книги:

«Доконана есть сия книга о оправдании ... 1562 года, октября 11 дня, на городе Несвижском, вытеснена накладом благочестивых мужей Матвея Кавечинскаго, Лаврентия Кришковскаго и Симона Буднаго».

Все остальные упоминания книги «О оправдании...» на страницах славяно-русской библиографии¹⁵⁰ восходят к В. С. Сопикову. Однако известно свидетельство о двух напечатанных Будным книгах, независимое от знаменитого русского библиографа. Принадлежит оно старцу Артемию, жившему в 60-х гг. XVI в. неподалеку от Несвижа — в Слуцке. Симон Будный послал Артемию свои книги, «пытаючи», как рассказывал потом Артемий, «што ся нам видит по той книжки, которую ново друковали есте в Несвижу, се же „Катихисис“». Старец ответил «великому еретику» многословным посланием, а в дальнейшем, не получив ответа, снова написал ему. Оба послания сохранились¹⁵¹.

Артемий отдает должное уму и образованию своего оппонента. «Обогащенный наивысшим смыслом, наипаче же украшенный добрым обычаем», «възлюбленный брате» — так обращается он к Будному. Это не мешает ему быть резким, а подчас и беспощадным в полемике. «Просим вашу любовь, — призывает Артемий Будного, — ... абы ... добрые книги друковали, рекше — кгрунтовый». «Добрые книги» он сравнивает со золотом и серебром, а те, которые печатает Будный, с дровами, сеном и соломой. «Таковыи книжки», по его мнению недолговечны, «маловременны» — он уподобляет их тыкве, «яще об ноць възрасте и об ноць погипе». Из текста послания следует, что Артемий и Симон Будный встречались лично. «Пред тым устне говорил еси», — пишет старец Будному.

Артемий отказывает антитринитаризму в праве именоваться религией: «не смеем церковию именовати сонмиц ваших». Оценки его категоричны: «Вся же наука ваша — ругатися церкви Христове и истинным христианом».

Верный своему гуманистическому мировоззрению, которое ярко проявилось еще в Москве, Артемий осуждает призыв антитринитариев сжигать иконы, которые для него, как и книги — памятники культуры. Он не боится осудить сжигание языческих книг в первые годы христианства «при апостолах», принимая во внимание хотя бы их материальную ценность: «а тожде в них паргамен и чернило, в них же сложивше цены их обретоша пять тем сребра». И далее проводит образную и смелую параллель: «И ныне, понеже, тогда таково бысть, убо и нам ли по вашему разуму своя христианскиа книги съжигати, якоже и иконы заровно с

языческими идолами личите, бо то же писано в книгах, что и на иконах маловано».

Однажды все же Артемию пришлось покривить душой. Симон Будный писал ему «о науце ... якъ бы многи языки имети учителем добро». Речь шла о необходимости знания иностранных языков лицами духовного сословия. Мог ли что-либо возразить против этого тезиса человек, который еще в Москве призывал «До смерти учиться подобает!» Однако времена изменились, и Артемий противопоставляет тезису Будного авторитет священного писания: «Не в словеси, рече апостол, царство Божие, но в силе добрых дел!»

В посланиях Артемия упоминаются две книги Симона Будного. Первую из них он подробно разобрал в одном из дошедших до нас писем: «на твою Катихисию писали есмо сказуючи достаточно». Вторая книга названа им «О оправдании», Артемий обильно цитирует ее. Речь несомненно идет о книге «О оправдании грешного человека перед богом».

Преодолеть свою ортодоксальность Артемий не смог. И все же он значительно шире официальных московских книжников, которые и в XVII в. считали предосудительным не только чтение, но и хранение изданий Симона Будного. В экземпляре Катехизиса, издавна находившемся на Московском Печатном дворе, сделана следующая характерная запись: «Книга Катихисис печатный Лютерский на словенском языке в ней же многия ереси лютерския и церкви противные написаны ... Сея книги всякому православному христианину читати не достоин, а зде она лежит для обличения лютерских ересей, чтоб ведать о них»¹⁵².

Вернемся, однако, к изданиям Симона Будного.

Есть, впрочем, еще одно упоминание о книге «О оправдании грешного человека», относящееся к новому времени, но с указанием В. С. Сопикова не связанное. Никто из писавших о Симоне Будном не знал, что экземпляр «О оправдании...» был в библиотеке А. Е. Бурцева. Книга описана в многочисленных каталогах этой библиотеки, которые Бурцев самолично составлял и издавал с поистине купеческой роскошью¹⁵³. Библиотека Бурцева, как известно, была распылена, многие ее уникалы погибли. Где находится принадлежавшее ему издание, и тот ли это самый экземпляр, о котором писал Сопиков, мы в настоящее время сказать не можем.

Г. Я. Голенченко, С. А. Подокшин и другие исследователи считают, что несвижская типография выпустила несколько книг кирилловского шрифта¹⁵⁴. Называют Евангелие, Псалтырь, сатирический арианский Катехизис ...

В. Ластовский утверждал, что в Несвиже было выпущено одно из анонимных Евангелий¹⁵⁵, московское происхождение которых давно уже не вызывает никаких сомнений. Аргументацию он строил на том, что Евангелие будто бы напечатано теми же самыми литерами и на той же самой бумаге, что и Катехизис 1562 года. Утверждение голословное. Шрифт московского Евангелия не имеет решительно ничего общего с несвижским. Да и бумага обоих изданий различна.

Не можем мы проверить сейчас сведения Ластовского об арианском Катехизисе Будного, четыре листа из которого, напечатанные будто бы несвижским шрифтом, хранились в библиотеке Эмануэля Булгака около Быхова. Ластовский приводит даже выписку из этого Катехизиса, сделанную для него археологом И. Луцкевичем¹⁵⁶.

Сколько-нибудь определенных сведений ни об одной из названных книг нет. Однако Будный, несомненно, собирался продолжать издательскую деятельность на белорусском языке. В предисловии к Катехизису 1562 года он писал: «... естли будет божия воля можется ширей и другое управити». И называл книгу, которую предполагал выпустить в свет: «о святом крещении и о вечери сына божиего помыслити можем опричную книжку выпустити». В. Ластовский утверждал, что книга эта была издана в 1582 г. в Несвиже¹⁵⁷. Для такого утверждения никаких оснований нет. В начале 80-х гг. Будный жил в Лоске, а несвижская типография давно уже прекратила свое существование.

Если о кирилловских изданиях несвижской типографии, вышедших в свет после Катехизиса 1562 года, ничего определенного сказать нельзя, то вполне определены сведения о польско-латинских изданиях этой друкарни. Таких изданий известно одиннадцать. Все они напечатаны прославленным польским типографом Даниелем из Ленчицы (ок. 1530—ок. 1600)¹⁵⁸. Он учился в Кракове, в 1557—1562 гг. работал в Пинчове, в 1563—1571 гг. — в Несвиже, в 1571—1572 гг. — в Заславе, в 1574 г. — в Лоске и в 1576—1600 гг. — в Вильне. Последнее из известных нам изданий, выпущенных Даниелем в Пинчове, датировано 20 августа 1562 г. В Несвиж он перебрался осенью. Поэтому мы не можем связать с его именем печатание кирилловских изданий — напомним, что Катехизис датирован июнем 1562 г.

Первым несвижским изданием, подписанным Даниелем, был Новый завет в польском переводе Симона Будного, вышедший в свет в 1563 г.¹⁵⁹. Будный в течение многих лет

трудился над переводом библейского текста; по словам польского историка Г. Мерчинга, ему принадлежит «первая в мировой литературе попытка всесторонней критики текстов Нового завета»¹⁶⁰.

1563—1564 гг. помечено второе несвижское издание Даниеля из Ленчицы — польский Катехизис, который имеет немало параллелей с белорусским изданием 1562 г.¹⁶¹.

В 1564 г. Даниель из Ленчицы выпускает серию польских и латинских полемических трудов Гжегожа Павла¹⁶², а также книгу «Святого Юстина Философа и мученика беседа с евреем Трифоном», переведенную на польский язык Вавжинцем Кжышковским и Симоном Будным¹⁶³.

Затем на протяжении нескольких лет мы ничего не знаем о деятельности несвижской типографии. Быть может, издания ее за этот период до нас не дошли. 1568 г. помечен Новый завет, экземпляры которого в прошлом веке были в собрании Красиньских и в библиотеке в Дзикуве; в настоящее время, по-видимому, единственный экземпляр находится в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве¹⁶⁴.

В 1570 г. типография выпускает Апокрифы и Новый завет в переводе Симона Будного¹⁶⁵. Даниель из Ленчицы начинает подготовку к изданию колоссального труда — полного перевода Библии, который Будный решил противопоставить католическому краковскому изданию и кальвинистскому брестскому. Однако закончить это крупное издательское предприятие в Несвиже не удалось. Деятельность несвижских типографов критиковали и слева, и справа. Миколай Житно, один из лидеров умеренной группировки литовских антитринитариев, писал «министру» из Вильны Миколаю Вендрговскому: «Позаботься ..., чтобы несвижский наместник запретил печатание их ядовитых сочинений»¹⁶⁶.

В 1565 г. Миколай Радзивилл Черный, покровитель М. Кавечиньского, умер, а его сын, перешедший в католичество, Миколай Радзивилл Сиротка занял непримиримую позицию по отношению к кальвинистам и антитринитариям. Рассказывают, что он скупал издания брестской и несвижской типографий и сжигал их. В 1571 г. Сиротка писал своему наместнику в Несвиже Иерониму Маковецкому: «Не знаю, почему вы этих „желтобрюхих“ в Несвиже терпите, особенно Кжишковского, типографа, корректора и других ненужных нам слуг ... Приказываю сообщить не только новокрещенцу Кжишковскому, но и типографу, корректорам и другим слугам, чтоб возвращались к своему пану, а в моем имении больше не распоряжались, и не жили ...»¹⁶⁷.

В «Библии, или книгах старого и нового завета, вновь с языка еврейского, греческого и латинского на польский переведенных», оконченной печатью 15 июня 1572 г., место печатания не указано. Издание имеет два предисловия. Под одним из них, подписанным братьями Кавечинскими, указано — «в Узде 3 июня 1572 г.» Узда — небольшое местечко в Новогрудском повете, издавна принадлежавшее шляхтичам Кавечинским. Матвей Кавечинский, накладом которого напечатан белорусский Катехизис 1562 года, умер в июне 1572 г., как это явствует из помещенного в Библии посвящения, подписанного его братьями Гектором и Альбрехтом 30 июня 1572 г.

Второе предисловие Библии, принадлежащее перу переводчика — Симона Будного, написано в Заславле 7 мая 1572 г. После смерти Миколая Радзивилла Черного Будный перебрался в Заславль, где стал протестантским «министром» в имении Ивана Ивановича Глебовича (ум. 1590) — каштеляна Минского, а впоследствии воеводы Троицкого, одного из богатейших магнатов Литвы.

С. Кот, Г. Я. Голенченко и некоторые другие авторы считают, что типография Даниеля из Ленчицы была перенесена из Несвижа не в Заславль, а в Узду, и что именно здесь была закончена печать Библия Симона Будного.

Более аргументированным представляется мнение Г. Мерчинга, которое поддерживают А. Кавецка-Грычова и другие авторы нового справочника «Типографы старой Польши»¹⁶⁸. По их мнению, типография была перенесена в Заславль, небольшое местечко верстах в 30 от Минска. Мнение подкрепляется свидетельствами анонимного автора статьи «Об униатских типографиях», помещенной в известной «Антитринитарной библиотеке» Христофора Санда (Фрейштадт, 1684), а также убежденного врага анти-тринитариев Миколая Циховия, сославшегося на «польские Библии, изданные самими арианами в Заславле Литовском и Ракове»¹⁶⁹.

Библия Симона Будного — большой том общим объемом в 750 л. Пагинация дана в 5 счетов — в этом смысле нельзя не провести аналогий между этим изданием и Острожской Библией; Иван Федоров, несомненно, был знаком с Библией Будного — приступая к изданию полной славянской Библии, князь Константин Константинович Острожский собирал различные списки и издания Ветхого и Нового заветов.

К. Эстрейхеру были известны 8 экземпляров Библии 1572 года из собраний Чарторийских, Четвертинских,

Дзедушицких, Красиньских, Ягеллонской библиотеки и библиотек в Курнике, Дзикуве и Киеве¹⁷⁰. Три экземпляра в 1889 г. были в Библиотеке Варшавского университета¹⁷¹. Экземпляр с экслибрисом графа Иозефа Дзедушицкого в настоящее время находится в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве. Здесь же экземпляр из собрания В. Баворовского и экземпляр, находившийся в XIX в. в Николаеве¹⁷². Известны также экземпляры Национальной библиотеки в Варшаве, Библиотеки Польской Академии наук в Курнике и Центрального государственного архива древних актов в Москве¹⁷³.

В 1572 г. братья Кавечиньские продали свою типографию кравчему Великому княжеству Литовского, с 1579 г. — старосте Жмудскому, а с 1588 г. — каштеляну Виленскому Яну Станиславовичу Кишке (ум. 1591)¹⁷⁴. Крупнейший феодал, один из богатейших людей княжества Кишка состоял в родстве с знатнейшими магнатами: его мать происходила из рода Радзивиллов, а жена была дочерью князя Константина Константиновича Острожского. Именно через зятя Острожский получал издания антиринитариев. Задумав основать в своем укрепленном замке Остроге типографию и обратившись для этого к Ивану Федорову, князь Константин Константинович мог заинтересоваться опытом Кишки — отсюда вполне возможные связи делового характера между Иваном Федоровым и типографами старосты Жмудского.

Типография находилась в Лоске — небольшом местечке Ошмянского повета Виленского воеводства. Осенью 1573 г. в Лоск перебрался Симон Будный, получивший в замке Кишки должность проповедника. С этого времени и на протяжении почти десяти лет, по словам Г. Я. Голенченко, С. Будный выступает как идейный руководитель типографии¹⁷⁵.

Даниель из Ленчицы, переехавший в Лоск из Несвижа, напечатал здесь в 1574 г. выполненный Симоном Будным перевод Нового завета¹⁷⁶. «Великий еретик» считал, что именно этот перевод соответствует его взглядам. В несвижские и заславльские издания он принужден был внести определенные изменения по настоянию М. Кавечиньского и В. Кжишковского. Изданию 1574 г. предпослано предисловие Будного «Ко всем верным читателям этих книг», а в конце помещен интересный комментарий. Для нашей темы эти работы Будного представляют исключительный интерес, ибо в них приводятся ссылки на московские первопечатные издания — анонимные Евангелия и Апостол

1564 года. Будный цитирует послесловие московского Апостола, рассказывает о начале книгопечатания в Москве «накладом самого великого князя». При этом он ссылается на авторитет «друкарей московских, которые здесь у нас уже несколько лет». Московские издания «великий еретик» получил непосредственно от первопечатников. Рассказывая о работе по редактированию оригиналов первопечатных изданий в Москве, Будный пишет: «Зная, что многие недавние и небольшие ошибки они-то друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые маркиановские, гомозианские и других еретиков искажения не по московскому собранию книг править и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Учинили то, что могли, за что им другие должны быть благодарны ...»¹⁷⁷.

Когда произошла встреча Симона Будного с московскими типографами? По авторитетному мнению Г. Я. Голенченко, с которым мы полностью солидаризируемся, это случилось в январе—марте 1566 г. в Вильне, куда Будный приехал для переговоров с виленскими антиринитариями.

Легко понять, что взгляды Симона Будного были далеки от ортодоксального православия Ивана Федорова. Но сам факт встречи этих одаренных людей говорит об определенной широте взглядов московского первопечатника. Андрей Курбский несколько лет спустя попросту отказался читать присланный ему князем Константином Константиновичем Острожским ответ протестантского проповедника Мотовиллы на книгу Петра Скарги «О соединении церкви божией под одним пастырем».

Возвращаясь к деятельности типографии в Лоске, скажем, что ее технический руководитель Даниель из Ленчицы в конце 1574 г. уехал в Вильну¹⁷⁸. Здесь он работал в католической типографии Миколая Кшиштофа Радзивилла Сиротки, затем в типографии виленского «собора» антиринитариев, в Академической типографии иезуитов и, наконец, основал собственную мастерскую. Среди его изданий — «Десятилетняя повесть военных лет Кшиштофа Радзивилла», сочиненная Андреем Рымшей, воспитанником Острожской академии, автором «Хронологии», которую Иван Федоров напечатал в 1581 г. в Остроге.

После отъезда Даниеля, Кишка пригласил в Лоск знаменитого впоследствии типографа Яна Карцана (ум. 1611)¹⁷⁹. В имении Кишки Карцан работал до 1580 г. и напечатал здесь 7 книг общим объемом в 245 печатных листов. Первой книгой, в которой мы встречаем его имя, был труд Симона

Будного «О важнейших положениях христианской веры»¹⁸⁰. На страницах книги Будный утверждал человеческую природу Христа, подвергал рационалистической критике библейские тексты.

В 1576 г. Ян Карцан печатает в Лоске еще две книги: трактат Цицерона «Об обязанностях» в польском переводе Станислава Кошуцкого¹⁸¹, а также брошюру Франциска Гомана (Варамунда Фризия) о Варфоломеевской ночи. Перевод ее, выполненный Симоном Будным под названием «О буйствах, или о неистовствах французских»¹⁸², был в ту пору весьма злободневным. Речь шла о религиозной нетерпимости, приведшей к национальной катастрофе, что в условиях начинавшейся контрреформации в Польше не могло не волновать Будного.

В 1577 г. типография выпускает большой труд известного польского публициста и просветителя Анджея Фрыча Моджевского (ок. 1503—1572) «Об исправлении Речи Посполитой»¹⁸³. Труд этот, в котором, в частности, шла речь о необходимости сословного равенства, перевел на польский язык (книга была написана и издавалась в 1551, 1554 и 1559 гг. на латинском языке) уже знакомый нашему читателю Циприан Базылик.

Карцан покинул Лоск в 1580 г. и начал свою многолетнюю и весьма плодотворную издательско-полиграфическую деятельность в Вильне — в 1580—1611 гг. он выпустил здесь 102 издания общим объемом в 1932,5 печатных листа. Однако, типография в Лоске продолжала работать. В 1583 г. она выпустила труд Симона Будного «О чине, меч употребляющем», на страницах которого Будный полемизировал с радикальным крылом антитринитаризма, критиковавшим феодальный уклад и отрицавшим необходимость светской власти¹⁸⁴.

Симон Будный критикует взгляды на светскую власть Петра из Гонёндза, изложенные им в сочинении «О примате христианской церкви». Сочинение это ни в рукописи, ни в печатном издании до нас не дошло. С. А. Подокшин относит к нему слова виленского войта Ротунда в письме к кардиналу Станиславу Хозиушу от 13 сентября 1567 г.: «Сам я видел и читал напечатанную в Гродно польскую книгу, где содержится такое богохульство на Иисуса Христа, о котором нельзя не только сказать, но и подумать ... в ней отрицается всякая власть и государственные должности, прославляется христианская свобода, вводится общность имущества, упраздняются всякие различия между сословиями ..., чтобы не было разницы между королем и наро-

дом, между господином и подданным, между знатными и плебеями»¹⁸⁵.

Если это издание действительно существовало, мы должны включить в список древнейших типографий нашей страны и типографию в Гродно, по сей день неизвестную историкам книгопечатания. Для нас это чрезвычайно интересно по той причине, что неподалеку от Гродно, в Заблудове в 1569 г. заработал печатный станок Ивана Федорова.

Дальнейшая деятельность Симона Будного выходит за пределы нашей темы. Скажем лишь, что Луцлавичский синод антитринитариев 1582 г. и Венгровский синод 1584 г. отлучили его от церкви. Умер «великий еретик» 13 января 1593 г. в местечке Вишневе под Ошмянами, порвав перед смертью последние узы, связывавшие его с религией. Последними его словами были: «Ей богу, я не знаю никакого бога, я также не знаю ничего о боге. Ей богу, я не знаю Христа, я совершенно ничего не помню о Христе»¹⁸⁶.

Василий Тяпинский и его издательская деятельность. В. И. Пичета называл Василия Тяпинского «подлинным представителем радикального направления в белорусском Возрождении», говорил, что он занимает «видное место среди белорусских просветителей и продолжателей дела Скорины»¹⁸⁷. Не менее высоко оценивают его деятельность и современные белорусские историки. К сожалению, жизненный путь Тяпинского на основании источников подробно не изучен. Может быть названа только небольшая монографическая статья М. В. Довнар-Запольского¹⁸⁸, материалами которой пользуются все позднейшие авторы¹⁸⁹. В недавнее время небогатая историография вопроса была пополнена лингвистическими исследованиями А. И. Журавского и М. А. Муталимовой и интересной обзорной статьей Г. Я. Голенченко¹⁹⁰. Вот, пожалуй, и все.

Василий Николаевич Тяпинский-Омельянович происходил из богатой шляхетской белорусской семьи. Его отец Миколай Тяпинский в документах Литовской метрики называется «боярином государским полоцким». Сохранились сведения о судебных делах Миколая в 30-х гг. XVI в. с паном Глебом Есманом и с собственным братом Матвеем Тяпинским¹⁹¹.

Точная дата рождения Василия неизвестна: по оценке Н. А. Янчука и В. Ластовского — ок. 1530 г., по мнению Е. Ф. Карского, — ок. 1540 г.¹⁹².

Тяпинский владел землями в Полоцком, Лидском, Виленском и Минском поветах. Женат он был на Софии Даниловне из роду князей Жыжемских, которая принесла мужу

ВАСИЛЬ ТЯПИНСКИЙ * 1605

Василий Тяпинский. С гравюры XVII в.

в приданое имение Свираны на озере Свирь — неподалеку от Свенцяи; в имении было 13 хат. Родовое поместье Тяпинских, от которого они получили свою фамилию, находилось в Полоцком повете, в 18 верстах от города Лепеля. Здесь, в Тяпине было 12 хат тяглых людей, обрабатывавших на барщине два дня в неделю, а также четыре крестьянина, выплачивавших «куницу» по 48 грошей в год. Со своего имения Тяпинский выставлял одного конного воина. В составленном 13 августа 1565 г. инвентаре имений, розданных половчанам, упомянуто: «Матею Тяпинскому и братаничом (т. е. племянником.— *Е. Н.*) его у Могилеве село Головенчи — служоб семь, дымов одиннадцать, плату коп шестнадцать, грошей сорок четыре, жита бочок десеть и пол, овса бочок десеть и пол, кгрунту вдолж на чотыри версты, а попереk на три версты»¹⁹³. В минском повете Матвей Тяпинский и его племянник Василий совместно владели имением Латголы, или Лотыголич.

Интересные, по сей день не опубликованные материалы об имущественных отношениях Василия Тяпинского сохранились в Литовской метрике¹⁹⁴.

Как шляхтич, Тяпинский должен был принимать участие в военных действиях, которые в ту пору Великое княжество Литовское вело против Москвы. В описи конной роты, составленной 1 июня 1567 г. в Чашниках оршанским старостой, зятем Г. А. Ходкевича Ф. С. Кмитой, упомянут «товарыш (т. е. младший офицер. — *Е. Н.*) Василий Тяпин на шесть кони. На нем панцер, шишак, шабля, гаркабуз, кончер, секирка, под ним дрыгант (т. е. жеребец — *Е. Н.*) сив»¹⁹⁵. В том же году, в «Попису войска Великого княжества литовского» «Василий Тяпинский з Лотыгалич» назван служебником подканцлера Остафия Воловича¹⁹⁶, что для нас представляет несомненный интерес, ибо Волович был в числе тех магнатов, которые заботились о создании православной типографии в Великом княжестве. Он же финансировал некоторые издания Симона Будного.

В 1915 г. белорусский библиограф Р. Зямкевич в библиотеке К. Святополк-Завадского в Крошине нашел гравированный на дереве портрет Василия Тяпинского. Оттиск, датированный 1576 г., был вложен в Брестскую Библию 1563 года. Где находится этот оттиск сейчас, неизвестно.

Сам факт находки портрета в Брестской Библии говорит о привязанностях Тяпинского. От кальвинизма он, вслед за Симоном Будным, пришел к антитринитаризму. Отдельные высказывания Будного позволяют утверждать, что оба деятеля белорусско-литовской реформации хорошо зна-

ли друг друга. Синод 1574 г., на котором Будный предложил на обсуждение свою рационалистическую религиозно-философскую доктрину, происходил, как пишет сам Будный в книге «О важнейших положениях христианской веры», «в доме брата милого Василия Тяпинского»¹⁹⁷. В другой книге Будный рассказывает о синоде 1578 г. белорусских, литовских и польских антитринитариев в Лоске. На синоде главным оппонентом Марцина Чеховица и Александра Витрелина, требовавших, чтобы «истинные христиане» отказались от земельной собственности и от занятия государственных должностей, выступил Василий Тяпинский. По его мнению, владение имениями и участие в войнах не противоречит «евангельской науке». «Схватились с ним польские братья, — рассказывает Будный, — да уже вечер был, успокоились. Наутро все при своем разъехались»¹⁹⁸.

Для пропаганды своих взглядов Василий Тяпинский решил основать типографию. «Рад покажу мою веру, которую маю ... народу своему рускому», — писал он впоследствии в предисловии к переведенному им на белорусский язык Евангелию. Где находилась эта типография? Издавна ее называли «кочевой». В основу положено мнение Л. Кавелина, утверждавшего, что Тяпинский «был тот типограф, который, устроившись с своею кочевой типографией в 1562 г. в г. Несвиж ... под покровительском князя Радзивилла, напечатал в ней две книги, сочинения еретика Симона Будного ...»¹⁹⁹. В дальнейшем якобы типография была переведена в Тяпин. Эту точку зрения будто бы подтвердил П. В. Владимиров, который считал, что типографский материал Тяпинского восходит к виленской типографии Скорины и несвижской типографии Кавечиньского и Будного: «буквы в рамках, по всей вероятности, перешли непосредственно из виленской типографии Скорины в «убогую друкарню» Тяпинского, тогда как строчной шрифт его заимствован из несвижской типографии»²⁰⁰. Все эти утверждения не выдерживают никакой критики. Несвижские издания и Евангелие Тяпинского напечатаны разными шрифтами; ясно, что они вышли из разных типографий.

Да и Тяпинский в рукописном предисловии к своему изданию писал о том, что типографская мастерская была основана им на пустом месте, «знову», «в минувшие леты тяжкие дороги дле друку и потреб тому належачих подымаючи, а праве все до того зачинаючи знову». Приступая к издательской деятельности, он собрал в одном из своих имений большую библиотеку: «книг старых давних на розных и неблизких месцах доставаючи»,

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ НОВОГО ЗАВЕТА ЯВОТЯ

спшмемтб. подлїтѣ словеснаго руделнїа. то є
вчотъ грехъ єдине елѣтѣ стѣи ѡвнї елїтѣ ісх
дїа спїямоє. впошрѣхъ іахъ оамо пїсма є
вѣдѣгелскоє. прѣото. с. мим. слово и

ѡго на: яли

ЄВАНГЕЛІЄ

Слова Христовы

Непримѣнїи мѡвъ мѡнѣ. мѣтѣ оузято єго. ѡлю
кошорѣ мѡсломе. то є оуздн єго в послѣднїи вѣкѣ
іонц. єт. с. мим

Яко єсть сѣдѣ. ѡжъ свѣтло прїшло є
люди во льшей тѣмнѣстѣ. и

ѡго на: яли

Сохранилось лишь одно издание Василия Тяпинского — «Первая часть Нового завета або тестаменту подлуг словенъского розделенья то ес[ть] от чотырех евангелистов с[вя]тѡе евангелие». Одно место из рукописного предисловия к этой книге можно истолковать таким образом, что Тяпинский, кроме Евангелия, издал и Катехизис. Книга эта до нас не дошла.

Евангелие Тяпинский решил напечатать «двема езыки зараз, и словенским и при нем тут же руским» из любви «ку моей отчизне», «своей Руси услугуючи». Дело это, по его словам, более пристало свершать сведущим людям. Но никто из них — «митрополитове, владыки, и ниhto з ученых» не взялись за издание Евангелия на родном языке. Себя же Тяпинский ученым мужем не считал: «не влох, не немец, а не доктор и ниякий постановеный межи попы».

Вдохновляя Тяпинского подвиг славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые перевели священное писание еще в пору, когда у других народов — «у недалеких влохов, немцов, поляков, французов, гангликов, гишпанов, а коротко мовечи всих на свете хрестиянских народов» — таких переводов не было.

Тяпинского глубоко огорчало забвение родного языка, особенно же в среде феодальной знати — у «великих княжат, таких панов значных». На смену былой мудрости народной, по его словам, «оплаканая неуметность пришла». Более же всего его возмущало, что те, которых «межи нами зовут духовными и учителя», настолько забыли родной язык, что «его не вмеют, ... его вырозуменя не знают».

Важно четкое понимание того, что дело просвещения неразрывно связано с переводом «священного писания» на народный язык, чтобы «слово Божие з латинских и иных писм своим теж езыком прирожоным перекладати и читати почали». В предисловии к Учительному евангелию, напечатанному Иваном Федоровым в 1569 г., гетман Г. А. Ходкевич изложит полярно противоположную программу.

Василий Тяпинский призывает знатных и богатых панов содействовать просвещению народа. Нужно, говорит он, «школы заложити и науку ... от так многих лет занедбаную выдвигнути».

В том же русле протекала деятельность и Ивана Федорова, несмотря на то, что печатал книги он на славянском языке. Впоследствии ему поставили в заслугу, что он «друкование занедбалое обновил».

Познакомимся с единственным сохранившимся до наших дней изданием Василия Тяпинского.

На страницы славяно-русской библиографии Евангелие Василия Тяпинского ввел в 1849 г. И. П. Сахаров²⁰¹. Ему был известен неполный экземпляр книги, находившийся в ту пору в «древлехранилище» М. П. Погодина. Погодин приобрел книгу в 40-х гг. XIX в. при посредничестве комиссионера И. Ф. Тархова²⁰². «Древлехранилище» в июле 1852 г. поступило в Петербургскую Публичную библиотеку. В кратком обзоре собрания, опубликованном на страницах очередного отчета библиотеки, мы встречаем следующее замечание по поводу интересующего нас издания: «... эта книга замечательная по ссылке на московское, вероятно напечатанное Ираном Федоровым, издание Евангелия»²⁰³. В 1856 г. книга экспонировалась на организованной Публичной библиотекой выставке «произведений церковно-славянской печати». С ссылкой на погодинский экземпляр Евангелие Василия Тяпинского описано И. П. Каратаевым и В. М. Ундольским²⁰⁴. Ныне погодинский экземпляр находится в ГПБ (I.1.29, инв. № 83).

В 70-х гг. XIX в. А. Е. Викторов обнаружил новый экземпляр Евангелия в Антониевом Сийском монастыре Архангельской губернии²⁰⁵. В дальнейшем он не раз упоминался на страницах специальной печати, но подробного описания его так и не было опубликовано²⁰⁶. Экземпляр находится в настоящее время в Архангельском краеведческом музее.

Погодинский экземпляр представляет собой рукописный сборник, в который вплетено 62 печатных листа. Книга переплетена в доски, обернутые двумя слоями тисненой кожи. Печатному тексту предшествует 270 рукописных листов, написанных разными почерками. Начало сборника утеряно.

Открывается книга четырьмя беседами Григория Богослова (л. 13—140 об.), текст которых завершен «памятью преподобному отцу Антонию... преведшему сию книгу с греческого языка на русский». Далее следуют различные полемические «статьи» против евреев, «послание Доминика архиепископа Венетийского» (л. 181 об. — л. 193), статьи «о поклонению святых икон» (л. 193 об.—200), «о крестопоклонению» (л. 200 об.—205), «о церквах» (л. 205 об.—207 об.), «о молитве святых и их похвале» (л. 208—209) и т. д. На л. 240 начинается текст «С кроннику полскаго о Махмете, от кого и яко и яким обычаем к тому пришел закон бусурменский турком зложил». Пользуемся случаем, чтобы обратить внимание специалистов на неизвестный в кирилло-мефодиевской библиографии список «Жития блаженного

Кирила Философа, учителя словяном, составившаго грамоту им и рускому языку, муравляном, чехом и ляхом» (л. 243—263 об.). Текст непосредственно перекликается со словами Василия Тяпинского о славянском первоучителе в его предисловии к Евангелию. Предисловие помещено на л. 267 об.—270 об. рукописного текста²⁰⁷. Ему предшествует одностраничный «Катехисис або сума науки детей в Христе Иусе» (л. 267). Быть может, именно эту страницу, а совсем не отдельное издание, которое до нас будто бы не дошло, имел в виду Тяпинский, когда писал в предисловии: «До чого абы первей сами и их детки смыслы свои неяко готовали, острили и в вере прищивчали, тым часом тот катехисис ... им вперед подаю».

Непосредственно за предисловием в книгу вплетено 62 листа печатного текста.

Ни Евангелие Тяпинского, ни сам рукописный сборник не датированы. В сборнике есть несколько владельческих записей, опубликованных, правда, не полностью Г. Я. Голенченко. Старейшая из них сделана в 1580 г.: «Сия книга священоинока (далее стерто.— *Е. Н.*) и Евстафия архидиакона. Списана бы[сть] в монастыри Супрясльском от нароженя сына Божия 1580 го[да]»²⁰⁸. Две других записи сделаны в XVII в.: «Сия книга глаголемая Ондreja Елизаревича Жираковского лета 7170 (1662) го[да] февраля в 9 день»; «Ондreja Фектиста Елизаревича и чти сия книгу а отписал книгу детем своим Ондрею и Фектисту Елизовичем (так!) своею рукою лета 7174 (1666) году а честь сию книгу сыну моему Фектисту и брату Ондрею и друге не обижать ... Елизарей Жираковский своею рукою»²⁰⁹. Таким образом, Евангелие Тяпинского в начале 1580 г. уже было переплетено вместе с рукописным текстом и находилось в Супрасльском монастыре. Монастырь этот находился под покровительском Ходкевичей неподалеку от Заблудова, где во второй половине 60-х гг. XVI в. работала типография Ивана Федорова. Быть может, погодинский экземпляр указывает на какие-то пока еще не вполне ясные нам связи между Василием Тяпинским и первопечатником или его покровителем Г. А. Ходкевичем. Так или иначе, но пребывание антитринитарианского Евангелия в православном монастыре представляется не рядовым фактом.

Косвенный материал для датирования книги дают водяные знаки бумаги рукописного и печатного текстов, которые в самом первом приближении изучены Г. Я. Голенченко. Им обнаружены на многих листах печатного текста и рукописного предисловия к нему филигранны с изображением

польского герба «Элита». Важно, что на такой же бумаге напечатано заблудовское Учительное евангелие Ивана Федорова²¹⁰.

У нас же есть более наглядные свидетельства связей между Иваном Федоровым и белорусским просветителем. Речь идет о ссылках на «московское недавно друкованное» Евангелие на полях Евангелия Василия Тяпинского.

Ссылки входят в достаточно сложную систему толкований — глос, размещенных на полях издания. По подсчетам А. И. Журавского, на страницах дошедшего до нас текста размещено 210 глос²¹¹. На московское Евангелие Тяпинский ссылается 8 раз²¹². Обычно он сравнивает свой перевод с переводом отдельных слов в московском издании. Например: «Тое слово в стиху 28 и 31 хламида есть греческое, которое в стиху 31 у московском недавно друкованом и в иных багряница выложено»²¹³.

В одном из толкований ссылка дана не только на Евангелие, но и на Апостол: «В московском недавно друкованом и в иных ... назначоных месцах вместо того слова каженик положено скопец; а ведь же в деяниях в главе 7 в [ти]x[ax] 34, 36—38, 39 тое ж слово выкладаючи положено каженик, а в [ти]x[e] 27 там же самое греческое слово так розне выкладаное: евнух оставлено»²¹⁴.

Можно только поражаться, что в далеком XVI столетии В. Н. Тяпинский недвусмысленно сформулировал требование унифицированного перевода и написания одних и тех же слов. Его удивляло, что для одного и того же греческого слова находится три эквивалента: «каженик», «скопец», и «евнух».

Где мог познакомиться Василий Тяпинский с московскими первопечатными изданиями? Лишь одно из его имений — Версоцкое Лидского повета — лежало сравнительно недалеко (верстах в 120-ти) от Заблудова, все остальные находились в северо-восточной Белоруссии. В 1579 г. Тяпинский поменял это имение на поместье Полскавское, принадлежавшее Миколаю Яновичу Братишевскому²¹⁵.

Итак, личные контакты между Тяпинским и Иваном Федоровым как будто бы маловероятны, хотя совершенно исключить эту возможность нельзя. Вспомним все-таки, что русский первопечатник встречался с Симоном Будным и что у «великого еретика» были московские первопечатные издания, которыми он пользовался еще в Лоске в 1574 г. Экземпляры этих изданий некоторое время могли находиться у Тяпинского. Так или иначе, но Иван Федоров и Василий Тяпинский несомненно слышали друг о друге, видели и тща-

тельно изучали издания, которые каждый из них выпустил в свет.

Судьба типографских материалов «убогой друкарни» Василия Тяпинского нам не известна. Нет никаких сведений о его издательской деятельности после выпуска в свет тех 62 листов Евангелия.

Сохранились биографические сведения о нем. В 1585 г. Тяпинский судился с киевским митрополитом Онисифором Девочкой, служебники которого ограбили одного из его крестьян²¹⁶. Умер Василий Николаевич Тяпинский в 1603 г. Сохранилось дело о наследстве между его сыновьями Абрамом и Тобиашем, которое слушалось в Полоцком гродском суде 1 января 1604 г.²¹⁷.

Просветительно-культурный кружок белорусских магнатов. Реформационное движение было своеобразным политическим оружием белорусско-литовских феодалов-можно-владцев в их борьбе с Польшей за политическую и экономическую самостоятельность Великого княжества Литовского. Но вскоре магнаты почувствовали, что оружие обращается против них самих. К движению примкнули широкие круги бедного шляхетства и крестьянства, которые стали поговаривать о недостатках феодального строя. Проповедь всеобщего равенства, отказа от земельной собственности и государственных должностей, осуждение войны и военной службы не могли нравиться магнатам. Умеренный антитринитаризм С. Будного и В. Тяпинского, пытавшихся сгладить противоречия, большого успеха не имел. В этих условиях намечается разочарование определенной части феодалов в реформационном движении; кульминационным пунктом стало возвращение в католичество Миколая Радзивилла Сиротки.

Более прочными оказались позиции магнатов, которые противопоставляли католической Польше освященное столетними традициями православие. В 50—70-х гг. XVI в. в Великом княжестве Литовском формируется своеобразный просветительно-культурный кружок белорусско-литовских магнатов, ставивший перед собой цель всемерного развития национальной культуры, которая в ту пору не могла не иметь богословско-церковного оттенка. О «кружке» можно говорить лишь условно. Каких-либо организационных форм он не имел. Но члены его регулярно переписывались, обменивались книгами и идеями, совместно поддерживали некоторые культурные начинания, например, создание кирилловской типографии в Великом княжестве.

Членами кружка в Белоруссии были наивысший гетман Григорий Александрович Ходкевич, князь Юрий Юрьевич Слуцкий, Евстафий Богданович Волович (до его перехода в кальвинизм), богатый шляхтич, королевский писарь Михаил Богданович Гарабурда. Белорусские магнаты поддерживали тесные связи с Волынью, где многие из них имели земельные угодья. На Волыни культурно-просветительные центры складываются в имениях воеводы Киевского князя Константина Константиновича Острожского, воеводы Волынского Александра Федоровича Чарторыйского, старосты Житомирского князя Константина Ивановича Вишневецкого, воеводы Брацлавского князя Романа Федоровича Сангушко, московского беглеца князя Андрея Михайловича Курбского.

Значительную роль в культурной жизни Белоруссии XVI в. играли князья Олельковичи-Слуцкие, которые издавна покровительствовали книжному делу. В их владениях и, прежде всего в Слуцком Троицком монастыре, активно работали книгописные мастерские. В монастыре была неплохая библиотека — старейшая опись ее относится к 1494 г.²¹⁸. Известны книги, переписанные «накладом князя Юрья Семеновича Слуцкого» — Евангелие, «справленное» в 1539 г. «Копыльским Василием в монастыри Николы на Морочи»²¹⁹, Минея, которая в том же самом году «списана в граде в Слоуцкоу». При дворе князя Юрия Семеновича Слуцкого (ок. 1492—1542) трудился дьяк Устин Яцкович Чечерянин — превосходный мастер книги. Известны две его рукописи — Учительное евангелие²²⁰ и Избранные поучения²²¹.

Князья Олельковичи-Слуцкие сами занимались рукописанием. В Слуцке долго хранилось Евангелие со следующей примечательной записью: «Не чудисе благоразсудительное читателю сее светое Евангелие, которое сам светое памяти Юрий Юрьевич Олелко княжа благочестивое Слуцкое року Божого 1582 сам своею рукой власною переписал, что починает золотом, а далие простим чернилом». Неизвестный нам автор записи посчитал необходимым подчеркнуть, что Люблинская уния укоротила жизнь князя: «... оуже и хоруа приближалася, и турбация Речи Посполитой оукоротила жизнь тое княжести оумер 1586, погребен в Слуцку в Соборной Оупение Пресветия богоматере церкви оу праваго крилоса»²²².

Книга эта была написана Юрием Юрьевичем младшим (1559—1586), хотя историки сплошь и рядом приписывают ее его отцу — князю Юрию Юрьевичу старшему, сыну

Юрия Семеновича²²³. Именно он в данный момент и интересуется нас. Князь Юрий Юрьевич (ум. 9 ноября 1578) был самолюбив и привык чувствовать себя полным хозяином в собственных владениях. Еще в 1558 г. киевский митрополит Сильвестр жаловался на него королю Сигизмунду Августу. Из королевской грамоты, данной князю 8 мая 1558 г., мы узнаем суть спора: архимандрит Троицкого Слуцкого монастыря Никандр, игумен Никольского монастыря на Морочи, а также «иншие попы по всим именьям» князя отказались подчиняться митрополиту: «они в справе церковной не водле звычайу и постановленья закону греческого ся справуют, и в справах духовных его (т. е. Сильвестра — *Е. Н.*) яко старшого пастыря своего послушни быти, и на Собор для науки духовное до его ездити, и куниц сборных ... давати и полнити не хочут»²²⁴.

При дворе князя Юрия Юрьевича с конца 50-х — начала 60-х гг. XVI в. жил московский беглец, в прошлом игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий. Имя его сделалось своего рода знаменем борьбы православных магнатов с лютеранством и кальвинизмом. По словам Захарии Копыстенского, Артемий «от ереси арианской и лютеранской многих отвернул и през него бог справил же ся весь народ русский в Литве в ереси тьи не перевернул»²²⁵.

Выше мы познакомились с посланиями Артемия к Симону Будному. Ненавистное ему «люторство» старец обличает в посланиях к Остафию Воловичу, к князю А. М. Курбскому, к Ивану Зарецкому, к князю Чарторыйскому. Занимается он и переводческой деятельностью. А. М. Курбский позднее рассказывал, что Артемий просил его достать латинский или греческий список трудов своего любимого автора Василия Великого, причем сам, несмотря на преклонные годы, готов был участвовать в переводческом труде: «Аз, рече, с потщанием в старости моей, аще бы и пешему случиломися, препоясався, пойду с Слутцка там, где ми кажешь, и буду пособляти в преводе»²²⁶.

Артемий хорошо знал всех членов просветительно-культурного кружка и пользовался среди них большим авторитетом. Члены кружка знакомили его со своей перепиской по вопросам веры, и он нередко советовал им, как отвечать на те или иные полемические выпады оппонентов. Так, например, ему было известно письмо С. Будного О. Воловичу: «до пана Остафия его милости неправое сказание, еже о семени женском»²²⁷.

Вместе с Артемием при дворе князя Юрия Юрьевича жил ученик Марк Сарыхозин — в прошлом новгородский ты-

Князь Юрий Юрьевич Слуцкий. С гравюры XIX в.

сячник, бежавший в Литву во время осады Полоцка²²⁸. Его впоследствии пытался сманить к себе в Ковель А. М. Курбский.

Еще в Москве Артемий близок был к кругам, в которых зародилась мысль о создании первой русской типографии. Нет никакого сомнения, что и в Великом княжестве Литовском он поддерживал тесные связи с перебравшимися туда в 1566 г. первопечатниками. Принимал он участие и в подготовке к печати оригиналов заблудовских изданий, а может быть и львовского Апостола 1574 года. Вспомним, что в послесловии Евангелия, напечатанного в 1575 г. в Вильне Петром Тимофеевым Мстиславцем, цитируется одно из посланий Артемия²²⁹.

Все́му этому будто бы противоречит общепринятое мнение о том, что Артемий умер в начале 70-х гг. XVI в.²³⁰. Мнение ошибочно. В письме А. М. Курбского от 21 марта 1575 г. Артемий упоминается как живой: «А мы, господине, так не обыкли, — пишет Курбский, подразумевая отношение белорусско-литовских магнатов ко всевозможным «ересям», — но яко научихомся от древних святых писании, тако же и от живых учителей наших, Максима многострадального и Артемия отца, новаго исповедника ...»²³¹.

Сочинения Артемия пользовались большой популярностью в Великом княжестве Литовском; впоследствии им нередко подражали. Е. Ф. Карский обнаружил наглядные параллели в посланиях Артемия и полемическом сборнике, составленном в Супрасльском монастыре в 1580 г.²³². Монастырь этот, как известно, принадлежал Г. А. Ходкевичу, в замке которого работала типография Ивана Федорова. За пять лет перед тем — в 1575 г. — вдова Г. А. Ходкевича пожертвовала монастырю три книги, напечатанные Иваном Федоровым.

Наметим теперь связи Слуцких с другим меценатом первопечатника — князем К. К. Острожским.

Сестра Юрия Семеновича Слуцкого — княжна Александра Семеновна — в 1522 г. вышла замуж за князя Константина Ивановича Острожского. Ее сын Константин Константинович Острожский приходился двоюродным братом Юрию Юрьевичу Слуцкому, сыну Юрия Семеновича. С другой стороны, князь Семен Юрьевич Слуцкий (ум. 1560), брат Юрия Юрьевича, был женат на племяннице Константина Ивановича Острожского княжне Гальшке — женщине с трудной и романтической судьбой.

Нам надо помнить о тесных родственных связях между князьями Слуцкими и Острожскими, когда мы будем ре-

шать вопрос об отношениях Ивана Федорова с культурно-просветительным кружком белорусско-литовских православных магнатов.

Имена князей Слуцких и Острожских поставлены вместе и в известии, представляющем исключительный интерес для нас.

Речь идет о типографии, будто бы работавшей при дворе Юрия Юрьевича Слуцкого и выпускавшей книги для православной церкви. Известие это принадлежит Антонио Поссевино — папскому нунцию, побывавшему в Москве в 1581—1582 гг. В одном из своих отчетов, датированном 29 сентября 1581 г., Поссевино пишет: «... князя Острожский и Слуцкий имеют типографии и школы, которыми поддерживается схизма»²³³. Придавая большое значение печатной пропаганде, Поссевино приложил немалые усилия для обращения в католичество князей Слуцкого и Острожского. По его рекомендации папа Григорий XII 1 ноября 1578 г. обратился к Юрию Юрьевичу с письмом, в котором призывал его стать католиком²³⁴. Письмо это Поссевино отдал Петру Скарге, сопроводив его инструкциями, каким путем добиваться «обращения» князя²³⁵. Юрий Юрьевич, однако, так и не прочитал обращенного к нему письма — он умер 9 ноября 1578 г.²³⁶.

Именно поэтому нельзя связывать известие Поссевино, относящееся к 1581 г., с именем Юрия Юрьевича старшего, скончавшегося за три года перед тем; и все же многие авторы делают это²³⁷.

Существовала или нет типография, о которой писал Поссевино? Скорее всего — нет. Петр Скарга, посвятивший князьям Слуцким одно из своих чрезвычайно обстоятельных донесений, не упоминает о ней.

Если же она и работала (при князе Юрии Юрьевиче младшем), то весьма непродолжительное время. Ни одного листа, напечатанного этой типографией, до нас не дошло.

И еще об одной ниточке, связывающей Ивана Федорова с князьями Слуцкими. Князь Юрий Юрьевич старший был женат на Катерине Тенчиньской, происходившей из польской шляхетской семьи. Семья эта издавна владела двумя бумагоделательными мастерскими в местечках под Краковом. На бумаге, выпускаемой этими мастерскими, ставилась филигрань «Топор» — родовой герб Тенчиньских. Такая бумага встречается почти во всех белорусских и украинских изданиях Ивана Федорова, который, видимо, поддерживал тесные связи с мастерскими Тенчиньских.¹ Эти связи могли быть установлены с помощью князя Юрия стар-

шего — активного члена просветительно-культурного кружка белорусских магнатов.

Мы еще познакомимся с деятельностью других членов кружка. Пока же расскажем об одном из них.

Речь идет о М. Б. Гарабурде, сыгравшем немалую роль в судьбе Ивана Федорова. Именно он впоследствии сможет привезти из Москвы список Геннадиевской Библии, который ляжет в основу прославленного острожского издания. Служебник Гарабурды Тимофей Михайлович был близким другом Ивана Федорова — он составил указатель к Псалтыри и Новому завету 1580 года.

Михаил Богданович Гарабурда принадлежал к шляхетскому белорусскому роду, приписанному к гербу «Габданк». Это был один из прославленнейших дипломатов своего времени; в 1559 г. он отвозил послание короля к крымскому хану. В Москве Гарабурда первый раз побывал в 1560 г., а впоследствии неоднократно приезжал сюда с посольствами. С 1566 г. он служил писарем у короля Сигизмунда Августа, а в 1585 г., уже на старости лет, стал каштеляном Минским. Родовое имение Гарабурды Климовцы находилось в Гродненском повете, сравнительно недалеко от укрепленного замка Г. А. Ходкевича в Заблудове. В 1579 г. он получил от короля деревню Свислочь в том же самом повете. Польский геральдик Адам Бонецкий указывает, что у Гарабурды было два сына — Ян и Кшиштоф и две дочери, одна из которых вышла замуж за Льва Сапегу, а другая — за Стефана Глушанина²³⁸. Бонецкий говорит и о брате Михаила Гарабурды — Анчуте, имевшем сыновей Петра, Василия и Афанасия. Василий впоследствии стал типографом и выпустил в 1582 г. в Вильне Октоих, а возможно и анонимную копию заблудовского Учительного евангелия²³⁹. Но в послесловии он называет себя не Василием Анчутовичем, а Василием Михайловичем. Известен также акт 1582 г., в котором идет речь об имущественных отношениях Василия и его двух братьев, один из которых — Афанасий Михайлович — дал в долг Ивану Семеновичу Зарецкому 200 литовских грошей²⁴⁰. Вывод отсюда может быть только один: Петр, Василий и Афанасий были сыновьями Михаила Богдановича Гарабурды.

А. С. Зернова считает, что «трудно предположить, чтобы сын человека, близкого к королю, в годы католической реакции занялся печатанием книг, неугодных правительству»²⁴¹. Но ведь и князь К. К. Острожский, и гетман Г. А. Ходкевич были близки к королю и все же печатали богослужебные книги для православной церкви. Мнение о том, что книги эти были «неугодны» правительству Вели-

кого княжества Литовского, является очевидным упрощением.

Гарабурда, как и Острожский или Ходкевич, исповедовал православие, что не мешало ему занимать высокие должности при великокняжеском дворе.

Второй брат Михаила Богдановича — Лукаш — в 1557 г. упоминается как писарь Великого княжества²⁴². В первые годы Ливонской войны он попал в плен. Михаил Гарабурда, в бытность свою в Москве, навещал брата и пытался выволить его из неволи²⁴³. Быть может, в ту пору и были завязаны отношения между Гарабурдой и московскими первопечатниками; Гарабурда на протяжении всей своей деятельности интересовался вопросами книжного дела.

Михаил Богданович входил в круг тех просвещенных магнатов Великого княжества, которые способствовали развитию национальной культуры и видели в ней мощное средство борьбы с притязаниями польских панов и поддерживаемым ими католицизмом.

В одном из своих писем Курбский сообщает о том, что князь Острожский передал ему полученную с Афона книгу «через пана Гарабурду»²⁴⁴. Вопреки мнению А. С. Зерновой, это все тот же Михаил Богданович Гарабурда. Умер М. Б. Гарабурда 12 июля 1586 г. Перед смертью он составил завещание, которое сохранилось в Литовской метрике.

ИВАН ФЕДОРОВ В БЕЛОРУССИИ

Московским первопечатникам пришлось оставить родную землю вскоре после издания Часовника 1565 года. Как рассказывал впоследствии сам Иван Федоров, в Москве нашлись люди, которые хотели «благое в зло превратити». Люди эти на первопечатников «зависти ради ереси умышляли»²⁴⁵. Вопрос о прекращении деятельности типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца еще не ясен. Сам первопечатник говорит о своих преследователях глухо. Современные авторы придерживаются по этому поводу различных точек зрения.

Так или иначе, но в период между 29 октября 1565 г., когда было закончено второе издание московского Часовника, и 8 июля 1568 г., когда было начато печатание заблудовского Учительного евангелия, Иван Федоров и Петр Мстиславец покинули Москву и перебрались в Белоруссию.

Спорен вопрос и о том, куда конкретно направили свои стопы первопечатники, попав на белорусскую землю. «Егда

же оттуду (т. е. из Москвы — *Е. Н.*) семо преидохом ... — рассказывал впоследствии Иван Федоров, — въсприяша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август кроль польский и великий князь литовский ... с всеми паны рады своя»²⁴⁶. В этих словах исследователи обычно видят указание на торжественный прием первопечатников королем Сигизмундом Августом в присутствии виднейших представителей феодальной знати. Разногласия начинаются тогда, когда заходит речь о месте этой встречи. Обзор различных мнений был недавно предпринят Г. Я. Голенченко²⁴⁷. Им же предложено убедительное решение вопроса. Ход рассуждений Г. Я. Голенченко таков. В 1566—1568 гг. на территории Великого княжества Литовского состоялось 7 сеймов: Виленский (18 ноября 1565 г. — 11 марта 1566 г.), Берестейский (28 апреля—август 1566 г.), Городенский (1 декабря 1566 г.—6 января 1567 г.), Городенский (август 1567 г.), Лебедевский (ноябрь 1567 г.), Радошковичский (первая половина декабря 1567 г.), Городенский (апрель — 12 июля 1568 г.)²⁴⁸.

На каком же из этих сеймов король Сигизмунд Август «со всеми паны рады своя» «въсприяша любезно» Ивана Федорова и Петра Тимофеевича Мстиславца?

На Берестейском сейме 1566 г. короля не было — он находился в Люблине. Городенский сейм 1566 г. происходил в условиях возросшей активности московских войск; трудно ожидать, чтобы в эту пору первопечатники могли перейти границу. Кроме того, тогда свирепствовала моровая язва и на дорогах были поставлены кордоны. На Городенском сейме 1567 г. король принимал московских послов Федора Ивановича Умного-Колычева с товарищами. По мнению Г. Я. Голенченко, принять на этом же сейме московских первопечатников король не мог, хотя бы по дипломатическим соображениям. Лебедевский и Радошковичский сеймы проходили в походных условиях и были посвящены военным делам. Последний Городенский сейм происходил тогда, когда уже в Заблудове печаталось Учительное евангелие — первое белорусское издание Ивана Федорова.

Остается Виленский сейм, начавшийся 18 ноября 1565 г. и закончившийся 11 марта 1566 г. Покинув Москву в ноябре 1565 г., первопечатники в январе уже могли быть в Вильне. Тогда-то и состоялась их встреча с королем и панами-радой. По мнению Г. Я. Голенченко, в январе же Иван Федоров встречался и с находившимся в ту пору в Вильне Симоном Будным.

Есть и другие мнения. М. Н. Тихомиров считал, что типографы были «отпущены» Иваном Грозным с литовским посольством Василия Загоровского в январе 1566 г. или же с посольством Ю. А. Ходкевича летом 1566 г.²⁴⁹. В этом случае Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец могли поспеть к Берестейскому или Городенскому сейму. Однако на Берестейском сейме короля не было, а осенью 1566 г. первопечатники неминуемо были бы задержаны карантинными кордонами. Московское посольство Ф. И. Умног-Колычева примерно в это же время задержалось в Смоленске на несколько месяцев.

Г. И. Қоляда считает, что типографы уехали из Москвы во второй половине 1566 г. и сразу же направились в Городню²⁵⁰. Свое мнение он подкрепляет ссылкой на перемирие, заключенное литовским посольством в Москве летом 1567 г., до этого же «переезд с семьей и имуществом через линию фронта, хотя бы и не сплошную, был сопряжен с большими опасностями»²⁵¹. Что можно на это ответить? Прежде всего то, что никакой «линии фронта» в ту пору не существовало. Военные действия вели отдельные отряды, производившие набеги на вражескую территорию. Что же касается переговоров о перемирии, то они начались со второй половины 1566 г., причем военные действия тогда уже были сведены до минимума²⁵².

Точка зрения Г. Я. Голенченко представляется нам наиболее убедительной. Остается признать, что Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец покинули Москву поздней осенью или ранней зимой 1565 г., и что встреча их с королем Сигизмундом Августом и с панами-радой произошла в Вильне в первые месяцы 1566 г.

Надо сказать, что в свое время нам представлялся сомнительным прием сеймом во главе с самим королем первопечатников, которых мы считали людьми незнатного происхождения, ремесленниками. Приведенная выше фраза из послесловия Апостола 1574 года воспринималась как образная, и мы считали, что появилась эта фраза не сразу после предполагаемого события, а спустя 8 лет, когда ни Сигизмунда Августа, ни Григория Александровича Ходкевича уже не было в живых. В свете новой гипотезы о происхождении Ивана Федорова, его встреча, а может быть и личное знакомство с королем Сигизмундом Августом уже не кажется нам столь невозможными. Первопечатники направились в белорусские земли, надеясь найти здесь применение своим знаниям и мастерству. Они, конечно, не ждали, что их встретят с распростертыми объятиями.

В книгах Ковенского магистрата сохранился документ, свидетельствующий, что 5 апреля 1568 г. некий Ян Янович Выдра подрядил Ивана Москвитина «до своего двора пивницу (т. е. колодец — *Е. Н.*) копать»²⁵³. Год спустя мы встречаем то же имя в предисловии Г. А. Ходкевича к Учительному евангелию: гетман рассказывает, как он нашел знающих людей — «изобретох себе в том деле друкарском людей наученых Ивана Федоровича Москвитина да Петра Тимофеевича Мстиславца» и приказал им устроить типографию — «верстат друкарский».

Возможно, что в документе речь идет о другом Иване Москвитине. Отметим, однако, что хоружий Ковенский Ян Выдра был знаком и вел торговые операции с Яном Иеронимовичем Ходкевичем, старостой Жмудским. В 1566 г. Ян Ходкевич приобрел «замок ковенский з местом и волостью». Тогда же король Сигизмунд Август позволил Ходкевичу «откупить» у Яна Выдры большой земельный надел, за что староста Жмудский заплатил 3000 коп литовских грошей²⁵⁴.

В свое время мы предположили, что Ян Ходкевич, хорошо знавший Яна Выдру, и познакомил первопечатников со своим дядей Г. А. Ходкевичем²⁵⁵. Сейчас это предположение не кажется бесспорным. Сомнительно, чтобы люди, наученные в «деле друкарском», брались за физический труд.

Недавно в варшавском Главном архиве древних актов нами были найдены документы, которые следует привлечь к жизнеописанию первопечатника. Москвитины, приезжавшие в Литву, как и литвины, отъезжавшие в Московское государство, получали определенные воспомоществования. В книге королевских счетов за 1566 г. имеется запись о выдаче «москвитинам персонально шести» человекам по 2 золотых. Далее перечислены их имена: Солтан, Павел, Сенько, Григор, Иван, Иванко²⁵⁶. Уменьшительное «Иванко» рядом с полным именем «Иван» возможно говорит о том, что в этом случае речь идет о несовершеннолетнем. Иван Федоров переехал в Литву с сыном Иваном — может быть эта запись относится к нему. К сожалению, она не датирована. Мы обнаружили ее в двух книгах, имеющих аналогичные записи, размещенные в различном порядке. Вскоре после интересующего нас текста идет запись, сделанная в Люблине 10 сентября, и записи, сделанные в Варшаве 8 ноября. В другом источнике люблинская запись предшествует интересующему нас тексту. Можно, видимо, предположить, что денежное воспомоществование Ивану Федорову — если это был Иван Федоров! — получил в Люблине ранней осенью 1566 г.

Это противоречит версии Г. Я. Голенченко о прибытии Ивана Федорова в Литву в начале 1566 г. Так или иначе, но вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Род Ходкевичей. На титульном листе Учительного евангелия 1569 года — первого белорусского издания Ивана Федорова и Петра Тимофеевича Мстиславца — сказано, что книга «выдана есть во отчизном имению пана Виленьскаго, гетмана наивышшаго великаго князьства Литовскаго, старосты Городеньскаго и Могилевьскаго его милости пана Григория Александровича Ходкевича в месте зовомом Заблудовью».

Кто был этот человек?

Род Ходкевичей, славный и богатый во времена Ивана Федорова, не мог похвалиться генеалогической давностью. И хотя некоторые возводили его истоки к Рюриковичам, реальным основателем рода был некто Ходко, живший в начале XV столетия. Род быстро разбогател, а его представители стали занимать высшие государственные должности в Великом княжестве Литовском. Сын Ходко Иван Ходкевич в 1477 г. стал старостой Луцким, а в 1480 г. — Киевским воеводой. В 1483 г. напавшие на Киев татары захватили его в плен и увезли в Орду, где он вскоре и умер. Сын Ивана — Александр Ходкевич (ум. 28 мая 1549) был старостой Брестским, а затем — воеводой Новогрудским (с 1544)²⁵⁷. В конце XV в. в лесах Беловежской пуши неподалеку от своего имения Городок Александр Ходкевич основал небольшую обитель, которая быстро росла и вскоре была перенесена в другое место. Монахи спустили в реку Супрасль деревянное распятие и пошли за ним по течению. Крест пристал в урочище Сухой Груд. Здесь-то и построили деревянную церквушку, которую 22 мая 1505 г. освятил митрополит Киевский Иосиф Солтан²⁵⁸. В том же 1505 г. новый монастырь, называвшийся отныне Супрасльским, получил подтверждающую грамоту константинопольского патриарха Иоакима²⁵⁹. Вскоре монастырь стал одним из крупнейших в Великом княжестве Литовском. Александр Ходкевич был его патроном и жертвовал инокам немалые средства. В «данной» от 13 октября 1509 г. он подтвердил право монастыря на земли «у нашой же пуши у низ тое ж реки Супрасли, берег Груд Сухий, межи дву источников водных речок Грабовки и Березовки». Магнат дозволил монахам «с тое пуши нашое на тое будованье дерево брати и хоромы зрубити, што будет потреб в том манастыр, дрова, и лучину, и лыка, и губы, и ягоды брать, и огород и сад меть близ манастыра, и сеножати прокосити..., и на тых речках вышеписаных сажовки

Супрасльскіі монастырь. С гравюры XIX в.

рыбные держати»²⁶⁰. В старости Александр Ходкевич подолгу жил в монастыре; в 1549 г. он скончался и был похоронен здесь. Официальной его резиденцией был укрепленный замок в Заблудове. Это небольшое местечко над рекой Мелетиной, в 18 верстах от Белостока; окружающие его деревни были в 1525 г. пожалованы Ходкевичу королем Сигизмундом Старым.

Александр Ходкевич имел четырех сыновей и двух дочерей. Лишь один из детей — Ян — умер в молодые годы. Все остальные дожили до глубокой старости. Сыновьям сопутствовал успех на государственной службе. Иероним Ходкевич в 1542 г. стал королевским подचाшием, в 1544 г. — каштеляном Троцким, в 1545 г. — старостой Жмудским, а в 1559 г. — каштеляном Виленским. Умер он в декабре 1561 г.²⁶¹. Младший сын Юрий в 1554 г. стал королевским стольником, а год спустя — кравчим. В 1562 и 1566 гг. он ездил с посольствами в Москву²⁶². По возвращении из посольства был назначен каштеляном Троцким, а в 1568 г. и пинским старостой. Умер он 5 июня 1569 г.

Наиболее благоприятствовала судьба среднему сыну Григорию, тому самому, который упомянут на титульном листе Учительного евангелия. Карьера его ознаменована следующими датами и должностями: 1544 г. — подкоморий литовский и староста Тыкоцинский, 1546 г. — староста Ковенский и державца Вилькейский, 1552 г. — державца Кормяловский и Румшиский, 1554 г. — воевода Витебский, 1555 г. — воевода Киевский, 1559 г. — каштелян Троцкий, 1561 г. — гетман польный литовский, 1564 г. — каштелян Виленский и староста Могилевский, 1566 г. — гетман великий литовский²⁶³. Современному читателю наименования всех этих должностей ничего не говорят. Поэтому совершенно необходимы некоторые пояснения относительно организации общегосударственного и местного управления в Великом княжестве Литовском.

Наместник державца сосредоточивал в своих руках всю полноту административной, судебной и военной власти в волости или повете, но власть простиралась лишь на владения великого князя. Значительно большими правами пользовались старосты и воеводы земель и областей; им были подчинены и независимые от великого князя владения удельных князей, магнатов, шляхты, монастырей и церквей. Воеводы в Вильне и в Троках были главными советниками великого князя и членами его рады, а также начальниками военных округов и ополчений Виленского, Троцкого, Ковенского, Городенского, Слуцкого и многих других вое-

водств²⁶⁴. Поэтому-то воеводство и каштелянство в указанных городах, по существу, являлось органом общегосударственного управления. Воеводствуя в различных округах, Г. А. Ходкевич одновременно исполнял определенные обязанности и при дворе. Здесь его служба началась с должности подкомория, который следил за состоянием покоев великого князя, порядком в них, их убранством. Эту должность, а также соответствующие ей по значению должности стольника, подчашия, ложничего, ловчего, хоружия дворного обычно занимали молодые дворяне.

Гетман польный и наивысший были военачальниками, причем гетман наивысший в годы правления Сигизмунда Августа стал главнокомандующим и военным министром. Григорий Александрович Ходкевич занял эту должность по праву. Он активно участвовал в Ливонской войне и имел немалые воинские заслуги. Прославила его победа на реке Уле, одержанная им 26 января 1564 г. вместе с тогдашним великим гетманом литовским Миколаем Радзивиллом Рыжим над 30-тысячным войском князя Петра Ивановича Шуйского.

Женат был Григорий Александрович на Катерине Ивановне Вишневецкой, внучатой племяннице князя Константина Ивановича Острожского. Дочерей своих он выдал за представителей крупнейших магнатских родов Великого княжества Литовского. Александра стала женой воеводы Брацлавского князя Романа Федоровича Сангушко (ум. 12 мая 1571), Ганна — женой Киевского каштеляна Павла Ивановича Сапеги, а после его смерти (в 1580) — женой богатого магната Паца, Зофия — женой Филона Семеновича Кмиты (ум. 1587). К свадебным торжествам Филона и Зофии поэт Иоганн Мылий из Либенроде сочинил эпиграму, которая была издана в Кракове Лазарем Андрысовицем²⁶⁵. Кмита, к слову говоря, принадлежал к гербу «Шренява», который был избран Иваном Федоровым в качестве его типографского знака.

Сыновья гетмана Г. А. Ходкевича умерли молодыми вскоре же после смерти отца, скончавшегося 12 ноября 1572 г.²⁶⁶ Андрей занимал при дворе должность подстолия, ведавшего сервировкой княжеского стола, а затем был старостой Могилевским. Умер он в 1575 г. Блестяще началась карьера второго сына — Александра, ставшего в 1576 г. старостой Гродненским и Могилевским, а в 1577 г. — державцей Оипским. Но через три года в 1578 г. он скончался. Иван Федоров хорошо знал сыновей гетмана; видимо, они имели отношение к деятельности заблудовской типографии.

В послесловии к львовскому Апостолу 1574 года первопечатник пожелал Андрею и Александру Ходкевичам «многолетнего здравия» и прямо сказал об их причастности к его типографской деятельности: «понеже бо они виновни суть таковыя ползы».

Создание типографии находилось в русле меценатско-просветительской деятельности Ходкевичей, их всегдашней поддержки православной церкви. В ней они видели мощную союзницу в борьбе против притязаний польских панов. К Люблинской унии, как мы уже знаем, Ходкевичи отнеслись отрицательно. 6 июня 1569 г. племянник Григория Александровича Ян сообщал Миколаю Радзивиллу о кончине своего дяди прославленного дипломата Юрия Ходкевича: «разговаривая у меня на обеде с паном Оссолинским о том, какую пагубу несет нам эта уния, он, движимый любовью к отечеству, пожелал себе не дожидаться ее. Так и случилось: к утру он предал душу богу»²⁶⁷. Да и сам Григорий Александрович ненадолго пережил брата — он умер три года спустя.

Говоря о поддержке Ходкевичем православия, нужно припомнить, что своим актом от 7 июня 1563 г. он основал в Заблудове православную церковь Успения Богородицы и св. Николая, поставив в ней попа и дьякона, которым пожертвовал 3 влуки земли — около 50 га. Тем же актом он учредил при церкви больницу, оговорив в полном соответствии с процветавшей при Сигизмунде Августе веротерпимостью, что она предназначена «для убогих людей как греческого, так и римского закона»²⁶⁸.

Мысли о создании типографии приходили к Г. А. Ходкевичу, да и к другим православным магнатам давно. В этой связи нужно познакомиться с материалами о поездке в Москву монаха Исаии из Каменца-Подольского.

Миссия Исаии Камянчанина. Активная издательская деятельность адептов реформационного движения не могла не навести православных ортодоксальных магнатов на мысль о необходимости создания собственной типографии, с помощью которой можно было бы организовать эффективную контрпропаганду, направленную не только против лютеранства, но и против католицизма. Для этого следовало, во-первых, подыскать православного мастера-печатника и, во-вторых, заняться подготовкой надежных, хорошо выверенных оригиналов. За такими оригиналами и был в 1561 г. направлен в Москву Иоаким, а в монашестве — Исаия, «родом русин от области Киевския, родился в Каменцы-Подольском».

О его миссии стало известно в 1882 г., когда А. Ф. Бычков нашел в одном из сборников Погодинского древлехранилища «сказку» монаха-путешественника и опубликовал некоторые сведения о ней²⁶⁹. Полностью текст памятника напечатал год спустя П. А. Сырку²⁷⁰. В 1905 г. нашлись два новых произведения «мниха Камянчанина» — «Лист до великого князя московского Ивана Васильевича» и «Плач из ростовской тюрьмы»²⁷¹. Их, вместе с новой редакцией «сказки», опубликовал в 1913 г. Д. И. Абрамович²⁷².

Иоаким рано лишился родителей. Сиротская доля привела его в Молдавию, в Киприанов монастырь, где он принял постриг под именем Исаии. Затем вернулся на родину, жил в Киеве и Вильне. Можно предположить, что здесь он занялся литературной деятельностью и вскоре же прославил свое имя. Правда, ранние произведения «мниха Камянчанина» до нас не дошли, но они должны были существовать, ибо произведения Исаии московского периода его деятельности обнаруживают в нем опытного и талантливое писателя.

Исаия стал известен в кругу просвещенных меценатов-магнатов. Когда был поднят вопрос о поездке в Москву за рукописями, выбор пал на него. Инициаторами поездки были писарь Великого княжества Литовского Евстафий Богданович Волович и гетман Григорий Александрович Ходкевич. В планы магнатов был посвящен и митрополит Киевский и Галицкий Сильвестр.

Надо сказать, что такая поездка планировалась не впервые. Исаия рассказывает, что в 1560 г. посол Сигизмунда Августа Михаил Гарабурда, будучи в Москве, «доставал» через дьяка Ивана Михайловича Висковатого список «Бесед евангельских», но потерпел неудачу. Между тем, говорит Исаия, «в нашем преславном Великом государстве Литовском у некоторого лица от слуха уверилися есмо, что тыи Беседы евангельски столкованы великим Иоанном Златоустым и в лета Московского великого князя Василия Ивановича некоторого мниха именем Максима Грека Философа иже от Афона в преславного и пречеснешаго великого монастыря имене Ватопеда ученик тыи Беседы евангельски в земли Московской з греческого языка на наш словенский преложил ...»²⁷³. Речь идет о переводе, сделанном учеником Максима Грека Силуяном.

В «некотором лице», сообщившем литовско-русским магнатам о списке Силуяна, мы хотели бы видеть прославленного публициста XVI в. старца Артемия, незадолго перед этим бежавшего в Литву.

После неудачи Гарабурды, поездку Исаии решили обставить «солиднее». Монах поехал в Москву «з доклада Жигимонта Августа ... и с листом королевским, да и с почтенными дары: со златом и бисеры и предражаишими камки ... да и со всякими многими купецкими товары и с коньми и с людьми». Сопровождал его «хлопец», который «бе многоучен грамматики и философии святого Иоанна Дамаскина и иных премудрейших учителей, а сын был изящных почтенных людей и премудр велми»²⁷⁴.

Исаии было поручено раздобыть в Москве списки «Бесед евангельских на малый час», житие преподобного Антония Киевского и, самое главное, достать из «царской книгохранильницы» Библию «по нашему языку рускому словенскому на спись слово в слово», чтобы ее «в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому рускому литовскому, да и рускому московскому, да и повсюду всем православным христианам, иже в Болгарех, и в Сербех, в Мылтянех и Волосех». К слову, замечание Камянчанина о «царской книгохранильнице» — лишнее доказательство в пользу существования библиотеки Ивана Грозного.

К сожалению, Исаии на Руси не повезло. Митрополит Иоасаф, который привез в Москву Ивану Васильевичу Грозному подтвердительную грамоту константинопольского патриарха на царский престол, возвел на Исаию обвинение в «латинской ереси», причем сделал это не открыто, а «яко несмысленный старец и блекотливая баба не с очей на очи». Исаию заточили в ростовскую тюрьму. «Сия темница, — жаловался он в „листе“, который удалось в мае 1567 г. отправить царю, — в земли Московской тесна, темна и уныния исполненна». Узнику оставалось надеяться лишь на будущее блаженство: «Горки юзы темничныи, но сладостен рай, в нем же прекрасныи и различныи добровонныи цветы и щурове поють».

Лишь в 1582 г. Исаию отвезли в Москву, где он беседовал с царем «из уст во уста». Иван Васильевич произвел на него большое впечатление «высокопарным и высочайшим богословием и глубочайшим разумом». После свидания Камянчанин «надеяхся быти отпущен во свояси в Литву», но этому «помешала война и страшные битвы». Да и миссия его потеряла свое значение: Иван Федоров в Остроге уже напечатал первую славянскую Библию, привезенную в Литву Михаилом Гарабурдой, новая поездка которого сложилась удачнее.

М. Гембарович недавно выразил сомнение в подлинности посланий Исаии к царю Ивану Грозному²⁷⁵. Один из аргументов его таков: если бы монах действительно приехал в Москву «з доклада Жигимонта Августа», сведения о его приезде обязательно попали бы в документацию Посольского приказа. Согласиться с этим доводом нельзя. Миссия Исаии не была официальным посольством, а потому и не была внесена в посольские книги.

М. Гембаровичу кажется также, что подложность писем Исаии Камянчанина доказывает упоминание в них имени Остафия Воловича в связи с проектом православной типографии. Он напоминает о том, что Волович был кальвинистом, поддерживал близкие отношения с Радзивиллами и финансировал несвижскую типографию Будного и Кавечиньского. Отвести этот аргумент нетрудно. В ту пору, когда Исаия собирался в Москву, Волович еще скептически относился к кальвинизму. Вспомним его устное послание к И. М. Висковатому о «великом люторстве».

Лучшим доказательством поездки Исаии Камянчанина в Москву и подлинности его литературного наследия служит сохранившаяся до наших дней собственноручно написанная им книга, о которой большинство авторов, писавших об Исаии (в том числе и М. Гембарович), не знают.

Это — Толковое евангелие Феофилакта Болгарского со следующим примечательным выходом: «В лета великаго государя благовернейшаго и вышшаго царя великаго князя Федора Ивановича всея Руси самодержца в преименитом и пресловутом в христолюбивом и в царствующем граде Москве. Повелением и благословением великаго господина божественаго Иова, божиею милостию святейшаго патриарха московскаго и всеа Росии. А снисканием многогрешнаго в чловецах и недостоинаго раба Христова и пречистыа его Богоматере пренепорочныа и приснодевы Марии Исаии инока бывшаго диякона уроженца с Каменца Подольскаго лета 7099 (1590) месяца октября»²⁷⁶.

Рукопись переплетена в два тома: первый из них содержит толкование на евангелия Матфея и Марка, второй — на евангелие Луки. Толкования на евангелие Иоанна нет; быть может это говорит о том, что рукопись не была закончена. Так или иначе, но в 1590 г. Исаия был еще жив и пребывал в Московском государстве. На родину его так и не отпустили.

Любопытно, что вторая половина приведенной выше записи, начиная со слов «московскаго и всеа Росии», заклеена, причем сверху сделана новая запись, автор которой

пытается имитировать почерк Исаии (если первая запись сделана им): «... московскаго и всеа Росии. Списан бысть канон сий святому духу лета 7099 месяца октября». Кому и зачем понадобилось скрывать авторство Исаии? Быть может, с той же целью на переплетных листах книги, явно более поздних, сделана помета «Писан в Старице». На обороте листа с записью — две небольших миниатюры, вписанные в окружности. Изображают они святую троицу и богоматерь с младенцем.

В качестве заставки на первой странице текста использовано изображение святого духа (в виде летящей птицы) на фоне облака. Соответствующим разделам книги предвараются превосходные цельностраничные миниатюры с изображениями евангелистов.

Заставки на л. 20 и 209 выполнены в характерном украинском стиле.

Возможно, что сам Исаия иллюминировал книгу. Любопытно тиснение на переплете с необычным для Московской Руси XVI в. сюжетом (зайцы).

Иван Грозный и Г. А. Ходкевич. В историографии нашего вопроса бытует и такая версия: отъезд московских первопечатников в Литву состоялся с ведома, а может быть, и по прямому приказанию Ивана Васильевича Грозного. Цель — поддержка православной церкви в Великом княжестве Литовском. Версию выдвинул М. Н. Тихомиров²⁷⁷, положив в ее основу ответ неизвестного автора на католическую брошюру 1753 г. В ответе утверждается, что Г. А. Ходкевич «послал в Москву при святой памяти короле Сигизмунде Августе, просил наияжнейшего благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, чтобы тот послал ему в Польшу друкарню и друкаря, по его просьбе вышешпоименованный царь московский учинил и прислал к нему целую друкарню и типографа, именем Иоанна Федоровича, из той друкарни вышла книга на русском, называвшаяся Апостол, где издано очень обширное предисловие в похвалу тому Григорию Александровичу Ходкевичу»²⁷⁸.

Нам кажется неправомерным утверждать достоверность того или иного события, ссылаясь на источник, отстоящий от этого события почти на два столетия. Автор ответа шел от устной традиции и мог многое перепутать. Ведь принял он за заблудовское издание Апостол, который был издан Иваном Федоровым во Львове.

Все же нам нужно выяснить, насколько вероятна версия М. Н. Тихомирова с точки зрения русско-литовских взаимоотношений 60-х гг. XVI в.

Отношения между Г. А. Ходкевичем и русским правительством завязались в самом начале Ливонской войны. Положение Литвы в ту пору было тяжелым. Летом 1561 г. между Москвой и Швецией было заключено 20-летнее перемирие, подтвержденное год спустя крестным целованием шведского короля. Усилия Сигизмунда Августа организовать мощную литовско-польско-шведскую коалицию против Московского государства потерпели провал²⁷⁹. В этих условиях важно было оттянуть время. В феврале 1562 г. в Москву приезжает посол короля пан Баркулаб Савелов Корсак²⁸⁰. Переговоры продолжаются до конца апреля, но результатов не дают.

Тогда-то Григорий Александрович Ходкевич, за год перед этим ставший польным гетманом литовским, несомненно с ведома короля, пишет письмо одному из виднейших московских бояр юрьевскому воеводе Ивану Петровичу Федорову-Челяднину. Письмо было написано в армии — «з обозу» 10 сентября 1562 г. и отправлено «с чюхном с Андрушом». Боярин получил его 15 сентября 1562 г. и тотчас доложил об этом в Москву. Ходкевич предлагал Федорову совместно посредничать в установлении мира: «... добро бы то было, абы мы промежи государей своих яко доброе дело зачали и сделали, и видело бы ся тебе брату моему заслушно и ты намовляй государя своего, а я своего государя намовляти буду, иж бы они в любовь и в мир совокупилися, а промеж собою крови христьянские не проливали и во впокой панства и люди свои заховали и были з собою за брата приятелю приятелем, а неприятелю неприятелем ...»²⁸¹.

В перемирии до поры до времени была заинтересована и Москва, ослабленная после набега крымских татар в 1562 г. Федорову-Челяднину было дано указание вступить в переписку с Ходкевичем. Текст грамот присылали из Москвы, причем боярину строжайше наказали, чтобы «без государевы обсылки Иван к Григорию Хоткеву грамоты от себя не посылал, а присылал бы те грамоты ко государю часа того». Продолжалась переписка до октября, но результатов не дала. Осенью 1562 г. военные действия возобновились с новой силой.

Война не мешала переговорам: ежегодно Москва и Литва обменивались двумя-тремя посольствами. Два таких посольства — с 18 ноября 1563 г. по 9 января 1564 г. и с 7 мая 1566 г. по 15 сентября 1566 г. — возглавлял брат Г. А. Ходкевича Юрий Александрович, с которым вместе ездили Григорий Волович и Михаил Гарабурда. В посланиях Сигизмунду, которые дипломаты увозили из Москвы,

Гетман Григорий Александрович Жодкевич. С гравюры XIX в.

неизменно помещались приветствия Г. А. Ходкевичу. Однако говорить на этом основании о какой-то особой симпатии московского правительства к православному литовскому магнату не приходится. В посланиях приветствовался и Миколай Радзивилл Рыжий, о протестантизме которого Иван Грозный хорошо знал. А ведь «лютерова ересь» почиталась москвитянами куда более зловредней католицизма.

Иван Васильевич Грозный никогда не считал Ходкевича таким оппозиционером, как это хотелось бы некоторым авторам. Что же касается посылки к Ходкевичу типографа, то надо вспомнить о судьбе Исаии Камянчанина, присланного Ходкевичем и другими магнатами в Москву за оригиналами для типографского воспроизведения и здесь заключенного в тюрьму. Во второй половине 60-х гг., т. е. именно тогда, когда царь будто бы отправлял Ивана Федорова в Литву с ответственным политическим заданием, Исаия «плакался» из тюрьмы, но его лист к царю был оставлен без внимания. Согласовать этот факт с предполагаемой «командировкой» Ивана Федорова к Ходкевичу не представляется возможным.

Отношение царя к литовскому гетману было окончательно прояснено в 1567 г. Летом этого года Сигизмунд Август и Г. А. Ходкевич отправили московским боярам И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и И. П. Федорову-Челяднину письма с предложением «отъехать» от царя и перейти «под королевскую руку». Мотивируя предложение, король и гетман умело использовали сложную обстановку в Москве в связи с начавшейся опричниной²⁸².

Бояре тотчас же доложили о письмах царю, что не помешало Ивану Грозному непродолжительное время спустя обвинить их в измене и казнить. В июле-августе королю и гетману от имени бояр были отправлены ответные послания. В их авторе историки — от Н. М. Карамзина и до А. А. Зимины — видят самого Ивана Грозного.

Послания к Г. А. Ходкевичу резки и грубы. Царь именуется его «дьявольским сыном», «бешеной собакой», «скурвиным сыном», удивляется «як брат наш, ваш государь, таких вас неучоных собатцких людей в раде своей учинил». Ходкевич и литовские магнаты обвиняются в том, что чины и земли они получают, поставляя королю наложниц и принимая участие в его пиршествах: «мы не хотим выслуговате, як же вы, пане Григорий, у государя своего старшие врьды поимали с курвами бачачи до ложницы его государские, также с ним машкарством прохлаждаючися ...»²⁸³.

Еще страшнее обвинение в измене православию: «А что кровью своею святою Господь не совокупил нас всех воедино, ино вы ж то за много лет разодрали ересью латинскою, так же ныне конечно от Бога отступили есте и противни Богу со антихристом учинились есте, церкви Божии разоряюще и священные иконы попирающе и священныя сосуды сокрушающе и истиннаго православия веру з божественными догматы испровергаете ...» В другом месте царь, вопреки несомненно известным ему фактам, обвиняет Г. А. Ходкевича в переходе в лютеранство: «мы же ся о том добре дивуем и жалуем о твоих сединах, як же еси в таковых сединах таковому лотровскому обычею вдался».

Нелогично было бы предполагать, что царь, выдвигая столь серьезные обвинения, одновременно посылал типографа и книги к «осквернителю священных икон» и «ниспровергателю» православия.

Это тем более очевидно, что в тех же самых письмах к Ходкевичу царь высказал свое отношение к переходу в Литву «малых» незнатных людей. Говоря о каком-то «хлопце», перешедшем на службу к Сигизмунду Августу, царь пишет: «ино ж таких хлопцов у нас у стад много есть, и коли ж у вас люд худ, а вам к потребе нужен, и вы ж и тех наших стадных хлопцов поемлите к себе и своему государю в верные слуги устройте их к себе в милые приятели, а мы ж по христианскому обычаю того вам не забороним».

Иван Федоров и Петр Мстиславец не были «стадными хлопцами». Но и к их уходу в Литву мог быть применен тот же принцип: не поощрять, но и не запрещать.

Заблудовская типография. Узнав о прибытии в Великое княжество Литовское московских друкарей, Г. А. Ходкевич постарался завязать с ними связи. Гетман пригласил Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в Заблудов. Он, как впоследствии рассказал первопечатник в послесловии к львовскому Апостолу 1574 года, «прия нас любезно к своей благоутешней любви, и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас».

Началась подготовка к открытию типографии. Типографские материалы — шрифт, гравированные доски заставок, концовок и буквиц, а также несложный инструментарий печатники привезли из Москвы. Не было, по-видимому, печатного стана — по указаниям мастеров его изготовили плотники.

Встал вопрос о том, на каком языке печатать книги — на славянском, применявшемся в церковном богослужении,

или же на народном, белорусском. Г. А. Ходкевич склонялся к последнему, и в этом нельзя не видеть влияния традиций Скорины, Будного и других белорусских просветителей. В предисловии к Учительному евангелию Ходкевич писал, что он «помыслил же был ... сию книгу выразумения ради простых людей преложити на простую молву». Как тут не искать параллелей со скорининским «людем посполитым к доброму научению»?

Ходкевич имел о том деле «попечение великое», но принять окончательное решение самостоятельно не хотел. На совет были призваны «люди мудрые в том писме, ученые».

Кто были эти люди, мы не знаем. С большой долей вероятности можно предположить, что в консультациях приняли участие князь Андрей Курбский — человек большой культуры, ученик Максима Грека, и старец Артемий, живший неподалеку при дворе князя Юрия Юрьевича Слуцкого.

Для ортодоксальных московских книжников имя и дела Скорины имели совершенно иную окраску — великий белорусский просветитель виделся им предтечей ненавистного лютеранства. А. Курбский говорил, что книги Скорины «преведены ... с препорченных книг жидовских». По его мнению, «Библии Люторов перевод согласующ по всему Скориным (т. е. Скорининым — Е. Н.) Библиям»²⁸⁴.

Перевод на народный язык казался московским книжникам подозрительным еще и потому, что на этом языке печатал Симон Будный, который в глазах Артемия и Курбского был наизловреднейшим еретиком. Симон Будный резко критиковал московские переводы богослужебных книг. Впоследствии, в предисловии к польскому Новому завету, изданному в Лоске в 1574 г., он так отзывался о качестве московских первопечатных изданий: «... многие недавние и небольшие ошибки они-то друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые маркионовские, гомозианские и других еретиков искажения не по московскому собранию книг править и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца»²⁸⁵. Это высказывание, на которое в советской книговедческой литературе впервые обратил внимание Г. Я. Голенченко, содержит чрезвычайно ценное для нас указание на личную встречу Симона Будного и первопечатников. Встреча состоялась как раз в то время, когда решался вопрос: быть или не быть Заблудовской типографии.

Отвечая на критику Будного, московские книжники в свою очередь ругали «новые» переводы, противопоставляя им достоинства «старых». А. Курбский, давая советы

«книжникам», которым «тщание будет учиться царствия ради небесного новым и ветхим сокровищем», рекомендовал им исходить из «старых нарочитых, или паче Максима Философа переводов»²⁸⁶.

Совет содержится в послании Курбского к некому старцу Васьяну. Не исключено, что косвенно он был обращен к Г. А. Ходкевичу. Так или иначе, но Ходкевич в своем предисловии к Учительному евангелию 1569 года говорит о том, что «люди мудрые» не рекомендовали ему переводить книгу на «простую молву».

«Прекладанием з давних пословиц на новые, — сказали советчики, — помылка чинится немалая, якоже и ныне обретается в книгах новаго переводу»²⁸⁷.

Внимая совету, Г. А. Ходкевич решил отпечатать Учительное евангелие по старым рукописям, «яко з давна писаную».

Кроме московских книжников в подготовке оригиналов для заблудовской типографии принимали участие и белорусы. Возможно, что среди них был и протопоп заблудовской церкви Успения богородицы Нестор. Он поддерживал приятельские отношения с Иваном Федоровым, который одолжил ему немалую по тем временам сумму — 15 коп литовских грошей и не торопился взыскивать ее. Лишь после смерти первопечатника его сын Иван поручил некому Ганушу из Острога получить с Нестора указанную сумму²⁸⁸.

Нестор надолго пережил первопечатника. В 1595 г. он участвовал в заседаниях синода, подготовившего Брестскую унию о соединении католической и православной церквей²⁸⁹. А семь лет спустя сделал вкладную запись на книге, положенной в храм Успения. Книга примечательна — это Апостол, напечатанный в 1564 г. в Москве Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем. На переплете изображен двуглавый орел, между крыльями которого еще в прошлом веке можно было видеть изображение человека в царской короне²⁹⁰. Надпись, сохранившаяся по сей день, указывает, кого изображает портрет и кому предназначался экземпляр: «Иоан божию милостью гоеподарь царь и великий князь всея Руси». Нет никакого сомнения, что книга была привезена в Заблудов самим Иваном Федоровым. Возможно, он подарил ее Нестору, а тот, много лет спустя, продал ее Лукашу Семкевичу, сделавшему вклад, о котором свидетельствует собственноручная запись Нестора: «Сия книга апостольская дана есть на церковь храм Успения пречистое богородици Заблудовскую от бла-

говерного служебника божого Лукаша Семкевича по души его ... а дана и подписана есть сия книга в лета рожества Христова 1602 месяца ноября 4 дня в среду многогрешным презвитером и хужшим во иереох Нестором строителем того же светого храму а екзархом и протопопом Подляшским»²⁹¹.

В процессе подготовки оригиналов к печати могло быть использовано богатое по тем временам собрание книг Супрасльского монастыря. По описи 1557 г. в монастырской библиотеке было 203 книги, среди которых упомянуты и «Евангелие толковое великое», «Евангелие учительное старое», «Евангелие учительное новое, а другое учительное ж Жабинское»²⁹².

Любопытно, что в описи упомянуто несколько «книг битых», по мнению А. Миловидова, печатных²⁹³. Это могли быть издания Франциска Скорины.

Нужно отметить, что Ходкевичи постоянно заботились о пополнении библиотеки Супрасльского монастыря. В 1575 г., уже после смерти Григория Александровича, его вдова Катерина Ивановна пожаловала монастырю Учительное евангелие, Псалтырь и Апостол — три книги, напечатанные Иваном Федоровым.

Печатание первенца заблудовской типографии — Учительного евангелия началось 8 июля 1568 г. и закончилось 17 марта 1569 г.

Летом 1569 г. друг и соратник Ивана Федорова Петр Тимофеев Мстиславец покинул Заблудов. Он перебрался в Вильну и здесь на средства богатых купцов Мамоничей основал новую типографию²⁹⁴.

Новое свое издание Иван Федоров печатал уже один. Издание это — Псалтырь с Часословом — было начато 26 сентября 1569 г. и закончено 23 марта 1570 г.

Теперь нам предстоит подробно ознакомиться с заблудовскими изданиями первопечатника.

Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец были первыми славянскими типографами, напечатавшими Учительное евангелие. За три четверти века существования книгопечатания кирилловским шрифтом этот сборник «бесед» с толкованиями евангельских текстов не привлекал внимания издателей. После 1569 г. положение резко изменилось. Пожалуй, ни одна другая книга русского первопечатника не пользовалась такой популярностью, как заблудовское Учительное евангелие. Его многократно переиздавали, причем перепечатки старались воспроизводить так, чтобы они выглядели похожими на оригинал. Это создает дополнительные трудности для исследователей. Более поздние Учительные евангелия нередко принимали за издание 1569 г. Делали это не только новички в библиографии, но и такие известные знатоки, как И. П. Каратаев и И. С. Свенцицкий. По сей день в хранилищах можно найти десятки книг, названных в каталогах и описях Учительными евангелиями 1569 года, но в действительности, такими не являющимися.

История изучения и известные экземпляры. Учительное евангелие 1569 г. вошло на страницы русской библиографии значительно позднее московских, львовских и острожских изданий Ивана Федорова. Старые русские книговеды о нем не знали. Нет этой книги ни у Бакмейстера, ни у Дамаскина, ни у митрополита Евгения, ни даже в первом томе прославленного «Опыта российской библиографии» В. Сопикова. Впервые упомянул о ней в 1815 г. в «Истории краковских типографий»²⁹⁵ польский историк Е. С. Бандтке. Описание было сделано по экземпляру, хранившемуся в те годы в Редигеровской библиотеке во Вроцлаве. Об экземпляре впоследствии писали К. Ф. Калайдович²⁹⁶, Иоахим Лелевель²⁹⁷, П. И. Кеппен; последний сам имел «случай видеть сию книгу в Редигеровской библиотеке при Елисаветинской гимназии»²⁹⁸.

Уже во второй половине XIX столетия этот экземпляр упоминали И. П. Каратаев, И. П. Сахаров и другие библио-

графы. Книга заключена в переплет западнорусской работы XVII в. На верхней крышке переплета — тисненый золотом средник, изображающий грехопадение Адама и Евы, — сюжет для переплетов богослужебных книг довольно-таки необычный. В орнаменте, окружающем средник, фигуры ангелочков. Здесь же тисненная золотом надпись «Ev[an]g[e]lie оучителное». Обрез книги золочен и покрыт орнаментальным тиснением. Экземпляр — полный, превосходной сохранности, с большими полями. В начало книги вклеены два листа, содержащие рукописную латинскую транскрипцию текста титульной надписи, ее перевод на латинский язык, а также выдержки из предисловия Ходкевича. Все это подписано «Георг Самуель Бандтке, библиотекарь Елисаветинской гимназии. Бресл[ау], 2 окт. 1799».

В 1823 г. на страницах петербургского журнала «Северный архив» было опубликовано «Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовы 1569 года первыми московскими типографщиками»²⁹⁹, принадлежащее перу блистательного изучателя российских древностей К. Ф. Калайдовича. Это — первое в нашей литературе исследование, посвященное отдельному изданию Ивана Федорова³⁰⁰.

С Учительным евангелием Калайдович столкнулся в 1821 году, когда по поручению Н. П. Румянцева готовил к печати сборник «Памятники российской словесности XII века. Сочинения Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Даниила Заточника, вопросы Кирика» (М., 1821). В русские списки и печатные издания книги включено «Кирила недостойного мниха слово на Вознесение Господне», принадлежащее перу Кирилла Туровского. Ниже мы еще вернемся к этому примечательному факту. Пока же отметим, что Калайдович уже в 1821 г. помянул об этом в предисловии к «Памятникам российской словесности» (с. XXVIII).

Описание заблудовского Евангелия, опубликованное в 1823 г. К. Ф. Калайдовичем, во многих отношениях отвечает современным требованиям. Дана библиографическая характеристика издания, перечислены его внешние признаки. Приведено подробное, с цитатами изложение предисловия. Отмечены типографские особенности: «напечатана в лист ... шрифтом одинаким с московским и львовским Апостолами»; «содержание глав означено на каждом листе вверху, инде на полях киноварные выноски служат указанием гласов и евангелий»³⁰¹. Дано описание известных автору экземпляров заблудовского Учительного евангелия и

приведен текст вкладных и владельческих записей на этих экземплярах.

К. Ф. Калайдович знал о двух экземплярах книги. В одном сохранилась вкладная 1586 г. в Казанский девичий монастырь. Впоследствии экземпляр попал в собрание М. П. Погодина и, вместе с этим собранием, в июле 1852 г., поступил в Петербургскую публичную библиотеку³⁰². В настоящее время книга находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, I.1.19^a).

Второй из описанных К. Ф. Калайдовичем экземпляров Учительного евангелия имел вкладную запись 1623 г., сделанную попом Игнатием в селе Березниках Рыльского уезда. Где находится экземпляр сейчас, мы не знаем.

Ни В. С. Сопиков, упомянувший заблудовское издание в 5-м дополнительном томе «Опыта российской библиографии»³⁰³, ни П. И. Кеппен, включивший книгу в «Хронологическую роспись первопечатным словенским книгам»³⁰⁴, новых экземпляров в оборот науки не ввели.

П. М. Строев в 1829 г. описал заблудовское Евангелие, принадлежавшее Ф. А. Толстому³⁰⁵. Он привел достаточно подробные извлечения из предисловия книги, сообщил, что экземпляр хорошо сохранился, и что в нем имелся титульный лист с находящимся на его обороте изображением герба Г. Ходкевича. Все это как будто бы не позволяет нам усомниться в том, что Ф. Толстой действительно владел изданием 1569 г. Однако К. Ф. Калайдович, превосходно знавший собрание Толстого, утверждал, что в нем «находятся два издания, одно от другого отличные... и равно не сходные с заблудовским. К сожалению, нет при них заглавных листов»³⁰⁶.

Экземпляр Ф. Толстого вместе со всем его собранием поступил в Петербургскую публичную библиотеку. Он упомянут в рукописном «Каталоге книг церковной печати библиотеки, составленном В. М. Ундольским»³⁰⁷. Однако в настоящее время в Государственной Публичной библиотеке этого экземпляра нет.

В 1833 г. был описан экземпляр Учительного евангелия из коллекции А. С. Ширяева³⁰⁸. Собрание частично поступило в Библиотеку Академии наук. Не исключено, что книга по сей день находится в этом известном книгохранилище (БАН, 7.7.1).

Три года спустя П. М. Строев ввел в оборот науки экземпляр заблудовского издания, принадлежавший И. Н. Царскому³⁰⁹. В настоящее время книга находится в Государственном историческом музее (ГИМ, Цар. 17).

Книга зовѣма евангеліе оутѣшное . шестѣхъ те
тыре евангеліе нъ званна . и шмнѣи гнѣхъ
нѣхъ писанн . и преданіе цркви нѣиен , во всѣ
книги нѣи читатна . тѣкоже и на гѣскіа пра
зники и прѣти стѣхъ . на поученіе хрѣтѣи
нѣтѣи анделѣи консправленіи дшѣвномѣ нѣ
лсеномѣ . бжїемпомощии выдрѣкована .

Защастанъ бага панованіа найснѣишаго гадѣ
нашого . жикснѣи мѣтѣлѣвѣста . бжїеммѣтнѣ
королѣ польскаго . и вѣанікаго кнѣзѣ анѣвѣ
скаго , рѣвскаго , прѣвскаго , жомоніцкаго , ма
зѣвскаго , вѣдланьскаго . и нѣнѣхъ .

Дпріахѣи епископѣи . бжїеммѣтнѣ митрополі
тѣ кѣвѣжскѣи , и гланіцкѣи , и вѣсѣ рѣснѣ .

І выдана естѣ , вѣшчнѣи и мѣннѣи . пана вѣ
леньскаго . гетмана найвѣишаго вѣанікаго
кнѣзѣтѣвѣ анѣвскаго . старостѣи гурѣнѣскаго ,
и мѣгилѣвѣскаго . егмѣтнѣи пана гуріоріа але
ксѣндрѣвнѣи хѣскѣвнѣи , е мѣтѣтѣ зѣвѣи зѣвѣ
дѣвнѣи , вѣлѣтнѣи на кѣдѣ егмѣтнѣи . акѣтѣ
е мѣтѣтѣ кнѣи гѣ дѣвѣвѣтнѣи . по вѣпѣлѣннѣи е мѣ
сѣвѣвѣжкѣи дѣ фѣнѣи . мѣцнѣи нѣ . нѣтѣвѣ
ршнѣсѣрѣкѣи дѣ , мѣцнѣи мѣтѣтѣ зѣи . дѣвѣшѣмѣдѣ
е мѣтѣтѣ мѣтѣтѣи . нѣтѣвѣршнѣи е мѣтѣтѣ зѣвѣи
вѣшнѣи . е мѣтѣтѣтѣи пѣкнѣи нѣи
вѣскнѣнѣчнѣи вѣкнѣи ,

аминь .

В том же хранилище можно познакомиться с экземпляром, принадлежавшем в прошлом А. Д. Черткову (ГИМ, Чертк. 323); книга была впервые описана в 1838 г.³¹⁰

В 1836 г. украинский историк Д. И. Зубрицкий упомянул об экземпляре Учительного евангелия 1569 г., который в ту пору находился в библиотеке львовского Онуфриевского монастыря³¹¹. Два года спустя об этом стало известно и русскому читателю — перевод работы Зубрицкого был напечатан в петербургском «Журнале Министерства народного просвещения»³¹². Впоследствии экземпляр неоднократно регистрировали русские библиографы³¹³. Ныне он находится во Львовской Государственной научной библиотеке (ЛГНБ, Ст. 54007).

Учительное евангелие 1569 г. упомянуто и в известном каталоге Академической библиотеки, изданном в 1840 г.³¹⁴. Не исключено, что это все тот же экземпляр А. С. Ширева.

В. М. Ундольский в 1848 г. регистрирует экземпляр Учительного евангелия из собрания А. И. Кастерина³¹⁵, а также указывает пять других. Все они нам известны. Это экземпляры Толстого, Черткова, Царского, Погодина и Библиотеки Академии наук. Книга из собрания Кастерина возможно и сегодня находится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, I.1.196).

В «Хронологической росписи славяно-русской библиографии» И. П. Сахарова, вышедшей в свет в 1849 г., зарегистрированы 9 экземпляров интересующего нас издания³¹⁶. В ту пору они находились в собраниях Царского, Кастерина, Яковлева, Черткова, Погодина, в библиотеках Елизаветинской (Вроцлав), Онуфриевского монастыря во Львове, Петербургской Публичной и Академии наук. Экземпляр Публичной библиотеки по-видимому может быть отождествлен с экземпляром Ф. Толстого — это собрание к тому времени уже поступило в библиотеку. Известны нам и все остальные экземпляры, за исключением того из них, который находился у Яковлева. И это собрание впоследствии поступило в Петербургскую Публичную библиотеку. Но в настоящее время указать местонахождение экземпляра мы не можем. Впрочем, вполне возможно, книга эта и не была изданием 1569 г. И. П. Сахаров в своей «росписи» отмечал, что «в наших библиотеках встречаются два разных издания сего Евангелия, без заглавных листов». Ныне мы знаем, что эти издания не являются заблудовскими. Не исключено, что в собрании Яковлева была поздняя перепечатка.

В том же 1849 г. был впервые упомянут на этот раз уже вполне достоверный экземпляр Учительного евангелия 1569 года, находившийся в селе Кононовке Пирятинского уезда, в имении украинского библиофила И. Я. Лукашевича³¹⁷. В 1870 г. библиотека Лукашевича поступила в Московский Публичный и Румянцевский музеи³¹⁸. Ныне книга находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ЛБ, № 1646).

Учительное евангелие из собрания ярославского купца Е. В. Трехлетова, описанное в 1857 г.³¹⁹, как выяснилось впоследствии, является более поздним виленским изданием³²⁰. Поэтому в наших дальнейших подсчетах общего количества сохранившихся экземпляров этот экземпляр мы учитывать не будем.

В 1871 г. был зарегистрирован экземпляр заблудовского Евангелия, хранившийся в библиотеке Правительствующего Синода в Петербурге³²¹. Где он находится сегодня неизвестно.

Год спустя появилось описание экземпляра из собрания А. И. Хлудова³²². В настоящее время книга — в Государственном Историческом музее (ГИМ, Хлуд. 18)³²³.

Там же мы найдем Учительное евангелие 1569 года, принадлежавшее в прошлом П. В. Щапову (ГИМ, Щап. 8)³²⁴. Этот экземпляр был впервые зарегистрирован И. П. Каратаевым в 1878 г.³²⁵.

В 1882 г. Л. Кавелин в приложении к своей работе «Надписи Троицкой Сергиевой лавры» опубликовал выдержки из рукописной «Книги лаврских надписей», составленной в свое время иеромонахом Гедеоном (ум. 1875 г.). В библиотеке Лавры Гедеон обнаружил «Евангелие учительное, без выхода, напечатанное вероятно в Заблудове 1569 г.»³²⁶. Скорее всего речь шла о более поздних перепечатках заблудовского издания. Два из них, в свое время находившихся в главной библиотеке Лавры, сейчас хранятся в Отделе редких книг Ленинской библиотеки. Это виленские издания около 1580 г. (№ 6466) и до 1595 г. (№ 6462). В первом, как и в заблудовском, есть пагинация, но нет сигнатуры, во втором, наоборот, есть сигнатура, но нет пагинации.

Во втором издании прославленного каратаевского «Описания славяно-русских книг», выпущенном в свет в 1883 г., учтено 10 экземпляров Учительного евангелия 1569 г.³²⁷. Лишь один из них нам не знаком — в ту пору он находился в Виленской публичной библиотеке. Впоследствии книгу подробно описал А. И. Миловидов³²⁸. Экземпляр интере-

сен тем, что в нем сохранилась вкладная запись 1575 г., сделанная вдовой Г. А. Ходкевича.

В настоящее время книга находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (№ 1649). Она заключена в переплет польской работы с тисненными овальными средниками на верхней и нижней крышках. Сюжет тиснения, в первом случае, — распятие, а во втором — изображение царя Давида. По краям овалов латинские надписи: «Christus factus est pro nobis: obediens usque ad mortem, mortem autem crucis phi: z». В экземпляре отсутствуют два последних листа.

В 1884 г. А. Родосский описал Учительное евангелие, принадлежавшее Петербургской духовной академии³²⁹. Как явствует из описания, книга на самом деле не была заблудовским изданием. По мнению А. С. Зерновой, она напечатана около 1580 г. в виленской типографии В. М. Гарабурды³³⁰.

Следующий экземпляр Учительного евангелия 1569 года был введен на страницы науки А. С. Петрушевичем. Книга принадлежала этому западноукраинскому историку и библиографу; в 1888 г. он представил ее на Археологическо-библиографическую выставку во Львове³³¹. Впоследствии экземпляр был куплен для Церковного музея во Львове; он описан в каталоге старопечатных книг музея, составленном И. С. Свенцицким³³². В настоящее время книга находится в Музее украинского искусства во Львове (МУИ, № 552).

В каталоге И. С. Свенцицкого указан и второй экземпляр Учительного евангелия 1569 года — с сигнатурой листов; на самом деле это более поздняя перепечатка (МУИ, № 553).

В 1899 г. на выставке, приуроченной к XI Археологическому съезду в Киеве, а в 1908 г. на выставке к XIV Археологическому съезду в Чернигове экспонировался экземпляр Учительного евангелия 1569 г. из собрания Н. М. Михайловского³³³. В настоящее время книга находится в Библиотеке Академии наук СССР (БАН, 39.2.5).

Копией Евангелия 1569 года является и экземпляр, найденный В. Перетцом в Научной библиотеке Ленинградского университета и определенный им как заблудовское издание³³⁴. Проверка на месте показала, что на самом деле речь должна идти о виленской перепечатке 1595 г.³³⁵.

В 1928 г. Ю. Кузнецова зарегистрировала два полных и один дефектный экземпляр Учительного евангелия 1569 года, находившихся в библиотеке Саратовского универси-

тета³³⁶. Один из этих экземпляров (№ 24) в 1932 г. был списан, о чем имеются сведения в рукописном каталоге славянских старопечатных книг Научной библиотеки Саратовского университета, и передан в «Международную книгу». Отсюда он попал в Прусскую государственную библиотеку в Берлине (продан за 50 руб. — см. помету на переплетных листах), а впоследствии — в Университетскую библиотеку Варшавы. Здесь книга находится по сей день (№ 28.20.2 1151)³³⁷. Второй экземпляр библиотеки Саратовского университета (№ 25) нам удалось обнаружить в Научной библиотеке Львовского государственного университета (Льв. ГУ, № III.14225)³³⁸.

Нельзя проверить правильность сообщения М. Грушевского, который рассказывает, что принадлежавший ему экземпляр Учительного евангелия погиб в 1917 г.³³⁹.

В 1960 г. Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко приняли за издание 1569 г. два Учительных евангелия из собрания Научной библиотеки Тартуского государственного университета³⁴⁰. Автор этих строк установил, что один из этих экземпляров был напечатан в виленской типографии В. Гарабурды около 1580 г., а второй — в виленской типографии Мамоницей в 1595 г.³⁴¹.

Никаких сомнений, однако, не может вызвать у нас экземпляр Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ, № 358481), впервые описанный в 1957 г.³⁴². Год спустя М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева указали, что Учительное евангелие 1569 г. имеется в собрании «Меньших» Государственного исторического музея³⁴³. Впоследствии удалось установить, что в этом собрании — два экземпляра интересующего нас издания (ГИМ, Меньш. 275; Меньш. 547). Они восходят к собраниям Н. П. и В. Н. Рогожиных и П. И. Щукина.

В 1961 г. Г. Я. Голенченко зарегистрировал экземпляр Государственной библиотеки БССР им. В. И. Ленина³⁴⁴.

В 1963 г. в печати появились сведения о новом экземпляре заблудовского Евангелия, найденном за пределами нашей родины. Книгу обнаружил Дж. С. Г. Симмонс в библиотеке архиепископа Нарцисса Марша (1638—1713 гг.) в Дублине³⁴⁵.

Два года спустя был зарегистрирован экземпляр из собрания Института русской литературы Академии наук СССР³⁴⁶. В том же 1965 г. В. И. Малышев опубликовал сведения о двух Учительных евангелиях, хранившихся в частных московских коллекциях, — у А. И. Маркушевича и В. О. Витта.³⁴⁷

Первый экземпляр находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, а последний — в Центральной научной библиотеке АН УССР в Киеве (БАН УССР, Колл. Витт, № 9).

Проверка позволила установить, что в последнем случае мы имеем дело не с заблудовским изданием 1569 г., а с более поздним.

В 1966 г. был описан экземпляр Учительного евангелия из собрания М. Н. Тихомирова^{347а}. Собрание это, как известно, было передано ученым Сибирскому отделению Академии наук СССР и в настоящее время находится в Новосибирске.

В 1968 г. автор этих строк ввел в оборот науки никогда не упоминавшиеся ранее экземпляры интересующего нас издания: два экземпляра Ленинской библиотеки (ЛБ, № № 1647, 1648), один экземпляр из собрания «Меньших» Государственного исторического музея, экземпляр Научной библиотеки Вильнюсского университета³⁴⁸.

В 1969 г. мы обнаружили еще один ранее не известный экземпляр Учительного евангелия 1569 г. в Государственном историческом архиве Карельской АССР³⁴⁹.

В 1970 г. А. Х. Горфункель описал заблудовское Евангелие, приобретенное археографической экспедицией Ленинградского университета в 1965 г. в селе Усть-Цильма Коми АССР у А. Я. Кисляковой³⁵⁰. Книга ныне находится в Научной библиотеке им. М. Горького Ленинградского государственного университета.

В 1973 г. экземпляры Учительного евангелия, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, были подробно и тщательно описаны на страницах «Каталога белорусских изданий кирилловского шрифта XVI — XVII вв.» (Вып. 1.1523—1600 гг. Л., 1973, с. 34—37), составленного В. И. Лукьяненко. Два из них нам известны. Третий (XVII. 9.8) до того времени ни разу не упоминался. Он был приобретен в 1947 г. в ленинградской Лавке писателей за 800 рублей.

В 1974 г. на страницах превосходно изданного альбома «Художественное наследие Ивана Федорова» А. П. Запаско перечислил 31 известный ему экземпляр Учительного евангелия 1569 г. Из указанных нами экземпляров он не знает, например, о четвертом и пятом экземплярах Ленинской библиотеки, третьем — ГПБ, а также о первенцах заблудовской типографии, которые хранятся в Государственном историческом архиве Карельской АССР, Фундаментальной библиотеке АН БССР, Университетской библио-

теке Варшавы, в коллекциях А. И. Маркушевича и Ф. Г. Шклярова. Вместе с тем он отмечает экземпляры Саратовского университета, Тартуского университета, Центральной научной библиотеки АН УССР и Национальной библиотеки в Варшаве. Как явствует из вышеизложенного, экземпляры Саратовского университета в настоящее время находятся в университетских библиотеках Львова и Варшавы. Что же касается остальных, то все они более позднего происхождения и к заблудовской типографии никакого отношения не имеют. Это относится и к экземпляру ВNXVI.F.814. Национальной библиотеки ПНР, который в карточном центральном каталоге кирилловских изданий польских библиотек ошибочно указан как заблудовское издание.

Среди упомянутых А. П. Запаско Учительных евангелий ранее не был описан насколько нам известно, лишь экземпляр Московского государственного университета (741—2—58). В Научной библиотеке университета есть и второй недавно поступивший экземпляр (3033—30—75).

В 1975 г. Ф. Ф. Максименко указал, что в Музее украинского искусства во Львове хранятся 3 экземпляра заблудовского Учительного евангелия³⁵¹. Один из них — экземпляр А. С. Петрушевича — нам уже известен. Второй экземпляр (МУИ, № 18661) ранее на страницах печати не упоминался; он был подарен музеем в 1920 г. П. Дольни-ким. Что же касается третьего экземпляра, то это более поздняя виленская перепечатка; экземпляр этот ошибочно считал заблудовским изданием еще И. С. Свенцицкий.

В 1975 г. был описан экземпляр Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника». В 1976 г. археографическая экспедиция Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника нашла новый экземпляр в Гороховецком районе Владимирской области; по сей день он в печати не упоминался (В 20829)³⁵².

Еще один экземпляр — также неполный — был введен в научный оборот В. В. Билевич в 1976 г.³⁵³. Он происходит из коллекции известного в свое время собирателя и комиссионера по торговле старопечатными книгами С. Ф. Севастьянова. В 1973 г. книга была приобретена у его сына М. С. Севастьянова (за 250 руб.) Фундаментальной библиотекой им. Якуба Коласа Академии наук СССР (шифр К 16—18 сл.—142).

В 1976 г. появились и первые публикации о заблудовском Учительном евангелии, находящемся в библиотеке Ф. Г. Шклярова на станции Ветка, неподалеку от Гомеля³⁵⁴.

В июле 1978 г. известный сербский историк книги Лазарь Чурчич сообщил автору этой книги об экземпляре заблудовского издания, который был найден в Библиотеке Матицы сербской в г. Нови-Сад (СФРЮ). Точное происхождение экземпляра не известно. Чурчич предполагает, что он мог попасть в библиотеку в 1896 г. с собранием Адама Драгосавлевича.

Подводя итоги, отметим, что в печати было описано более 40 экземпляров Учительного евангелия 1569 года. Далеко не все они сохранились, и мы сейчас не можем с определенностью сказать, действительно ли все они были напечатаны Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем. Возможно, что некоторые из них — позднейшие перепечатки. Бесспорно заблудовскими являются 38 экземпляров, местонахождение которых нам известно.

В Государственном Историческом музее в настоящее время — 6 экземпляров Учительного евангелия 1569 года, в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина — 6, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина — 3, в Научной библиотеке Московского университета, в Библиотеке Академии наук СССР и в Музее украинского искусства во Львове — по 2 экземпляра евангелия. По одному экземпляру заблудовского Евангелия находится в Государственной научной библиотеке им. В. Стефаника во Львове, в Государственной публичной исторической библиотеке, в Государственной библиотеке БССР имени В. И. Ленина, в фундаментальной библиотеке Академии наук БССР имени Я. Коласа, в научных библиотеках Ленинградского, Львовского, Вильнюсского и Варшавского университета, в Государственном историческом архиве Карельской АССР, в Центральной научной библиотеке Академии наук УССР в Киеве, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, в Научной библиотеке Сибирского отделения Академии наук СССР, в Горьковском и Владимирском историко-архитектурных музеях-заповедниках, в собрании Ф. Г. Шклярова, в библиотеке архиепископа Марша в Дублине и в Библиотеке Матицы сербской в гор. Нови-Сад (СФРЮ).

Вкладные и владельческие записи. На страницах сохранившихся до наших дней экземпляров первого заблудовского издания Ивана Федорова можно найти записи, рассказывающие немало интересного о распространении кни-

ги и ее владельцах. Старейшая среди известных вкладных сделана всего лишь одиннадцать месяцев спустя после окончания печатания книги. Запись полностью не сохранилась — мы не можем сейчас сказать, где именно она была сделана. Но ее украинское происхождение сомнения не вызывает. Запись гласит: «1570 м[еся]ца февраля дня пръводнадесят въ имя отца изволнением с[ы]н[а] и поспешеством с[вя]т[о]го д[у]ха раб б[о]жии Мико[лай]... Стадски въсплок и з малжонкою своєю купили сию [книгу] Ев[анге]лие учительное за свои власны пенязи силы своєї верной а придали сию книгу за свое отпущение греховъ... рекомую вечно а от с[вя]т[о]го местца николиж немає быти отдалена а такъ милыи отци которыи колвек будет с[вя]щ[е]ник у ц[е]ркве с[вя]той напред писаной прошу абы не был забывал в м[о]л[и]твах с[вя]тых а при тим нехай будет м[и]л[осер]дие б[о]жие и ласка на всех нас на веки виков амин»³⁵⁵.

Запись недвусмысленно свидетельствует о том, что тотчас же по изготовлении Учительное евангелие 1569 г. открыто продавалось на торжищах Великого княжества Литовского и русских земель Короны. Отсюда вывод: заблудовская типография не была чисто меценатским предприятием Григория Ходкевича, но носила и коммерческий характер.

В том же экземпляре есть плохо сохранившаяся вкладная 1606 г.

Следующая в хронологическом отношении запись написана рукой Е. И. Вишневецкой — вдовы гетмана Григория Ходкевича, в имени которого Евангелие было напечатано: «Изволением отца и поспешниемъ сына и совершениемъ светого духа в лето божьего нарочен я тисеча пятьсотого и семьдесятъ пятаго году м[еся]ца декабря 11 день индикта 3 на память преподобнаго отца н[а]шего Данила Стольпника дала сию книгу глаголемую Евангелие повчительное раба б[о]жьиа Григорьевая Ходкевичова п[а]ни виленская гетьманова навъшышая великого князства литовского, старостина городеньская и могилевская, княжна Катерина Ивановна Вишневецкая по небожчику славной памети его милости пану мальжоньку своемъ п[а]ну виленскому гетьману наивышшому великого князства Литовского старосте городеньскомъ и могилевскомъ его милости п[а]ну Григорию Александровичу Ходкевича, и по небожчику с[ы]ну своемъ его милости п[а]ну Андрею Ходковича, подстодем вел[икого] кн[язства] Ли[то]вс[кого] и по другомъ с[ы]ну своемъ небожчику п[а]ну

Але[к]са[н]дру Ходковича, старосте городенском и могилевском во храмъ Бл[а]говещенія пр[ес]вя[ты]а Б[о]городици въ имену н[а]ш[л]е[м]ъ Супральскомъ на монастыр. И хто бы сию кн[и]гу с[в]я[того] [...] храму дерзнулъ получитьи и паки не привратити, да буди на немъ клятва первого вселенскаго иже во Никеи собора на еритики положеная. Аминь. При той же книзе Апостол и Псалтир с тою ж подписью даю»³⁵⁶.

Особенно интересны те записи на сохранившихся экземплярах Учительного евангелия, которые свидетельствуют, что вскоре же после напечатания значительная часть тиража попала в Московское государство. А значит, несмотря на войну Москвы с Литвой, культурные взаимосвязи между русскими, украинскими и белорусскими землями продолжались.

Прежде всего познакомимся со следующей записью: «Лета 7088 (1579—1580) в дом святе живоначальной Троици на Сылву сию книгу Евангелие толковое положил Семен Аникеев сын да Максим Яковлев сын Строгановы»³⁵⁷. Именитые люди Строгановы владели большой библиотекой, насчитывавшей в 1578 г. 208 книг и, среди них, 27 «Евангелей печатных толковых воскресных в десть»³⁵⁸. Это могли быть лишь экземпляры издания 1569 г., ибо до этого Учительное (или «толковое») евангелие ни в одной из славянских стран не печаталось.

В 1578 г. Семен Аникеевич Строганов и его племянники Максим Яковлевич и Никита Григорьевич полюбовно разделили все свое имущество — дворы и соляные варницы, золотые перстни, часы, платье и всякую рухлядь. Разделили и библиотеку. Семену да Максиму «на два жеребья» досталось 18 Учительных евангелий. Одно из них и было пожертвовано ими полтора года спустя в закамскую обитель, стоявшую на реке Сылве.

Из библиотеки Строгановых скорее всего происходит и экземпляр Ленинградского государственного университета, который в начале XVII в. принадлежал церкви Благовещенія. Лет восемьдесят спустя «Соли Вычегоцкой посацкой человек Иван Роздьяконов» положил книгу в «Сретенской Новодевичь монастырь»³⁵⁹.

В пределах Московского государства очень рано оказался и погодинский экземпляр Учительного евангелия, на страницах которого находим следующую запись: «Лета 7090 четвертаго (7094 = 1586) месяца марта в 13 день дал сию книгу в дом Пречистыя богородицы поп Иван... новоявленного образа Нового Девича монастыря во граде Казани евангелие по душе по Петрове да по иноке Меремяне, что

им священником поминать по вся дни на литеех и на литоргеех и которые священники бу[ду]ть у Пречистые богородицы и поминать им по вся дни непременно»³⁶⁰.

Книга находилась в Казани еще в XVIII в., о чем свидетельствует сделанная на первом листе ее запись: «Книга Казанского Богородничнаго собора».

Щаповский экземпляр Учительного евангелия в 80-х годах XVI в. находился на западе России в пределах Новгородской земли, о чем свидетельствует запись: «Сие Евангелие княгиня Пелагея князь Захарьи Ва[силы]чя Сугорскова (?) дала за долг старцу Филиппу Троицка монастыря. А подписал отец мой духовной Вознесенской поп Григорей лета 7097 (1589)»³⁶¹. Троицких монастырей на Руси было много. Однако так как другие записи этого экземпляра, о которых речь пойдет ниже, бесспорно были сделаны в Новгороде, мы предполагаем, что и старец Филипп жил в этом древнейшем русском городе, а именно в Троицком монастыре на Видогище, неоднократно упоминаемом в писцовых книгах XVI в.³⁶². Что же касается попа Григория, то он мог служить в церкви Вознесенского монастыря, стоявшего в XVI в. в Загородском конце Новгорода.

Восемь лет спустя книга попала в древнейшую новгородскую каменную церковь Иоакима и Анны, построенную еще в 989 г. и впоследствии ставшую одним из приделов Софийского собора. Об этом свидетельствует запись на первом нумерованном листе: «Книга церковная домовая святых праведных богоотец Иоакима и Анны и святого и великого чудотворца Никиты епископа новгородцаго иде же лежит честное и многочюдное и светое его тело много исцеления подая с верою приходящем». Сохранилась и вкладная: «Лета 7105 (1597) генваря в 20 день положил в дом великаго чудотворца сию святую книгу Евангелие толковое Тит Матфеев сын Романов корелянин по своих родителей в вечное поминание. А се род его: инока Кирила, иноку Анисию, инока Макария, Татьяну, инока Арсения, Марью, инока Ефросина, иноку Анастасею, Стефаниду младе бога ради священноиереи Софеи премудрости божии помяние за просвирами...» (Далее — длинное заклятие против похитителей книги — *Е. Н*)³⁶³.

Другой экземпляр Учительного евангелия издавна находился на севере России: «7118 (1610) года февраля в 3 день... дал сию книгу Устюга великаго Дмитриевскому свещеннику Тимофею Вобласову с Тверские улицы Воскресенкова Высокаго монастыря игумен Петр и руку приложил»³⁶⁴. В дальнейшем книга была продана за три рубля

в том же Устюге, причем покупатель или продавец в своей записи ошибочно отметили «печать московская»³⁶⁵.

Частично зачерченная запись с датой «12 марта 7124 (1616) г.» сохранилась в чертковском экземпляре³⁶⁶. Географическую привязку записи мы сейчас сделать не можем.

Недатированная русская запись XVI—XVII вв. была в том экземпляре Учительного евангелия (более поздней виленской копии), который в XIX в. находился в библиотеке Троице-Сергиевой лавры: «Положил сию книгу Евангелие толковое воскресное в дом Николы чудотворца села Клементиева Афанасий Сергиев сын, казенной мастер сапожной, по своих родителей. И ту книгу никоему причетнику церковному не вынести вон из Дому Николы чудотворца, и никою насильством не изнести; а кто дерзнет безстыдством, да воздаст ему месть господь в день последний и да будет проклят по правилам богоносных отец»³⁶⁷.

Плохо сохранившуюся русскую запись XVI—XVII вв. находим на страницах экземпляра, который в 1947 г. был приобретен в букинистическом магазине Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: «...жилец Василей Иванов сын Дубенской по... своей душе... по своих родителей... церкви Рождества Иоанна Предтечи»³⁶⁸. Какую-либо географическую привязку здесь дать затруднительно.

Легко понять, что напечатанное в пределах Великого княжества Литовского Учительное евангелие широко бытовало на украинских и белорусских землях. На Украине в XVII в. находился экземпляр Царского, о чем свидетельствует следующая запись: «Во имя отца и сына и святого духа и пресвятыя богородица милостива в лето по рождестве Христове 1632 месяца апреля 2 день стался запис на тую книгу рекомую Евангелие учительное и куплена тая книга всей парафей (?) накладом ко храму святого Николы на предместю Рогатинское на Бабинце. А хто бы мел тую книгу отдалити от святого Николы суд неумолимый на страшнем суде от Христа бога приметъ»³⁶⁹.

Один из экземпляров книги издавна принадлежал старинному львовскому роду Лаврисевичей, или Лавришевичей. Павел Лавришевич, старейшина Ставропигийского братства, в 1648 г. вел переговоры с Богданом Хмельницким во время осады Львова казаками. Его сын или брат Степан Лавришевич оставил свою владельческую запись на страницах Учительного евангелия³⁷⁰. В 1672 г. Степан был в числе заложников, выделенных городским магистратом

Львова в залог контрибуции, потребованной осадившими город турецкими войсками; он провел в турецком плену около восьми лет. В книге есть и более поздняя запись: «Сия книга рекома я Евангелие учительное... иже во с[вя]-тых отца нашего Каллиста велебного наипаче же смиренного иеромонаха Гедеона Левицкого законника монастыря Горнинскаго названного Прекрасна Пустыня. Даровал ей велебный отец Иоанн пресвитер Золтянецкий церкви Успения пресвятыя богородицы року божия 1718 ноября 3 дня»³⁷¹.

В XVII в., в пору ожесточенных русско-польских войн, среди трофеев московских воинов были и книги. Одна из записей на сохранившихся экземплярах Учительного евангелия 1569 г. свидетельствует, что и эта книга попала на Русь в трудную военную годину: «165 (1657) генваря в 19 день сию книгу толковое Евангелия на Туле к великому мученику Никите продал Федот Богданов священнику Ивану, а взята ся книга в войне подле Блина, города, а подписал ее Федот своею рукою... а сия книга некраденная»³⁷².

В экземпляре Института русской литературы сохранилась недатированная запись XVI—XVII вв. о продаже книги неким Тимофеем Михайловым³⁷³. Было бы очень соблазнительно видеть в нем друга Ивана Федорова Тимофея Михайловича, составившего алфавитный указатель к изданным первопечатником в 1580 г. в Остроге Псалтыри и Новому завету.

С давних времен находился на Украине экземпляр с большим количеством недатированных записей XVI—XVII вв. и одной датированной записью XVIII в. Последняя гласит: «Сия книга раба божея Лукияна Панасенка витьма Исайковского куплена року 1764 месяца марта 22 дня. Иерей Федор Пахолович Григорьевич »³⁷⁴.

Военным трофеем было и Учительное евангелие из собрания Рогожиных, имеющее следующую запись: «Сея книга Ивана Менъшега Блинова взята в Батурене 1708 году ноября в 1 день»³⁷⁵. Речь по-видимому идет о городе Батурине на Черниговщине.

Недатированные записи XVII в. сообщают нам сведения о цене книги: «Цена сей книге двенадцать рублей»³⁷⁶.; «Сия книга церкви Духова Матвея Имханова сына Лапшина цена дана десять рублей»³⁷⁷.

Для полноты приведем еще одну позднюю запись в экземпляре, принадлежавшем Библиотеке Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, а ныне находящемся во Львове: «1800 года сие евангелие

толковое войска царского господина есаула Кандратья сына Петрова Савичева некому непроданная»³⁷⁸.

Общее описание. С внешней стороны первое издание заблудовской типографии неоднократно описано библиографами ³⁷⁹. В описаниях есть противоречия. Заблудовское евангелие часто путали (и путают до сих пор) с более поздними изданиями, очень похожими на первое. Отсюда и ошибки. И. П. Каратаев, например, указывает, что с 353 листа книги в центре нижнего поля первых пяти листов каждой тетради проставлена сигнатура. И. С. Свенцицкий описывает экземпляр, в котором сигнатура начинается с 313-го листа. На самом деле в заблудовском Учительном евангелии сигнатуры нет совсем.

Все это побуждает нас дать здесь описание Учительного евангелия 1569 г.

Книга отпечатана «в лист». Каждая тетрадь составлена из четырех сфальцованных пополам листов. Тетрадь, таким образом, содержит восемь листов или 16 страниц. Нумерации тетрадей — сигнатуры — нигде нет. Общее количество тетрадей — 51. Первые четыре листа первой тетради перенумерованы римскими цифрами: I, II, III, IIII, следующие четыре листа не имеют пагинации. Регулярная пагинация начинается со второй тетради и продолжена до конца книги. Всего перенумеровано 399 листов. Последний лист 51 тетради вероятно был пустым — в известных нам экземплярах книги он отсутствует. Если учитывать этот лист, а также листы первой тетради, не входящие в общую нумерацию, следует признать, что в книге всего 408 листов.

В пагинации довольно часто встречаются ошибки. Так, на л. 169 напечатано число «рое», то есть 175, на л. 235—225, на л. 236—336, на л. 317—309, на л. 339—349, на л. 356—346. Ошибки были замечены еще в типографии. Иван Федоров и Петр Мстиславец отпечатали правильную пагинацию на отдельных бумажках и тщательно заклеили ими ошибочные числа. Наклейки можно встретить почти во всех сохранившихся экземплярах книги.

Выключка строк в издании превосходная. Поэтому мы можем с достаточной точностью определить формат полосы набора, равный 23,8 × 12,3 мм (без выносных строк). На полосе — 28 строк.

⁷⁹ Учительное евангелие 1569 года отпечатано московским шрифтом Ивана Федорова с высотой очка (без выносных элементов) 3 мм и с высотой 10 строк равной 85 мм. Более подробную характеристику этого шрифта читатель найдет в другой нашей работе³⁸⁰.

Полиграфическая организация текста. Архитектоника Учительного евангелия сложностью не отличается. Книга содержит две части, внутри которых может быть выделено 77 разделов — «слов», в иерархическом отношении равнозначных. Внутренняя организация текста, таким образом, не требовала от Ивана Федорова больших усилий.

Кроме основного текста в издании имеется титульный лист, большое предисловие, а также оглавление.

Титульный лист далек от того, каким мы привыкли видеть в современных книгах. В московских изданиях Ивана Федорова титула не было совсем. Апостол 1564 года открывался текстом «О чудесах..», вслед за которым печатались оглавления. Учительное евангелие, напротив, начинается титульным листом, на котором, казалось бы, есть все, свойственное этому элементу книги: наименование, сведения об издателе, месте и времени издания. Однако все эти сведения предлагаются в виде связного текста. Кроме того, и это очень важно, художественно-оформительскими средствами титульный лист не выделен. Венчающая его небольшая заставка обычно предшествует разделам книги; именно в этом качестве, причем с той же самой доски, она шесть раз использована в Апостоле 1564 года.

Русская рукописная книга титульного листа не знала. Поэтому не было его и в первых московских печатных изданиях. Попав на Запад, Иван Федоров решил следовать установившейся здесь практике. Однако сделал это не сразу. Титул Учительного евангелия 1569 года представляется нам переходной формой к вполне сложившимся титульным листам, которые мы встретим в острожских изданиях первопечатника.

Предисловие гетмана Г. А. Ходкевича, открывающее книгу, занимает шесть полных страниц. А затем идет пустая сверху полоса, в нижней части которой размещено 7 строк. Строки эти иногда считают продолжением предисловия³⁸¹, не замечая, что написаны они не от имени гетмана, а от лица «трудившихся», то есть от Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Почему же эти строки помещены в самом конце полосы? Т. Н. Протасьева предположила, что лист был оставлен чистым сверху «возможно, для гравюры»³⁸². Но никакой гравюры между предисловием и оглавлением книги быть не могло. Кроме того, рукописная традиция, выработавшая определенную типовую схему оформления важнейших и широко распространенных книг, оставляло Учительное евангелие без миниатюр. Иван Федоров с почтением относился к традиции. Его Апостолы

1564 и 1574 годов с точки зрения оформления, почти калькировали Апостол 1540-х гг. из собрания Московской духовной академии ³⁸³. Надо думать, что и художественное убранство заблудовского издания восходило к выработанному в течение столетий типу оформления.

Для чего же была оставлена пустая верхняя часть листа 5-го? А. С. Демин недавно утверждал, что существовали две редакции послесловия к Апостолу 1564 г. ³⁸⁴. Аналогичным образом можно предположить, что вначале печатники предполагали поместить в Учительном евангелии более обширное собственное предисловие, как Иван Федоров это сделал впоследствии в заблудовской Псалтыри. Однако по тем или другим соображениям от этого пришлось отказаться. Набор начальной части предисловия попросту сняли, а заключительная часть как была, так и осталась в конце полосы.

На обороте л. 5 начинается оглавление «Сказание известно главам яже суть в книзе сеи», занимающее 7 страниц. В оглавлении перечислено 77 «поучений» книги с отсылками не к нумерации листов, а к последовательной нумерации «слов». Нумерация вынесена на внешнее поле полосы: на лицевой стороне листа она находится справа, а на оборотной — слева.

В Учительном евангелии 1569 года можно выделить две части; каждая из частей начата на лицевой стороне листа. Оборот листа перед второй частью оставлен пустым.

Кроме того, начало части выделено заставками, вязью и гравированными на дереве инициалами.

Чтобы облегчить разыскание нужного раздела, Иван Федоров применяет колонтитулы. На лицевой стороне каждого листа над текстом помещено сокращенное название — «слова». Например: «о мытар[е] и фарис[ее]». Во второй части в качестве колонтитулов используются сокращенные наименования праздников, для которых предназначены те или иные поучения.

Начало каждого слова подчеркивается киноварным заголовком, киноварным ломбардом-буквицей и нумерацией типа «слово 2». В начале книги нумерация вынесена на поле, а со слова 5-го печатается в подборку киноварью после заголовка. Впрочем и в дальнейшем иногда попадают вынесенные на поля порядковые индексы слов (например, в слове 12-м).

Не надо забывать, что речь идет о первых русских печатных книгах! Наивно было бы требовать от Ивана Федорова унификации полиграфического оформления идентичных

ПУУЕНІЯ ИЗЪ КРАИЯ ОУСТА

ИШЛОГОИ КЖТВЕМЫ ПИЕЛНИИ - ГЛАМАА ШАХИ
 ЕРЪА ИЗЪКУУЕТЪ БОВЕАКДИ НАИ, НАПОУЧЕНИЕ
 ХРЪТЕНМЕННЫМЪ АНДЕМЪ, НАПРОУЧТАЕМА.
 ТАКОЖЕ ИМАГЪСІА ПРАЗНИКИ - ОМЫТАРИ
 И ФАРИСИИ - ІУАІЕ, ШАДІКІИ - СЛОКО . А

ЖЕ ОМЫТАРИ И ФАРИСИИ, ПРИГЛА ИВНИА.
 ТАКО ПОУЧЕНИЕ ИЧІСКОЕ, КТО ДВИЖЕНИЕ ОУ
 МЫШЛЕННО КИЕЦЪ СТЫЛИИ ШЦЫ, И ОУЧИ
 НЕНО ПЧТІЕСА ИПРОУЧИТАТНЕ ДВЕИ НЕДѢ
 ЛІИ, ТАКО ДА НАПРАВАДЕМЕА ИГОТОВИЕСА НА
 АХОВНЫА ПОДВИГИ ПИЕСА . СЕГО РАДИ ИПРОБОВА
 ГЛАМАА ИЛДІА, НАРИЦАЕСА ПОГРЕЧЕСКОМЪ ІАСЫ
 ІСЪ . ПРОВОЗВѢЩАЮЩИ ИПРОПОВѢДАНЦИИ, ЕЖЕ
 ПОСЛАМЪ МАЛО ПРИХОДЯЩЕЕ ПОСАЛАНІА ПИЕСНОЕ
 ВРЕМА . ТАКОЖЕ АЩЕ ИЧІСДИИ СТРАСТЬ БДША НА
 ШИХЪ НЕПЕРВА ИМЪЩЕ ОУЧЕТИ СІИ, И ТАКО ГОТОВИ
 БИ БЫВШЕ . КЪ СПЕВНЫ ПОДВИГО ПИЕСА ИВО ДЕРЖА
 НИА ПОИДЕ . КЪ ПУЧІЕСО СПЕВІА ПЕРВЫЕ СЕЧЪ, РА
 СКАНІЕ, ИВО ВРАЩЕНІЕ, ИЕМИРЕНІЕ . ІСЪ ДОКРОДѢ
 ТЕА ИЖЕ ПОВРЕЖЕНІЕ ВЕЛІЕ БЫВАЕТЪ, ГОРДЫНА

Учительное евангелие 1569 г. Спускочная полоса. ГБЛ.

по назначению элементов книжного организма. Поэтому нас не должно удивлять и то, что номера слов он дает иногда кирилловской цифрой («слово Е»), а иногда приводит полностью («слово шестое»).

Каждый заголовок содержит указания на время, когда надлежит зачитывать соответствующее поучение, и на евангелие, из которого взят комментируемый текст: «Почтение в Неделю блуднаго сына. Евангелие от Луки». Учительное евангелие содержит тексты, предназначенные для чтения по воскресеньям или праздникам.

В тексте каждого слова перемежаются цитаты из евангелия и их толкования. Они отмечены индексами «тол», «толков», «евангелие». В рукописных Учительных евангелиях индексы нередко выносили на поле и воспроизводили киноварью.³⁸⁵ Иван Федоров, видимо, решил не перегружать книгу красным цветом. Индексы он печатает черным в самом тексте, никак не подчеркивая их.

Состав. На титульном листе первого заблудовского издания — название: «Книга зовомая Евангелие учительное». В славянской рукописной книжности известно немало сборников поучений и толкований евангельских текстов, называемых «учительными» или «толковыми» Евангелиями, но имеющих различный состав. Прежде чем говорить о содержании заблудовского изделия, нам придется познакомиться с типологией Учительного евангелия, а точнее — с составом различных сборников толкований евангельских текстов. Это позволит нам установить, какое из произведений полсжено в основу издания Ивана Федорова.

Древнейший сборник, называемый в литературе Учительным евангелием, составлен Константином Преславским, болгарским писателем конца IX—начала X в., учеником Кирилла и Мефодия³⁸⁶. Возникновение памятника одни ученые датируют ок. 890 г., другие — 894 г. Первоначально это был сборник ресьма различных по характеру произведений. Сюда входили так называемая «Азбучная молитва»; «Пролог», в котором Константин Преславский образно и с не обычной искренностью рассказывает о мотивах, побудивших его заняться литературным трудом; 51 «беседа» с толкованиями евангельских текстов; так называемое «Церковное сказание» — перевод труда константинопольского патриарха Германа, жившего в VIII в.; и, наконец, старейшая славянская летопись с хронологическим перечнем событий болгарской истории — «Историкии». Именно в таком виде дошел до нас древнейший список Учительного евангелия, возникший в России во второй половине XII в.³⁸⁷

Учительное евангелле 1569 г. Фронтиспис. ГБЛ.

Книга — она в настоящее время находится в Государственном Историческом музее — когда-то принадлежала известному реформатору церкви патриарху Никону, который подарил ее своему возлюбленному. Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю. Оттуда уже рукопись попала в Синодальное собрание. В новое время ее открыл В. М. Ундольский, сделавший 31 июня 1846 г. доклад о Константине Преславском в Обществе истории и древностей российских.

Второй по древности список Учительного евангелия имеет сербскую редакцию. Рукопись издавна принадлежала Дечанскому монастырю; в 50-х гг. прошлого века она была приобретена И. Гильфердингом и привезена в Петербург. Ныне список находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³⁸⁸.

В дальнейшем на русской почве состав Учительного евангелия Константина Преславского претерпевает серьезные изменения. Единый когда-то сборник распадается и из него выделяются беседы с толкованием евангельских текстов. Как сообщает сам автор в «Прологе» книги, в Учительном евангелии были использованы переведенные им с греческого 38 «бесед» Иоанна Златоуста, 12 «бесед» Кирилла Александрийского, а также некоторые проповеди Исидора Пилусиота.

В XIV в. в России появляются и другие «учительные» или «толковые» евангелия. Среди них Толковое евангелие Феофилакта (1084—1107 гг.) — архиепископа Охридского, который писал по-гречески и более того, проводил политику подавления болгарской национальной культуры³⁸⁹. В свое Толковое евангелие он включил греческие тексты. Славянские переводы сборника появляются много позднее. Старейший из сохранившихся списков болгарского извода датирован 1348 г.³⁹⁰. Известен также русский список конца XIV — начала XV в.³⁹¹.

Среди датированных русских списков назовем изготовленный в 1521 г. «тщанием и повелением раба божия Григория Ермолина сына рукою грубаго и худаго и страстного раба божия Иоанна»³⁹².

Толковое евангелие Феофилакта Охридского (или Болгарского, как его обычно называли в России) было впервые напечатано в 1649 г. в Москве, второе издание вышло 30 лет спустя — в 1698 г., третье — в 1703 г.

Значительно большее распространение как в рукописной традиции, так и в славянском книгоиздательстве получило другое Учительное евангелие.

Именно этот сборник текстов и лег в основу Учительного евангелия 1569 года; он содержит поучения на воскресные и праздничные дни, принадлежащие перу различных «отцов церкви», но, большей частью, Иоанна Златоуста. Сборник издавна бытовал на греческой почве. Один из греческих списков, находящийся в Туринской библиотеке³⁹³, был сличен А. Горским и К. Невоструевым с русской рукописью XVI в., причем была установлена тождественность текстов (за немногими исключениями)³⁹⁴.

В греческих списках составителем сборника назван Филофей, патриарх Константинопольский.

В русском списке XVI в. с замечательными заставками старопечатного стиля, принадлежавшем Верхней типографии Симеона Полоцкого, поступившем в Синодальное собрание, сразу же за названием «Почения избранна от святого евангелия и от многих божественных писании» указано «предложена от греческаго языка на русския книги в лето 6851 (= 1343) индикта 11»³⁹⁵.

Аналогичные записи можно встретить и в других русских списках³⁹⁶.

Среди них — список, изготовленный в XV в. в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре³⁹⁷. С ним полностью сходна по составу, но различна по редакции замечательная рукопись Исаака Собаки (1524) с прославленными и уже не раз описанными заставками³⁹⁸.

Два года спустя — в 1526 г. начал писать аналогичную по составу и имеющую ту же дату перевода (1343) книгу «благовещенской поп Сава Костромитин протопопов сын Никитин»³⁹⁹.

Назовем также список, сделанный в том же самом 1569 г., когда печаталось заблудовское Учительное евангелие, в Болдин-Троицком монастыре около Дорогобужа⁴⁰⁰.

Уже А. Горский и К. Невоструев сомневались в достоверности даты «1343 г.», указывая, что составитель сборника Филофей стал патриархом лишь в 1354 г.

Известны рукописи, тождественные по содержанию только что описанным, однако с указанием иной даты русского перевода.

Старейшая из них, написанная дьяком Иовом Чернцом в 1441 г. для игумена Германа «великого Преображения господа бога и спаса нашего Иуса Христа», содержит следующее указание: «предложена же с греческаго языка на руския книги в лето 6915 (= 1407) индикта 15»⁴⁰¹.

Можно назвать немало русских рукописей и с этой более достоверной датой⁴⁰².

Среди них и тот список, который Л. Кавелин ошибочно считал «самым древним»⁴⁰³. Книга написана «рукою мало-мощнаго человека грешнаго раба божия Феодора» в 1457 г. Второй писец, принимавший участие в создании рукописи, своего имени не указал — он кончил труд «в лето 6970 (-1462) месяца мая».

Кем выполнен перевод 1407 г. ни в одной из рукописей не указано. С большой долей вероятности можно предположить, что переводчик происходил из ближайшего окружения митрополита Московского Киприана. Болгарин по происхождению, Киприан родился в 30-х гг. XIV в. в Тырново⁴⁰⁴. Постриг он принял скорее всего в Килифарском монастыре. Основатель обители Феодосий собрал вокруг себя талантливую молодежь, которой он повседневно прививал навыки литературного труда. Из этого круга вышел прославленный болгарский писатель и организатор книгописных мастерских Евтимий Тырновский. Вместе с Евтимием Киприан в 1363 г. отправился в Константинополь, а затем на Афон, в монастырях которого он провел около 10 лет. Вернувшись в Константинополь, Киприан сблизился в патриархом Филофеем, составителем того самого сборника поучений, который двести лет спустя был напечатан Иваном Федоровым.

В 1374 г., когда великий князь литовский Ольгерд обратился к патриарху Филофею с просьбой указать кандидатуру для занятия вакантной Киевской митрополии, патриарх назвал имя Киприана. Получив кафедру, Киприан стремился объединить под своей властью православные церкви Великого княжества Литовского и Московской Руси, однако этому противился князь Дмитрий Иванович Донской. Лишь после его смерти, в 1389 г. Киприан был рукоположен митрополитом Московским и всея Руси. Умер он 16 сентября 1406 г. и был погребен в Успенском соборе Московского Кремля.

В Москве Киприан активно занимался литературной деятельностью. По его инициативе был составлен первый общерусский митрополичий летописный свод. Сохранились его послания к Сергию Радонежскому, к игумену Афанасию, составленное им житие митрополита Московского Петра.

Киприан составил первую русскую Псалтырь с исследованием; любопытно, что и эта книга была напечатана в Заблудове Иваном Федоровым. По сей день сохранились переведенные и собственноручно переписанные Киприаном Служебник и Требник⁴⁰⁵. В последнем из них указано: «творение Филофея, патриарха Цариграда». Значит, Киприан

привез с собой труды Филофея, среди которых, очевидно, было и Учительное евангелие.

Под руководством Киприана работали его ученики. Один из них видимо и перевел Учительное евангелие.

Книга состоит как бы из двух частей. В первой из них (л. 1—281) собраны 52 поучения, читаемые в церкви в Неделю мытаря и фарисея, которая (в зависимости от даты Пасхи в каждом данном году) бывает в период с 11 января по 15 февраля.

Вторая часть книги содержит 23 поучения, чтение которых приурочивается к важнейшим непереходящим праздникам, таким как Введение богородицы (21 ноября), Рождество (25 декабря). Благовещение (25 марта), Преображение (6 августа) и т. д.

Автором всех этих поучений рукописная традиция называет Иоанна Златоуста, что иногда подчеркивается названиями рукописей. Вспомним уже упоминавшийся список 1569 г., который имеет следующее заглавие: «Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинограда Златоустаго поучения избранны»⁴⁰⁶.

Одно из поучений заблудовского издания — «Слово на Вознесение» — принадлежит другому автору — Кириллу Туровскому. В только что упомянутой рукописи 1569 г. этого «слова» нет. Но можно назвать немало списков, в том числе достаточно древних, в которые оно вошло. Помещают его обычно между словами 18 и 19. Есть «слово» и в Учительном евангелии XV в. из собрания А. С. Уварова (ГИМ, Ув. 55, л. 72), в списке XVI в., ранее принадлежавшем Верхней типографии (ГИМ, Син. 76, л. 133 об).

Любопытно, что «Слово на Вознесение» отсутствует в списках украинского происхождения, в том числе достаточно поздних, — в списке 1570 года, сделанном «рукою многогрешного Хомою диаком», в одном из списков Волынского епархиального древлехранилища, в рукописи Мелецкого монастыря⁴⁰⁷. Это как будто бы свидетельствует о московском происхождении оригинала заблудовского издания.

«Слово на Вознесение» входит в цикл речей Кирилла, списка Туровского, насчитывающий восемь бесспорно принадлежащих этому прославленному древнерусскому оратору «слов», которые, по мнению И. П. Еремина, были созданы в 60-х гг. XII в.⁴⁰⁸ Древнейший список «слова» сохранился в составе не Учительного евангелия, а так называемого толстовского сборника XIII в.⁴⁰⁹ И. П. Еремин указывает ряд списков этого памятника, относящихся к XIV в.⁴¹⁰ В XV—XVII вв. «Слово на Вознесение» переписывалось не-

однократно. Кроме Учительных евангелий его включали в состав Торжественников, Златоустов, различных сборников поучений. Слово издавали К. Ф. Калайдович, М. И. Сухомлинов, А. И. Пономарев и, в последние годы, И. П. Еремин⁴¹¹. И. П. Еремин говорит о том, что некоторые из слов Кирилла Туровского «в XVII в. даже печатались», к сожалению не упоминая о первом типографском воспроизведении «Слова на Вознесение» в Учительном евангелии 1569 г. Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

По сравнению со скупым евангельским рассказом о вознесении Христа, Кирилл вводит в свое повествование ряд эпизодов и подробностей, превращающих этот рассказ, по образному определению И. П. Еремина, в небольшую мистерию, действие которой происходит на небе и на земле.

Надо сказать о том, что поучения отечественных авторов очень рано начали включать в сборники «бесед» как Иоанна Златоуста, так и других «отцов церкви». В качестве примера можно привести сборник поучений XVI в., включающий ряд «слов» русского происхождения и, среди них, несколько «слов» «Кирилла мниха»⁴¹². Есть в нем и «Слово на вознесение господина нашего», о котором только что шла речь. Сборник не является «учительным», а точнее «воскресным» евангелием, ибо содержит «поучения», читаемые и в будние дни и имеющие своим первоисточником не обязательно евангелие.

В рукописной традиции Учительное евангелие имело своеобразную судьбу. Сохраняя традиционную схему сборника поучений, читаемых в воскресные дни и на основе определенных евангельских текстов, книга претерпела серьезные изменения с точки зрения своего состава. Ее перевели на украинский язык и стали заполнять словами и проповедями анонимных авторов. Не раз уже отмечалось значение этих Учительных евангелий, дошедших до нас в большом количестве вариантов и списков, для истории украинского языка⁴¹³. Однако сколько-нибудь подробно они не изучены и по сей день.

Более или менее неизменным состав Учительных евангелий сохранился в печатной традиции. Еще при жизни Ивана Федорова, около 1580 г., вышло в свет анонимное Учительное евангелие, почти точно повторяющее заблудовское издание. По сравнению с последним в нем исключена заключительная часть предисловия, написанная от лица Г. А. Ходкевича и, кроме того, добавлен небольшой текст на обороте последнего листа. А. С. Зернова посчитала это издание виленским и приписала его В. М. Гарабурде, с чем нельзя не согласиться⁴¹⁴.

В 1595 г. копия заблудовского издания была изготовлена виленской типографией Мамоницей. Отличительная особенность книги — титульный лист с названием «Евангелие тольковое»; на обороте листа — герб Симеона Войны со стихами. На л.2 — посвящение Козьмы Ивановича Мамоница «его милости пану Симеону Войне». Эти два листа в большинстве сохранившихся экземпляров отсутствуют. Виленское издание 1595 г. известно в двух вариантах: с колонцифрами и сигнатурами⁴¹⁵ и с одними сигнатурами⁴¹⁶. Напомним, что в заблудовском издании сигнатур нет совсем. Оба варианта встречаются достаточно часто. В одной лишь Ленинской библиотеке — 5 экземпляров первого вида и 5 — второго вида.

Нужно сказать еще об одной копии заблудовского издания, которая по сей день определенной типографии не атрибутирована. Отличительная особенность этой копии — сигнатура, начинающаяся с л.313. В единственном известном нам экземпляре — вкладная 1625 г.⁴¹⁷.

В XVII в. Учительное евангелие примерно в том же самом составе, что и у Ивана Федорова, неоднократно печаталось на Украине и в Белоруссии: в 1606 г. — в Крилосе, в 1616 г. — в Евье, в 1619 г. — в Рахманове, в 1637 г. — в Киеве. В Москве Учительное евангелие первый раз было напечатано в 1629 г.; следующие издания выходили в 1633, 1639, 1652, 1662, 1681, 1686, 1697 гг.

Наши замечания о составе Учительного евангелия можно считать лишь самыми предварительными. Е. Э. Гранстрем недавно упрекнула современных исследователей в том, что, изучая древнерусские переводные тексты, они не сличают их с греческими оригиналами⁴¹⁸. Полностью принимая этот упрек, мы все-таки хотим сказать кое-что в свое оправдание. Слова Иоанна Златоуста, составляющие костяк заблудовского издания, встречаются в рукописной традиции не только в Учительных евангелиях, но и в сборниках совершенно иного содержания. Следовало бы выявить их бытование в различных сборниках, сравнить редакции. Это позволило бы судить о том, пользовался ли Иван Федоров при редактировании оригинала своего издания одними лишь русскими списками Учительного евангелия, или же привлекал сборники иного состава (может быть и греческие оригиналы).

Признавая необходимость и плодотворность этой работы, мы, однако, отказались от нее, ибо понимали, что она уведет нас в сторону от основной темы и значительно увеличит объем монографии.

Таковыми же предварительными и фрагментарными являются наши замечания о языке и правописании первого заблудовского издания.

Язык и правописание. Как мы говорили выше, русский перевод Учительного евангелия константинопольского патриарха Филофея сделан был кем-то из болгарского окружения митрополита Киприана. Отсюда характерные южнославянские черты орфографии, свойственные большинству русских списков, в том числе и достаточно поздних: широкое употребление юсов, использование знака «ь» вместо «ъ» на конце слов, сохранение редуцированных как в сильной, так и в слабой позиции, твердое произношение заднеязычных согласных «к», «г», «х» и т. д.

Нам приходилось отмечать, что Иван Федоров еще в Апостоле 1564 г. пресек тенденцию к архаизации, наметившуюся было в московских безвыходных печатных книгах, начиная со второго издания Триоди постной и среднешрифтного Четвероевангелия⁴¹⁹. Ту же линию он продолжает в заблудовских изданиях.

Своеобразную реакцию на южнославянское влияние историки языка связывают с Максимом Греком и его учениками. Нил Курлятев в предисловии к переводу Псалтыри, сделанному Максимом, резко отзывался о митрополите Киприане и писал: «... ныне многыа оу нас и в ся время книги пишут, а пишут от неразумения все по сербски. И говорити по писму языку прямо не оумеют»⁴²⁰.

Какую же реакцию на южнославянское влияние находим мы в заблудовском Евангелии?

Из юсов в нем сохранен лишь малый. В Великом княжестве Литовском юсы, которые в старославянском языке обозначали носовые гласные, а на русской почве, по меткому выражению старого книжника, ставились «красоты ради, а не истины», пользовались немалой популярностью. Петр Тимофеев Мстиславец в своем виленском Четвероевангелии 1575 г. широко применяет юсы.

Реакция, о которой идет речь, станет особенно ясна, если сравнить правописание Учительного евангелия 1569 г. с рукописями; мы выбрали списки 1526 г. из собрания Успенского собора (ГИМ, Усп. 8), середины XVI в. из Синодального собрания (ГИМ, Син. 76) и 1569 г. из собрания Уварова (ГИМ, Ув. 110). Первые два списка имеют московское происхождение, последний был переписан в Болдине близ Дорогобужа неподалеку от границы Великого княжества Литовского. Все списки имеют архаичные черты, о которых шла речь выше.

Редуцированные гласные в сильном положении в издании 1569 г. прояснены до гласных полного образования, а в слабом положении опущены. Ср.: «въздрѣжаніа» (Син. 76, л. 2 об) — «въздрѣжаніа» (Ув. 110, л. 1 об.) — «воздержані[юс]» (изд. 1569 г., л. 1). Старославянских форм с редуцированными гласными после плавных Учительное евангелие 1569 г. не знает. В рукописях такие примеры нередки: «грѣдыня» (Ув. 110, л. 1 об.) — «гордын[юс]» (изд. 1569 г., л. 1), «скрѣби» (Усп. 8, л. 11 об.) — «скорби» (изд. 1569 г., л. 14).

Шипящие и заднеязычные у Ивана Федорова, как правило, мягкие, тогда как в рукописях они твердые: «наших» (Син. 76, л. 2 об.) — «наших» (изд. 1569 г., л. 1), «человеки» (Син. 76, л. 2 об.), — «человеки» (изд. 1569 г., л. 1 об.), «погыбноуть» (Усп. 8, л. 11), — «погибнуть» (изд. 1569 г., л. 14). Иногда в заблудовском издании встречается «и» вместо «ы»: «народи и гради» (л. 2).

На месте старославянского «дж» в рукописях чаще всего встречаем «жж», а у Ивана Федорова — «жд»: «тружаец[юс]» (Син. 76, л. 3 об.) — «труждается» (изд. 1569 г., л. 2), «досажение» (Син. 76, л. 4 об.) — «досаждение» (изд. 1569 г., л. 3).

В конце слов вместо мягкого знака, обычного в рукописях, ставится твердый знак: «възглас[юс]ть» (Усп. 8, л. 11) — «возглас[юс]ть» (изд. 1569 г., л. 14).

Диалектные особенности в тексте книги почти не дают себя знать. Отметим форму с «о» возвратного местоимения «в собе» (л. 3), свойственную как народному древнерусскому говору, так и языку украинских грамот XVI в.

Недавнее исследование Б. А. Успенского позволяет привлечь для изучения диалектных воздействий несколько необычный материал — ударения в канонических именах собственных. Согласно его наблюдениям, имя «Соломон» в великорусской дониконовской традиции имело ударение на предпоследнем слоге. В памятниках, возникших на территории Белоруссии и Украины, ударение в этом слове ставится на последнем слоге⁴²¹. В Учительном евангелии 1569 года — форма «Соло́мон», что говорит о московском происхождении оригинала книги и великорусской традиции, воспринятой редакторами книги.

Белорусско-украинское диалектное воздействие исследователю можно обнаружить лишь в общественно-политической и бытовой лексике титульного листа и второй части предисловия книги: «выдрукована», «за щастливаго панования», «властным накладом» (л. 1), «варстат друкарский», «помылка» (л. 4 об.).

Гравюра. На обороте титульного листа Учительного евангелия — декоративная геральдическая композиция. Размещенный здесь же текст называет человека, которому принадлежит воспроизведенный в книге герб, — «Григорей Александрович Ходкевича пан виленский, гетман наивысший великаго кн[яз]ства литовскаго, староста городеньский и могилевский».

Помещать герб мецената в финансируемом им издании — обычай стародавний, широко распространенный, в частности, в краковской типографской среде. Примеры, которые могут быть названы в этой связи, достаточно многочисленны⁴²².

Вернемся же к гравюре, которую А. А. Сидоров считает импозантной и декоративной; по его мнению, гравюра выполнена «лучше многих польских гербов XVI в.»⁴²³. Композиционным центром служит гербовый щит, чей рисунок предельно лаконичен и лишен каких-либо декоративных атрибутов. Поверхность щита разделена взаимно перпендикулярными прямыми на четыре поля. Верхние поля заняты изображениями льва, возводящего кирпичную кладку, и стрелы с раздвоенным концом и поперечиной. Это известные в польской геральдике гербы «Зареба» и «Косьцища».

Лев геральдичен; он похож скорее на пуделя, чем на владельца животного царства. В одном из нижних полей изображен всадник с поднятой над головой изогнутой турецкой саблей, в другом — треугольник без основания и облетающие его гранаты, шарообразная поверхность которых моделирована концентрическими дугами. Навершием герба служит рыцарский шлем с перьями. От него по сторонам и вниз спускается обильная, причудливо извивающаяся акантовая листва. Над шлемом — латинская монограмма владельца герба: GAC. Все это заключено в прямоугольную, почти квадратную рамку, под которой помещена приведенная выше надпись. Герб со всеми атрибутами и надпись, в свою очередь, размещены в проеме декоративной арки с обрезанными примерно по центру колоннами, капители которых поддерживают аккуратно выложенный кирпичный свод. Гравюра, несомненно, составная, она отпечатана с двух досок. Текст передан вставленным в отверстие доски набором.

Впоследствии — в Псалтыри с Часословцем 1570 года и в львовском Апостоле 1574 года — мы встретимся с тем же сюжетом: гербом Г. А. Ходкевича, но рисунок которого изменен и заключен в совершенно другое декоративное обрамление.

Орнаментика. Художественное убранство книги, кроме большой цельностраничной гравюры, содержит 3 заставки, отпечатанные с 2-х досок, 6 концовок (с 3-х досок), 2 буквицы (с 2-х досок) и 78 малых инициалов-ломбардов (с 21-й формы).

Все три заставки отпечатаны с досок, которые ранее использовались в московском Апостоле 1564 года. Основным мотивом малой заставки, которую мы встречаем на титульном листе и на л.282 Учительного евангелия, служит акантовый вьюнок, расходящийся в стороны от тыквообразной вазы. Эта заставка (Зерн. 61)⁴²⁴ шесть раз встречается на страницах московского Апостола. Отпечаток на л. 282 сделан уже с сильно разбитой доски — повреждены треугольные кончики нижней ограничительной линейки.

Большая заставка открывает текст самой книги — она помещена на первом нумерованном листе после титула, предисловия и оглавления, напечатанных на листах без регулярной пагинации. Сюжетом служит растительный орнамент с центральной ветвью, окруженной листовым венком. Изгибы листьев и веток плавны, края листьев закруглены.

И эта заставка (Зерн. 69) встречалась в московском Апостоле, там она оттиснута дважды.

С московских досок отпечатаны и концовки. Известно, что в рукописной практике Москвы концовки встречались чрезвычайно редко. Иван Федоров попытался было поставить концовку на одном (только на одном!) листе Апостола 1564 года, но это не понравилось в Москве, и печатник вынул доску из набора. Оттиски концовки сохранились лишь в четырех из известных в настоящее время сорока с лишним экземпляров книги⁴²⁵. В белорусской и украинской рукописных книгах применение концовок было общепринятым. Поэтому и в Заблудове и позднее — во Львове Иван Федоров широко использует концовки.

Концовка (Зерн. 88), которой так не повезло в Москве, в заблудовском Учительном евангелии встречается четыре раза — на лл.122 об., 222, 275 и 334 об. На л. 122 об. она отпечатана с повернутой на 180° доски.

Двумя другими концовками (л.376 об. и л. 399) служат оттиски с досок, которыми в Москве были отпечатаны заставки (Зерн. 85 и 87) Часовника 1565 г.

Один из инициалов — «Е» — открывает текст книги и помещен на том же самом листе, что и большая заставка. Буквица отпечатана со старой доски (Зерн. 90), которая один раз уже использовалась в московском Апостоле 1564 г.

В дальнейшем этот инициал мы встретим в львовском Апостоле 1574 г.

Любопытно отметить, что почти буквальная копия инициала воспроизведена от руки в Учительном евангелии, переписанном в 1569 г. игуменом Иосифом в монастыре, «еже именуется по месту Болъдин»⁴²⁶. Редакция книги — та же, что и в заблудовском издании. Однако правописание другое, более архаичное. Мы не можем считать эту рукопись копией заблудовского Учительного евангелия. Возможно другое: писец был знаком с московским Апостолом Ивана Федорова и именно оттуда скопировал инициал «Е».

Второй инициал заблудовского издания — «В» (л.282) отпечатан с новой доски. Его конфигурация варьирует популярные в русской книжности мотивы балканской плетенки. В дальнейшем эта доска Иваном Федоровым не применялась ни разу.

Разнообразны и красивы малые инициалы-ломбарды, помещенные в начале «слов». Некоторые из них многократно повторены (например, «В» — 13 оттисков, «М» и «Р» — по 7 оттисков), другие оттиснуты всего по одному разу («В» — второй вариант, «А», «Ч»).

Бумага. О. Я. Мацюк обнаружил в Учительном евангелии 1569 г. бумагу 11 различных мастерских с 20 вариантами водяных знаков. Это позволило ему сделать следующий вывод: «Очевидно, что Федоров, хотя и имел такого богатого покровителя, как гетман Ходкевич, не мог сразу закупить большое количество бумаги для всего тиража Евангелия. Если судить по водяным знакам, он скупал бумагу в разных местах в небольших количествах»⁴²⁷.

Нам кажется, что оснований для столь серьезного вывода у О. Я. Мацюка не было. Сам факт большого количества филигранных, найденных в том или ином издании, еще ни о чем не говорит.

Важно распределение этих знаков в издании, удельный вес каждого из них. Это мы и постараемся проанализировать. Прежде перечислим водяные знаки, обнаруженные в бумаге Учительного евангелия 1569 г.

1. Медведь. Бумага с таким знаком, известным в большом количестве самых различных вариантов, имеет немецкое или швейцарское происхождение. Филигранные Учительного евангелия (Мацюк, II. № 30 и 31; Лауцявичюс, № 2502) отличаются от традиционных вариантов этого знака: например от медведей с ошейником и бубенчиками, которые встречаются на бумаге московского среднешрифтного Четвероевангелия (Лихачев, № 1730, 4164; Брике, № 12334).

2. Три перекрещенных булавы на гербовом щите — польский герб «Элита». Бумага с этим водяным знаком изготовлялась мастерской села Ливчици на Львовщине⁴²⁸. Иван Федоров вероятно имел с этой мастерской прочные связи, ибо такая бумага встречается во всех его украинских изданиях, и, в частности, в Апостоле 1574 г. (Лауцявичюс, № 1509). Литовский исследователь Э. Лауцявичюс относит филигрань «Элита» в ее простейшей форме (на гербовом щите) к периоду с 1561 по 1582 г. (№ 1507—1517). На бумаге с этим знаком напечатано и Евангелие Василия Тяпинского, которое литовский филигранолог почему-то датирует 1580 г.⁴²⁹.

3. Двойная лилия на гербовом щите — польский герб «Гоздава» (Мацюк, II. № 22 и 23). По мнению Ф. Пекосиньского, бумага с такой филигранью вырабатывалась мастерскими богатого краковского рода Бонеров, которые находились неподалеку от Кракова в Бонарцах и в Баличах над рекой Рудавай⁴³⁰. Хронологические границы, указываемые для знака Э. Лауцявичюсом — 1514—1622 гг. (№№ 2131—2149). Такой же вариант, как и в заблудовском издании, Лауцявичюс обнаружил в рукописи 1570 г. (№ 2146).

4. Три короны на гербовом щите — герб краковского капитула. О. Мацюк нашел в Учительном евангелии только один вариант этого знака, да и то сильно поврежденный (Мацюк, II. № 29). Нам удалось выявить несколько хорошо сохранившихся и ясных вариантов⁴³¹. Близкий по рисунку знак К. Я. Тромонин нашел в несвижском Катехизисе 1562 г. (№ 1505). Тот факт, что антитринитарные типографии Будного и Тяпинского и типографию Ивана Федорова снабжала бумагой одна мастерская, не может не заинтересовать нас, хотя вряд ли стоит делать из этого далеко идущие выводы. Э. Лауцявичюс обнаружил близкие варианты знака в заблудовском издании (№ 1615) и в документе, составленном в Вильне в 1564 г. (№ 1614).

5. Крест с двумя горизонтальными перекладинами — польский герб «Лис» (Мацюк, II. № 24). Ф. Пекосиньский указывает, что эту филигрань использовала старейшая польская бумагоделательная мастерская, находившаяся в Краковском монастыре св. Духа⁴³².

6. Гербовый щит и на его поле латинская литера «S», перечеркнутая стрелой с фигурным наконечником. В альбоме Э. Лауцявичюса воспроизведены 6 вариантов знака (№ 3393—3398). Филигрань напоминает развернутый на 180° герб «Рагоза» (или «Шренява»), которым пользовался Иван Федоров. Три последних знака (гербовый щит под ко-

роной) из альбома Лауцявичуса в Учительном евангелии не встречаются. Близкие варианты к филиграну, обнаруженной в заблудовском издании, извлечены Лауцявичюсом из брестского издания 1559 г.⁴³³, из документов 1560, 1562, 1570 и 1572 гг.

7. Крепостная стена с тремя башнями — польский герб «Гржимайла». Герб с различными вариантами употреблялся многими городами, в том числе и Львовом. Мы встретим изображение его на страницах львовских изданий Ивана Федорова — Азбуки и Апостола 1574 года. В Учительном евангелии 1569 года филигрань «Гржимайла» очень плохого качества, что, видимо, помешало О. Мацюку (№ 33) идентифицировать ее. Э. Лауцявичюс обнаружил знак (№ 670) в экземпляре заблудовского издания, который ныне находится в библиотеке Вильнюсского университета.

8. Мечи между двух полумесяцев на гербовом щите. Знак обнаружен нами в одном из экземпляров Ленинской библиотеки⁴³⁴. Это польско-литовский герб «Остойя», который, в частности, был пожалован шляхтичам Кавечинским. Филигрань использовала бумагоделательная мастерская Кавечинских, снабжавшая бумагой протестантские типографии Великого княжества Литовского.

9. Подкова с крестом внутри — польский герб «Тупая подкова» (Мацюк, II. № 28).

10. Топор на гербовом щите простого (Мацюк, II. № 27) или усложненного (Мацюк, II. № 26) рисунка; топор с полумесяцем без гербового щита (Мацюк, II. № 26). Это — родовой герб Тенчинских, состоявших в родственных отношениях с князьями Слуцкими. Мастерские Тенчинские находились неподалеку от Кракова в местечках Крешовичи и Тенчинк.

11. Якорь на гербовом щите под короной. Знак обнаружен нами в одном из экземпляров Ленинской библиотеки⁴³⁵. Ни О. Мацюк, ни Э. Лауцявичюс его не указывают.

12. Стоящий на задних лапах козел на гербовом щите. Близкие варианты филиграну Э. Лауцявичюс извлек из рукописей 1557—1559 гг. (№ 3604), а также из краковского издания «Статутов и привилегий» 1570 г. (№ 3608). Эту филигрань ставили на своей бумаге мастерские Шарфенбергов, находившиеся неподалеку от Кракова в местечках Жабий Млын, Балице, Млодзейовице и Пронднике.

13. Стрела с двумя перекладинами на гербовом щите (Мацюк, II. № 15) или в кругу (Мацюк, II. № 16) — польский герб «Лис». Филигрань принадлежала мастерской села Полонское близ Гродно.

Автор этих строк выявил распределение бумаги отдельных сортов в двух экземплярах Учительного евангелия 1569 года. Сегодня мы можем утверждать, что книга отпечатана, главным образом, на бумаге двух мастерских: с филигранями «Элита» и «Гоздава». Последняя из этих филигранных в одном из экземпляров встречается в 43-х из 51 тетради, а в другом — в 34-х. Значительно реже (8—11 тетрадней на экземпляр) попадаются тетради с филигранями, которые в приведенном списке имеют номера 4—6. На бумаге со знаками «Гржимайла», «Остоя», «Тупая подкова», «Топор» и другими напечатаны лишь единичные листы издания.

Особого внимания требует бумага со знаком «Медведь» — на ней напечатана только первая тетрадь книги, а в других тетрадях эта филигрань не встречается. С другой стороны, во многих просмотренных нами экземплярах в первой тетради кроме знака «Медведь» других знаков нет.

Первая тетрадь содержит предисловия, которые могли печататься в качестве пробных текстов новой типографии, когда бумага для всего тиража еще не была куплена. Можно также предположить, что эта тетрадь печаталась позднее, когда бумага, купленная для книги, уже была израсходована. Но это опровергает тот факт, что во втором заблудовском издании — Псалтыри с Часословцем — мы встречаем ту же бумагу, что и в Учительном евангелии.

Бумага, видимо, была куплена сразу для двух изданий, причем не непосредственно в мастерской, а у купца-посредника. Этим и объясняется тот факт, что в издании встречаются отдельные листы с «чужими» филигранями.

ПСАЛТЫРЬ С ЧАСОСЛОВЦЕМ 1570 ГОДА

Старейшее упоминание о втором заблудовском издании — Псалтыри с Часословцем — встречаем на страницах рукописного каталога библиотеки львовского Успенского братства, составленного в 1601 г.: «Псалтыра друкованная на десту Заблудовского друку»⁴³⁶. В библиотеку книга попала скорее всего от самого Ивана Федорова. О дальнейшей судьбе экземпляра ничего не известно.

В печати о заблудовской Псалтыри с Часословцем впервые упомянул в 1836 г. Д. И. Зубрицкий, который, скорее всего, сам этой книги не видел⁴³⁷. Научное изучение издания стало возможным лишь с 1844 г., когда экземпляр его был приобретен на Нижегородской ярмарке М. П. Погодиным⁴³⁸. Вместе со всем «древлехранилищем» Погодина экземпляр в июле 1852 г. поступил в Петербургскую Публич-

ную библиотеку. В течение долгого времени он считался уникалом⁴³⁹.

В 1864 г. новый, более полный экземпляр Псалтыри был найден в западноукраинском селе Тыряве Волошской — впоследствии он вошел в собрание Церковного музея во Львове⁴⁴⁰.

В 1968 г. в печати сообщалось, что фрагмент второго заблудовского издания был найден в Научной библиотеке Саратовского государственного университета. Впоследствии выяснилось, что это была ошибка⁴⁴¹. В том же 1968 г. Д. С. Г. Симмонс сообщил о сенсационной находке, сделанной в библиотеке дворца Ламбет — резиденции Кентерберийских епископов, где был обнаружен самый полный из сохранившихся до наших дней экземпляров заблудовской Псалтыри с Часословцем⁴⁴². На переплете книги — супер-экслибрис архиепископа Ричарда Бенкрофта (1544—1610), ставшего в конце жизни канцлером Оксфордского университета.

Микрофотокопия экземпляра была подарена английским исследователем Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Все три описанных в печати экземпляра сохранились до наших дней. Погодинский экземпляр хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, I.5.34), а экземпляр львовского Церковного музея — в Государственном музее украинского искусства во Львове (МУИ, Q332).

На одном из пустых листов львовского экземпляра (л.221 об.) имеется запись, датированная 1694 г.

Общее описание. Как ленинградский, так и львовский экземпляры второго заблудовского издания неполны. В первом из них сохранилось 276 листов, во втором — 326⁴⁴³. Английский экземпляр содержит 370 листов, но он тоже не комплектен. Отсутствуют первые шесть листов.

Книга отпечатана в четвертую долю листа. Общее количество листов — 376. О листовом составе издания дает представление следующая формула:

[1]⁸ — [47]⁸ = 18 нм. л., 1—284, 1—60, 2 нм. л., 63—74-376 л.

Общее количество тетрадей — 47, по 8 листов. Нумерации тетрадей (сигнатуры) нет. На первых 18-ти листах книги нет и регулярной пагинации; листы 9-12 перемечены значками ' ' ' и т. д. в возрастающем порядке. На л. 17 и 18 — пометы«,/».

С 19-го по счету листа книги идет регулярная пагинация от 1 до 240. С 259-го листа проставлена пагинация 3-го счета (если 1-м счетом полагать непронумерованные 18 листов) от 1 до 74 (л. 61 и 62 нумерации не имеют).

На полосе — 17 строк. Для набора основного текста использован московский шрифт Ивана Федорова с высотой очка 3 мм. В таблице на л. 61—62 — большие литеры новой отливки с высотой очка 7 мм.

Знакомясь с Псалтырью 1570 года, чувствуешь, что Иван Федоров спешил, печатая эту книгу. Быть может в этом сказалось решение Г. А. Ходкевича закрыть типографию. В пагинации книги нередки ошибки, причем они не исправлены, как это сделано в Учительном евангелии. Так, например, по л. 7 2-го счета проставлено «5», на л. 92—«94», на л. 94—«92», на л. 99—«101» и т. д.

Отдельные слова не поместились на полосе, Иван Федоров не перебирает полосу, как он это обычно делал в подобных случаях, а выносит пропущенные слова на поле и печатает их по вертикали (см., например, л. 225, 226, 230, 230 об., и многие другие). На одном из листов книги (л. 245) пропущен инициал — доска или сломалась, или была утеряна, новую же Иван Федоров не сделал.

Предисловия. Книга открывается гравированным гербом Ходкевича. Здесь же именем владельца типографии начинается предисловие Ивана Федорова, продолженное на обороте и на лицевой стороне второго нумерованного листа, который сохранился лишь в ленинградском экземпляре. В предисловии сообщается место печатания, указывается, когда началась и когда закончилась работа: «... начася друковати в ыменью его милости отчизном в месте Заблудовью лета по рождестве Христове 1569-го месяца септяврия 26, а совершена бысть книга сия року 70-го месяца марта 23». Сообщается имя печатника — «Иван Федорович Москвитин».

С третьего нумерованного листа начинается предисловие Г. А. Ходкевича, продолженное и на трех последующих листах. Все эти листы сохранились лишь во львовском экземпляре, но неполностью. Ходкевич говорит о широком распространении книгопечатания «в здешнем паньстве его милости государя нашего отчизном, як в коруне польской, так и в Великом князьстве Литовском» — «тщанием и попечением многи людей промышлено есть создавши варстаты друкарския». Далее гетман сообщает, что он «желанием вождеlex» печатать книги «в нашем языке словеньском для лености и нерадивости писцов, руским писанием». Для это-

го он и «учинил... варсат друкарський». Идет речь об издании Псалтыри и работах, предшествовавших печатанию. Рукопись, имевшаяся в распоряжении типографов, сравнили «зыными Псалтырми», отредактировали, исправили, «где в чом помылка была».

Исключительно интересен текст предисловия на 5-м нумерованном листе, от которого, к сожалению, сохранились лишь небольшие фрагменты. Обрывки фраз дают возможность понять, что здесь, как и в предисловии к Учительному евангелию, Ходкевич объяснял, почему он не напечатал Псалтырь на живом разговорном языке. Проводится мысль, что при переводе с одного языка на другой неизбежны ошибки. Этим же «ереси умножаются». «Того избави нас боже!» — с экспрессией восклицает автор предисловия.

Заканчивает Ходкевич обещанием и в дальнейшем не жалеть средств на печатание славянских книг — «я такоже и вперед працы и накладу моего жаловати не буду и другыя книги...друковати дам». Обещание это, как увидит читатель, выполнено не было.

Вслед за предисловием Ходкевича на 10-ти нумерованных листах помещено «Предисловие в книгу сию, глаголемую Псалтырь».

Оно начато тезисом о божественности и полезности книги вообще: «всяко писание богодуховенно и полезно». Далее говорится об особенной полезности «псаломской книги», то есть Псалтыри. Она «пророчествует будущая», используется в обучении чтению и письму, «изимает страсти» и т. д. и т. п. Особенно подчеркивается значение Псалтыри как учебной книги. По мнению автора предисловия, использовать для этой цели Апостол или же Книгу пророков не следует, ибо приведенные там тексты трудно запоминаются. Псалмы же дети неоднократно слышат с самого детства — их «по домах поют и на торжищах обносят». Бывает и так, что рассерженный человек «зело возверзен от ярости... начнет псалом пети».

Далее следует своеобразный гимн Псалтыри: «псалом тишина душам, податель смиренню», «псалом дружбе собратель и совокупление растоящимся», «псалом... младенцем утверждение, растущим удобрение, старым утешение, женам прикладнейшая доброта».

Автор предисловия приводит своеобразную историко-библиографическую справку о помещенных в книге текстах. Общее количество псалмов, указывает он, — 150. Из них перу царя Давида приписываются 9, а в 63 — «о нем сотво-

рена суть», остальные же принадлежат разным сочинителям. Автор предисловия, приводя библейские параллели, пытается объяснить, почему «псалмы си Давидовы нарицают», хотя написаны они «не от того единого».

В заключение приведены обширные высказывания о Псалтыри Василия Великого и Иоанна Златоуста. И тут постоянно проводится мысль о необходимости почитания книжного: «Вся бо нам книги на пользу суть».

Вслед за предисловиями помещены «Толкование о неразумных словесах псалтырных» и «Чин, како подобает пети Псалтырь».

Состав и полиграфическая организация текста. Текст Псалтыри занимает 290 листов. Он включает 20 «кафизм», содержащих 150 псалмов и один псалом дополнительный, «вне числа». Слово «кафизма» происходит от греческого «καθημαι», что означает «сидеть». Столь странная этимология объясняется просто — при чтении кафизм в церкви разрешалось сидеть. Порядковые номера кафизм вынесены в колонтитулы, помещенные в акантовом обрамлении в верхней части каждой полосы. Кроме того, начало новой кафизмы подчеркнуто малыми заставками. Количество псалмов в кафизмах различно. Каждый новый псалом начат порядковым номером и краткой аннотацией содержания. Текст открывает гравированная букваца.

Нумерация псалмов 92-го, 93-го и некоторых других вынесена на поле. Этот удачный прием полиграфической организации текста, значительно облегчающий нахождение нужного материала, использовался еще в безвыходных московских Псалтырях. В заблудовском издании Иван Федоров использовал этот прием лишь несколько раз и вернулся к старым формам организации текста.

Псалмы завершает заключительная молитва (л. 221).

С листа 222-го начаты библейские песни. Раздел назван по первой их них — «Песнь Моисеова во исходе». Колонтитулов в этом разделе уже нет. Каждая новая песня — всего их десять — начата порядковым номером, названием и узорной гравированной буквицей.

На листах 241—284 об., сохранившихся лишь в оксфордском экземпляре, помещен раздел «Многомилостивое певаемое на праздники господьский». Это — избранные псалмы, исполняемые в церковные праздники.

Часослов имеет собственную пагинацию (л. 1—60). Порядок служб таков: вечерня, третий час, шестой час, девятый час, утренняя, первый час, повечерие. В тексте последней службы напечатан специально выделенный заставкой и

колонтитулом канон богородицы. Далее следуют воскресные тропари (л. 45—49 об.), «дивные» (богородичные) тропари (л. 50—55). Заключает Часослов полунощница.

Каждая служба отделена от предыдущей гравированной заставкой (кроме служб шестого, девятого, первого часа и полунощницы). Сокращенные индексы служб вынесены в колонтитулы.

На листах 60 об.—62 об. помещена пасхалия в таблицах. Это первый пример табличного набора в отечественном книгопечатании. Таблицы, видимо, печатались в два проката, сначала текст, затем прографки.

Завершают книги указатели чтений для различных переходящих праздников. Здесь Иван Федоров применяет любопытный прием индексации с помощью проставленных на внешнем поле больших литер.

Книги такого состава, как заблудовская Псалтырь с Часословцем 1570 года в славянской рукописной традиции получили наименование Псалтыри с воследованием. Составление книги обычно приписывают митрополиту Киприану и относят к концу XIV в.⁴⁴⁴. В Троице-Сергиевом монастыре издавна хранилась Псалтырь с воследованием, которая, как утверждалось, была переписана самим митрополитом. На одном из листов ее — запись «Псалтырь митрополита Киприанова писма, без игуменскова благословения не давати ее никому наших монастырей пострижником»⁴⁴⁵.

Греческие списки Псалтыри с воследованием не известны. В. И. Срезневский, основываясь на этом, считал книгу «славянским изобретением».

У нас нет никаких оснований отрицать авторство Киприана (а точнее — его составительский труд). Если старейшие фрагменты русских Псалтырей относятся к XI—XII вв.⁴⁴⁶, то Псалтырей с воследованием ранее последней четверти XIV в. не обнаружено. Это косвенно указывает на круг Киприана.

Кроме Псалтыри с воследованием, переписанной самим митрополитом, в наших книгохранилищах хранится всего 5 книг аналогичного содержания, датируемых XIV в. Среди них бумажная и пергаменная рукописи сербского извода из собрания П. И. Севастьянова⁴⁴⁷, пергаменная Псалтырь Ярославского музея⁴⁴⁸, бумажная рукопись болгарского извода Троице-Сергиевой лавры (возможно, начала XV в.)⁴⁴⁹ и, наконец, список русской редакции из собрания Александрo-Свирского монастыря⁴⁵⁰.

Рукописные Псалтыри с воследованием XV и XVI столетий сохранились в большом количестве — книга была

популярна и ее часто переписывали. В 1494 г. черногорский типограф Макарий впервые напечатал ее. В дальнейшем книгу печатали в Венеции в 1519--1520 и в 1546 гг., в Горажде — в 1521 г., в Вильне — около 1525 г. и в Милешева — в 1544 г. Если Учительное евангелие Иван Федоров напечатал первым, то, воспроизводя Псалтырь с воследованием, он должен был считаться с уже устойчивой типографской традицией.

Типологическое изучение славянских богослужебных книг практически еще не начато — исключение составляет Евангелие Апракос, исторические судьбы которого на славянской почве прояснило недавнее исследование Л. П. Жуковской⁴⁵¹. Человеку, поверхностно знакомому с русской лингвистической литературой, может показаться, что это не так. Действительно, можно назвать ряд работ В. И. Срезневского, И. В. Ягича, Г. А. Воскресенского, в которых делаются попытки выделить различные редакции славянского перевода богослужебных книг. Однако, достаточно сравнить эти работы с последними трудами Л. П. Жуковской, чтобы понять, насколько далеки они — при всем нашем уважении к их авторам — от требований современной науки.

Для типологического изучения Псалтыри имеются богатейшие материалы, ряд научных изданий древних памятников — от Симоновской Псалтыри, изданной в 1881 г. архим. Амфилохием, до Болонской Псалтыри, изданной в 1968 г. болгарским исследователем И. Дуйчевым⁴⁵².

Есть ряд исследований, выполненных такими прославленными учеными, как В. И. Срезневский, И. В. Ягич, В. Погорелов, Е. Ф. Карский⁴⁵³.

И все же вопрос сколько-нибудь подробно и тщательно не изучен. Достаточно сказать, что В. И. Срезневский и И. В. Ягич говорили всего о двух славянских редакциях Псалтыри — юго-славянской и русской, а В. Погорелов — о четырех, причем к последней, «исправленной редакции» он причислял столь различные по составу и стилю рукописи и печатные издания как Псалтырь с воследованием митрополита Киприана, списки Максима Грека, издания Ф. Скорины и П. Мстиславца.

Мы в нашей работе можем только констатировать создавшееся положение; исправить его мы не в силах. Поэтому замечания о составе и редакции заблудовского издания носят сугубо предварительный и приблизительный характер.

Прежде всего скажем о вступительных статьях к Псалтыри. Они встречаются во всех списках и печатных изданиях,

но состав их различен. Редакторам из Заблудова видимо была хорошо известна как рукописная, так и печатная традиция, ибо параллели, которые можно провести, восходят к самым различным источникам.

Совершенно аналогичного предисловия «в книгу сию глаголемую Псалтырь» мы не найдем нигде. Однако идея его вне всякого сомнения восходит к изданиям Ф. Скорины. Сравним первые фразы: «Всяко писание богом водьхненное полезно» (Прага, 1517); «Всякое писание богом водьхненное полезно есть ко вчению» (Вильна, ок. 1525); «Всяко писание богодуховенно и полезно» (Заблудов, 1570).

Сходство, однако, ограничивается лишь первой фразой. Далее предисловия совершенно различны, хотя мысли, проводимые в них, очень близки. П. В. Владимиров в свое время указал, что предисловие Скорины представляет «сокращение», а точнее — вольное переложение беседы Василия Великого на первую часть первого псалма ⁴⁵⁴. Такой же вариацией на тему этой беседы — вариацией вполне самостоятельной — является и предисловие заблудовского издания.

«Предисловие и сказ како съставлень бысть Псалтырь» из черногорского издания Псалтыри с воследованием (1494 г.) не имеют ничего общего с нашим предисловием. Но в этом первом печатном воспроизведении Псалтыри мы неожиданно находим высказывания Василия Великого и Иоанна Златоуста, в позднейших изданиях отсутствующие, но использованные заблудовскими редакторами.

В рукописной и печатной традиции можно встретить вторую часть предисловия Псалтыри 1570 года, начинающуюся словами «Давид великий богоотец» ⁴⁵⁵, а также тексты «Толкование о неразумных словесах псалтырных» и «Чин како подобает пети Псалтырь».

Последний, очень популярный в московских рукописных и печатных Псалтырях вступительный текст, всюду имеет другое название — «Разумно да будет како начати иноку особь пети Псалтырь». С другой стороны, такие вступительные тексты многих рукописных Псалтырей, как, например, «Указ правилу келейному», «Правило неумеющим грамоте» и др., в заблудовское издание не включены ⁴⁵⁶.

Таким образом, можно утверждать, что редакторы из Заблудова провели немалую работу над составлением вступительных статей Псалтыри — будущему исследователю предстоит подтвердить вывод об оригинальности предисловия и установить, кто был его автором. Нам бы хотелось, ни в коей мере не настаивая на точности версии, назвать в этой связи имя старца Артемия.

Своеобразной особенностью заблудовского издания являются аннотации перед псалмами и библейскими песнями. Таких аннотаций нет ни в черногорском издании 1494 г., ни в Псалтырях 1517 и ок. 1525 г. Ф. Скорины, ни в виленском издании 1576 г. Петра Мстиславца, ни в московских безвыходных изданиях. Аннотации нередко перерастают в небольшой рассказ об обстоятельствах создания или исполнения псалма или песни. Таков, например, рассказ о сестре Моисея Мариам, которая «видев чудо... егда... племя яко по суху посреде моря пройдоша», собрала женщин, дала двум из них музыкальные инструменты, «руками плескати повеле», и запела песню, известную в Псалтыри как «Песнь Моисеова во исходе».

Будущим исследователям предстоит выяснить происхождение и этих текстов заблудовского издания.

Пока же отметим, что происхождением аннотаций интересовался Е. Ф. Карский — он называет их «надписаниями»⁴⁵⁷. Он установил, что аннотации заблудовского издания близки по редакции к аналогичным текстам в Толковой Псалтыри Афанасия Александровского и в рукописи Петербургской публичной библиотеки с пересказом содержания псалмов⁴⁵⁸. Однако рукописи эти — сравнительно поздние; они могут быть копиями заблудовского издания.

С другой стороны, Е. Ф. Карский показал, что развернутые аннотации содержания псалмов, которые очень редко встречаются в восточно-славянских псалтырях, не составляют редкости в польских изданиях, например, в Псалтырях Валентина Врубля, неоднократно издававшихся в Кракове, начиная с 1539 г. П. В. Владимиров, в свою очередь, отметил, что «надписания» не встречаются ни в одной церковно-славянской Псалтыри, за исключением рукописной Псалтыри 1543 года, заблудовской Псалтыри, а также виленских изданий 1586 и 1593 гг. Источник «надписаний» П. В. Владимиров возводит к чешской Библии 1506 года⁴⁵⁹.

Вполне возможно, что редакторы из Заблудова пользовались как польскими, так и чешскими источниками.

Гравюра. В Псалтыре с Часословцем — две цельностраницные гравюры. Прежде всего — это греб Г. А. Ходкевича. Гравюра с таким сюжетом была и в Учительном евангелии. Однако использовать старую доску Иван Федоров не мог, ибо изменился формат книги: Учительное евангелие отпечатано «в лист», а Псалтырь — «в четвертую долю листа». Новая гравюра — не просто уменьшенная копия старой. По словам А. А. Сидорова, «второй герб выполнен лучше, тоньше»⁴⁶⁰. Лаконизм рисунка исчез. Гербовой щит, в

прошлом ограниченный жирной линией, ныне снабжен обильными барочными завитками. С большим количеством деталей выполнен рыцарский шлем наверху. Активнее моделирована листва. Всадник на одном из полей герба, который раньше парил, ныне ощутил твердую почву под копытами скачущего коня. При всех различиях обеих гравюр мы можем смело признать их автором одного и того же художника. Художником этим, скорее всего, был сам Иван Федоров.

На второй из гравюр изображен легендарный автор Псалтыри — царь Давид. Гравюра была опубликована И. С. Свенцицким по львовскому экземпляру книги ⁴⁶¹. О ней писали П. Н. Берков и А. И. Некрасов, впрочем, довольно лаконично ⁴⁶². обстоятельный искусствоведческий анализ гравюры дал в 1951 г. А. А. Сидоров ⁴⁶³.

Царь Давид изображен сидящим на троне с раскрытой книгой на коленях. На страницах читаются начальные слова первого псалма. Спинка кресла украшена своеобразными козлиными головами — мы видим одну из них. А. А. Сидоров установил, что рисунок трона зеркально скопирован с одной из гравюр немецкой Библии 1560 года или 1564 года.

Фигура псалмопевца нарисована плохо. Лицо лишено каких-либо индивидуальных черт, согнутые в локтях руки безжизненны. Уместно вспомнить замечание А. С. Зерновой о том, что «гравюры с изображением человека... затрудняли Ивана Федорова» ⁴⁶⁴. Плохо нарисовано и сидящее у подножия трона животное.

Над тронном — сень балдахина и парящий на его фоне свиток с надписью «Царь Давид». Трон прочно стоит на «паркетном» полу — это шаг вперед по сравнению с условностью «Луки», фронтисписа московского Апостола 1564 года. Но в целом, с точки зрения художественной, «Давид» «стоит... ниже московского „Луки“» ⁴⁶⁵; мы полностью согласны с этим замечанием А. А. Сидорова. «Лука» тесно связан с традициями московской книжной миниатюры. Источники образа Давида следует искать на Западе, на это указывал еще П. Н. Берков. Об источниках говорил А. А. Сидоров в своем небольшом экскурсе в иконографию Давида.

Орнаментика. Художественное убранство книги составляют две цельностраницные гравюры, 31 заставка, отпечатанная с пяти досок, 4 концовки — с трех досок, большое количество инициалов — с 21-й доски. Кроме того, над текстовыми полосами размещены нарядные орнаментальные рамки, служащие обрамлением колонтитулов. Последние указывают номера «кафизм» — разделов Псалтыри.

Царь Давид. Гравюра из Псалтыри с Часословцем 1570 г.

Все доски, с которых отпечатаны иллюстрации и орнаментика книги, изготовлены Иваном Федоровым специально для этого издания. Исключение составляют лишь концовки, две из которых ранее, в качестве заставок, встречались в московском Часовнике 1565 года, а одна — в московском Апостоле 1564 года.

Удивительно декоративны многочисленные буквы, хорошо гармонирующие с рисунком шрифта. Иван Федоров использует здесь в самых различных вариациях мотив акантового вьюнка, столь популярный в русской рукописной и печатной книге XVI века. Конструируя буквицу «омега» (л. 66, 132 об., 232 и 252-го счета), типограф берет за основу орнаментальный сюжет литеры «А» из «Большого прописного алфавита» немецко-нидерландского гравера XV века Израэля ван Мекенема.

Нельзя не припомнить здесь, что ксилографическая копия одной из литер алфавита ван Мекенема использована в качестве инициала «С» в «Акафисте гробу господню» из «Малой подорожной книжицы» Франциска Скорины⁴⁶⁶. С другой стороны, та же литера легла в основу одной из заставок рукописного московского Апостола 1540-х годов, впоследствии почти дословно скопированной в Апостоле 1564 года Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца⁴⁶⁷.

Доски заблудовского орнамента создавались Иваном Федоровым применительно к определенному формату, который в дальнейшем им не использовался. Не удивительно, что и заблудовская орнаментика очень ограниченно применяется им. Но доски были увезены первопечатником во Львов, превосходно сохранились и в дальнейшем зачастую использовались в львовских изданиях вплоть до середины XVIII века.

Бумага. Псалтырь с Часословцем напечатана в четвертую долю листа, что, естественно, затрудняет изучение филиграней этого издания. О. Мацюк не привел ни одной из них, ограничившись замечанием, что для книги использована та же бумага, что и в Учительном евангелии 1569 года. Э. Лауцявичюс извлек из львовского экземпляра две филиграны, а именно:

1. Три перекрещенных булавы — герб «Элита».
2. Двойная лилия — герб «Гоздава».

Как мы помним, именно на этой бумаге и напечатана большая часть тетрадей Учительного евангелия. Таким образом, и этот факт опровергает тезис О. Мацюка о покупке заблудовской типографией бумаги небольшими партиями в самых различных мастерских.

Прекращение
деятельности
Заблудовской
типографии

В предисловии к Псалтыри с Часословцем 1570 года гетман Г. А. Ходкевич обещал и в дальнейшем финансировать славянское книгоиздательство: «я такоже и впредь працы и накладу моего жаловати не буду и другыя книги... друковати дам». Но Псалтырь оказалась последней книгой заблудовской типографии, хотя в литературе изредка можно встретить упоминание о третьем издании, напечатанном Иваном Федоровым в Заблудове.

Существовал ли заблудовский Апостол? В 70-х гг. прошлого века Л. Кавелин, знакомясь с богатыми книжными собраниями афонских монастырей, обнаружил в монастыре Хиландар Апостол без выходных данных, однако с гербом Г. А. Ходкевича на первом листе. На переплетных листах книги имелась запись с датой «1625 г.» Никаких других материалов для датирования книги у Л. Кавелина не было. Это все же не помешало ему предположить, что Апостол с гербом Г. А. Ходкевича «напечатан в его местности Заблудове Федоровым в 1570 г.»⁴⁶⁸.

Гербом Г. А. Ходкевича начат львовский Апостол 1574 г. Вероятно, и в Хиландаре Л. Кавелин познакомился именно с этим изданием, но определить его ему помешало отсутствие послесловия.

Основанием для дальнейших разговоров о заблудовском Апостоле послужила публикация А. И. Миловидова, который познакомил читателей со вкладной записью вдовы Г. А. Ходкевича К. И. Вишневецкой. Запись, сделанную в 1575 г. на Учительном евангелии 1569 года, положенном в Супрасльский монастырь, а впоследствии попавшем в Виленскую публичную библиотеку, мы приводили выше. В конце ее К. А. Вишневецкая сообщает, что одновременно жалует в монастырь «при той же книзе Апостол и Псалтир с тою ж подписью». Публикуя вкладную, А. И. Миловидов заметил в примечании: «Возможно, что и эти две книги, если они обе были печатные, вышли из той же заблудовской, панов Ходкевичей типографии»⁴⁶⁹.

Сделанное мимоходом замечание послужило основой для многочисленных упоминаний о заблудовском Апосто-

ле. По мнению А. И. Некрасова, «есть сведения», что в Заблудове «напечатан был еще и Апостол»⁴⁷⁰. В. Ластовский, ссылаясь на предыдущую публикацию, утверждал, что заблудовский Апостол «не сохранился до нашего времени и известен только по заголовку»⁴⁷¹.

Лишь в 1968 г. автор этих строк показал, что вкладная К. И. Вишневецкой не может служить основанием для утверждений о третьем заблудовском издании⁴⁷². Дело в том, что Апостол, положенный вдовой гетмана в Супрасльский монастырь, сохранился и находится сейчас в Центральной научной библиотеке в Киеве⁴⁷³. На его страницах — точно такая же вкладная, как в том экземпляре Учительного евангелия, который когда-то находился в Виленской публичной библиотеке. Но книга эта — не неведомое никому заблудовское издание, а львовский Апостол 1574 г.

На этом можно было бы и закончить обзор высказываний и мнений о заблудовском Апостоле, если бы не сообщение, сделанное в самое последнее время. Речь идет о кратком обзоре собрания рукописей и старопечатных книг М. Н. Тихомирова; в коллекции будто бы имеется «послесловие к заблудовскому Апостолу 1573 г.»⁴⁷⁴. В 1573 г. Иван Федоров уже находился во Львове. Таким образом и в этом случае мы имеем дело с ошибкой.

Вывод: в настоящее время нет никаких оснований, чтобы говорить о третьем заблудовском издании — Апостоле.

Заблудов и Супрасль? Иногда говорят о том, что типографские материалы Ивана Федорова были перенесены из Заблудова в Супрасль и здесь положили начало монастырской типографии⁴⁷⁵. Есть ли какие-либо основания для этого утверждения?

Первая известная нам книга Супрасльской типографии — Служебник — помечена 1695 г.⁴⁷⁶. К этому времени со дня выхода в свет последнего заблудовского издания прошло 125 лет. Достаточно ознакомиться с книгой, чтобы установить: она напечатана совершенно другим шрифтом, не имеющим решительно ничего общего с прекрасными в своей законченности формами полуустава Ивана Федорова⁴⁷⁷. Да и орнаментика в супрасльских изданиях другая.

Документы свидетельствуют, что материалы и инструментарий супрасльской типографии были получены из Вильны, из униатской типографии⁴⁷⁸.

Откуда же пошла весть о связях между Супраслем и Заблудовым? Нет никакого сомнения в том, что первопричина — в принадлежности обоих этих местечек в XVI в. Ходкевичам. Александр Ходкевич и его многочисленные сыновья всегда

поддерживали Супрасльский монастырь, жертвовали его братии немалые средства. Однако в XVII в. потомки Ходкевича потеряли как Супрасль, так и Заблудов. В 1627 г. монастырь стал униатским.

Материалы заблудовской типографии Иван Федоров взял с собой во Львов, но использовал их крайне скупо. Лишь после его смерти заставки и инициалы Псалтыри с Часословцем стали сравнительно часто встречаться в изданиях львовского Ставропигийского братства, причем применялись, как это показали А. С. Зернова и А. П. Запаско, вплоть до конца XVIII столетия ⁴⁷⁹.

Причины прекращения деятельности заблудовской типографии. Псалтырь с Часословцем 1570 года была последним заблудовским изданием. Вскоре после 23 марта 1570 г. — даты выхода книги в свет — типография прекратила свою деятельность.

Почему это случилось:?

По словам Ивана Федорова, основной причиной была старость Ходкевича: «... егда же приити ему в глубоку старость и начасте главе его болезнию одержиме бывати, повеле нам работания сего престати и художество рук наших нивочтоже положить».

Ходкевич не прогнал первопечатника. Он предложил ему остаться в Заблудове и заниматься «земледелием». Тогда-то Иван Федоров и сказал знаменитые слова: «не удобно ми бе ралом ни же семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо въместо рала художество наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенней разсевати» ⁴⁸⁰.

Слова эти часто цитируются. В них видят — и вполне справедливо — свидетельство неукротимой силы духа первопечатника, его гуманизм, стремление отдать всю свою жизнь великому делу просвещения народа.

Ивану Федорову была предоставлена возможность вести безбедную жизнь шляхтича-землевладельца, но он решил иначе: собрал типографские инструменты, шрифты, нехитрые пожитки и направил стопы свои во Львов, где в скором времени основал первую на украинской земле типографию. Рассказ первопечатника об обстоятельствах прекращения деятельности типографии не следует воспринимать буквально. Основные движущие силы события были частично скрыты от Ивана Федорова, частично же — неудобосказуемы в печати.

В свое время мы, вслед за В. И. Пичетой, связывали отъезд Ивана Федорова на Украину с Люблинской унией

1569 г.⁴⁸¹. Согласно этому акту, подписанному 1 июля 1569 г., Великое княжество Литовское и земли польской короны сливались в одно государство — Речь Посполитую. Уния, заключенная вопреки желанию белорусско-литовских магнатов под давлением Польши, с одной стороны, и литовской шляхты — с другой, положила конец самостоятельному существованию Великого княжества Литовского. Магнаты стали заседать в польском сенате. Поддержка православия и его противопоставление католицизму потеряли политический смысл. Начался процесс ополячивания, и аристократия, особенно во втором и третьем поколениях, перестала противиться ему.

Все это так! И тем не менее, излишняя прямолинейность только вредит делу. Мы показали уже, что вальный сейм в Люблине проходил в духе веротерпимости, полностью соответствовавшей традициям многолетнего правления Сигизмунда Августа. Кроме того, и это очень важно, Люблинская уния была подписана 1 июля 1569 г. Печатание же Псалтыри с Часословцем началось 26 сентября 1569 г., почти три месяца спустя. Историки, утверждающие, что уния непосредственно повлияла на прекращение деятельности Заблудовской типографии, попросту забывают сопоставить эти две даты.

Связь между двумя событиями, конечно, существовала. Уния способствовала решению Ходкевича отойти от политической жизни, о чем он думал еще раньше. 5 февраля 1570 г. московский посол Вислой Булгаков доносил, что «Григорей Ходкевич гетманство великое хочет оставить, а вменяет, чтоб дали то месту сыну его Ондрею». Дальнейшие слова донесения свидетельствуют об общем падении политического влияния Ходкевичей: «... а на Юрьево место Ходкевича ныне пан Троцкой Остафей Воловичь..., а Яна Еронова, сказывает, не любят всею землею, что ходил к Уче и многих людей потерял, до пяти тысяч человек, и наряд большой...»⁴⁸².

Говоря о прекращении издательской деятельности в Заблудове нельзя и сбрасывать со счета финансовые затруднения, которые Г. А. Ходкевич испытывал в последние годы своей жизни. Долголетняя и бесперспективная война с Москвой, периодические набеги татар, неурожайные годы — все это подтачивало основы экономического благосостояния белорусско-литовских магнатов. Прямое свидетельство затруднений Ходкевича — его письмо от 1 марта 1572 г. к игумену Никольско-Пустынского монастыря в Киеве. Гетман задолжал монастырской братии 200 коп литовских гро-

шей. Уплатить в срок он смог лишь десятую часть займа — 20 коп. Объясняя причины задержки с уплатой долга, Г. А. Ходкевич ссылается на «недостаток» и «великий утиск», который «не только там, в том край вашом...деет, але по всех сторонах и краех». Он образно описывает беды, ставшие обыденностью для Великого княжества Литовского: «иж до неба голос, плач, крик от убогих поданных идет». Г. А. Ходкевич утверждает, что давно не получает никаких доходов от своих подданных — приходится заботиться о том, чтобы самому прокормить их: «не только што ся есмо сподевали цыншов, платов з людей своих, тогда вжо от колько годов не можем места, а еще надто кормити их мусим, бо з голоду здыхають»⁴⁸³.

Не следует также чрезмерно преувеличивать просветительские тенденции в деятельности Г. А. Ходкевича. Гетман поддерживал книгопечатание до той поры, пока это было ему выгодно — как в политическом, так и в экономическом отношении: вспомним, что издания заблудовской типографии продавались в Московскую Русь.

Подлинным героем этого периода истории белорусского книгопечатания был Иван Федоров. Он развил и умножил лучшие традиции Франциска Скорины. Он внес в белорусское книжное дело свежую струю, обогатив его опытом московских мастеров. Отныне книгопечатная деятельность на белорусских землях уже не прекращалась⁴⁸⁴. Эстафету подхватили Петр Мстиславец, Василий Гарабурда, Мамоници, Спиридон Соболев, мастера Виленской, Кутеинской, Могилевской, Супрасльской типографий...

СОКРАЩЕНИЯ

- АВК — Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора актов. Вильна.
- АЕ — Археографический ежегодник за ... год. М., 1962—1971.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—5, СПб., 1846—1853.
- АрхЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1—8 (34 т.), Киев, 1859—1914.
- АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—15, Киев, 1863—1892.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
- БАН ЛССР — Библиотека Академии наук Литовской ССР (Вильнюс).
- БАН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (Киев).
- БВ — Бібліологічні вісти. Киев, 1923—1929.
- ВГУ — Научная библиотека Вильнюсского Государственного университета (Вильнюс).
- ГИБ УССР — Государственная историческая библиотека УССР (Киев).
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
- ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека (Москва).
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.
- ЗНТШ — Записи Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1892—1937.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. (Пг., Л.), 1896—1927.
- ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР.
- К — Книга. Исследования и материалы. Сб. 1—35, М., 1959—1977.
- ЛГУ — Научная библиотека им. М. Горького Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Ленинград).
- ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
- ЛГИМ — Государственный исторический музей (Львов).
- ЛГНБ — Львовская научная библиотека им. М. В. Стефанина АН СССР.
- Льв. ГУ — Научная библиотека Львовского государственного университета.
- МГУ — Научная библиотека им. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).

- МИР — Музей истории религии и атеизма (Ленинград).
 МУИ — Музей украинского искусства (Львов).
 ОГНБ — Государственная научная библиотека им. М. Горького (Одесса).
 ОРЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека. Т. 1—39. Спб. (Л.), 1872—1927.
 Сб. РИО — Сборник русского исторического общества. Т. 1—148. Спб., 1867—1916.
 СГУ — Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
 СОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Спб. 1867—1873.
 ТГУ — Научная библиотека Тартуского государственного университета.
 ТЛБ — Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Т. 1—11. М., 1957—1969 гг.
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. 1—26. М.—Л., 1934—1971.
 ХГУ — Центральная научная библиотека Харьковского государственного университета.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
 ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР (Киев).
 ЦГИА УССР во Львове — Центральный государственный исторический архив УССР (Львов).
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1845—1917.
 ЮИЛСБ — Юбилейное издание в память 300-летия основания Львовского ставропигийского братства. Львов, 1886.
 EWK — Encyklopedia wiedzy o książce. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1971.
 PSB — Polski słownik biograficzny.

СПИСОК ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕННЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОТСЫЛОК

- Анушкин — Анушкин А. И. На заре книгопечатания в Литве. — Вильнюс, 1970.
 Брике — см. Briquet.
 Голенченко, I — Галенчанка Г. Я. Василь Цяпинскі — паслядоўнік скарынінскай справы. — в кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. — Мінск, 1968, с. 171—178.
 Голенченко, II — Голенченко Г. Я. Симон Будный. Книгоиздательская деятельность в Белоруссии. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. — Минск, 1970, с. 168—193.
 Горский, Невоструев — Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Т. 1—6, —М., 1855—1917.

- Горфункель — Горфункель А. Х. Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков. Л. 1970 (В надзаг.: Науч. б-ка им. М. Горького Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова).
- Запаско—Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова. — Львов, 1974.
- Зернова, I — Зернова А. С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. — М., 1970 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина).
- Зернова, II — Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII вв. — М., 1952 (при отсылках на рисунки альбома дается сокр. обозначение и порядковый номер рисунка — например: Зерн. 25).
- Исаевич — Исаевич Я. Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. — Львів, 1975.
- Калайдович — Калайдович К. Библиографическое известие о Евангелии учительном, напечатанном в Заблудовье 1569 г. первыми московскими типографщиками. — Северный архив, 1823, № 4, с. 318—326.
- Каратаев, I — Каратаев И. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. — СПб., 1861.
- Каратаев, II — Каратаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. Вып. I. С 1491 по 1600 г. — СПб., 1878.
- Каратаев, III — Каратаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. I. С 1491 по 1652 г. — СПб., 1883.
- Кацпржак — Кацпржак Е. И. Первопечатник Иван Федоров. М., 1964.
- Кеппен — Кеппен П. И. Хронологическая роспись первопечатным славянским книгам. — Библиогр. листы, 1825, № 1, с. 9—12; № 6, с. 77—84; № 11, с. 149—156; № 16, с. 221—228; № 21, с. 293—300.
- Коляда, I — Коляда Г. И. Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ, 1961, т. 177. с. 225—254.
- Коляда, II — Коляда Г. И. Иван Федоров-первопечатник. (Московский период деятельности). Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. — М., 1961.
- Коляда, III — Коляда Г. И. Труды и дни «друкаря книг пред тым невиданых». — Науч. тр./Ташкентского гос. универс. им. В. И. Ленина. 1964, вып. 260, с.12—49.
- Коляда, IV — Коляда Г. И. Друкарський знак Івана Федорова. — В кн: Українська книга. — Київ—Харьків, 1965, с.185—193.
- Лихачев — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч.1—3. — СПб., 1892.
- Лукьяненко — Лукьяненко В. И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI—XVII вв. Вып. I (1523—1600 гг.). — Л., 1973 (Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).
- Максименко — Максименко Ф. П. Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574—1800). — Львів, 1975.
- Мацюк, I — Мацюк О. Я. Папір та філіграні на українських землях (XVI — початок XX ст.). — Київ, 1974.
- Мацюк, II — Мацюк О. Водяні знаки на папері друків Івана Федорова. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1964, № 3, с.37—46.

- Миловидов—Миловидов А. И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки. — Вильна, 1908.
- Немировский, I — Немировский Е. Л. Проблемы книговедения. История книжного дела. — М., 1970.
- Немировский, II — Немировский Е. Л. Очерки историографии русского первопечатания. — Книга. Исслед. и материалы, 1963, сб. 8. с. 5—42.
- Немировский, III — Немировский Е. Л. Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX вв. — Книга. Исслед. и материалы, 1964, сб. 9, с. 389—437.
- Немировский, IV — Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров. Жизнь и деятельность. — Полиграфия, 1964, № 3, с. 5—13.
- Немировский, V — Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. — М., 1964.
- Немировский, VI — Немировский Е. Л. Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете. — Сов. славяноведение, 1969, № 1, с. 49—56.
- Немировский, VII — Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. — М., 1974.
- Неміроўскі — Неміроўскі Я. Л. Іван Фёдараў і Пётр Цімафееў Мсціславец у Беларусі. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. — Мінск, 1968, с. 137—154.
- Огієнко — Огієнко Ів. — Історія українського друкарства. — Львів, 1925.
- Отчет МПРМ — Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за ... год. — М., 1864—1917.
- Отчет МПБ — Отчет имп. Публичной библиотеки за ... год. — СПб., 1813—1917.
- Пичета — Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). — М., 1961.
- Попов — Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. — М., 1872.
- Протасьева — Протасьева Т. Н. Описание первопечатных русских книг. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. — М., 1959, с. 155—196.
- Родосский — Родосский А. Полное описание старопечатных церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке СПб. духовной академии. — СПб., 1884.
- Сахаров — Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. Т. 1, кн. 2. Хронологическая роспись славяно-русской библиографии. — СПб., 1849.
- Свенцицкий, I — Свенцицкий И. Каталог книг церковнославянской печати. — Жовква, 1809. В надзаг.: (Церковный музей во Львове).
- Свенцицкий, II — Свенцицкий И. Початки книгопечатания на землях України. — Жовква, 1924.
- Сидоров, I — Сидоров А. А. История оформления русской книги. — М., 1964.
- Сидоров, II — Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. — М., 1951.
- Соликов — Соликов В. Опыт российской библиографии. Ч. 1—5. — СПб., 1813—1821.
- Строев, I — Строев П. Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. — М., 1829.

- Строев, II — Строев П. Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке ... И. Н. Царского. — М., 1836.
- Строев, III — Строев П. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. — М., 1841.
- Строев, IV — Строев П. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. — М., 1845.
- Тихомиров, I — Тихомиров. Россия в XVI столетии. — М., 1962.
- Тихомиров, II — Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. — М., 1968.
- Ундольский, I — Ундольский В. М. Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. Н. Кастерина. — М., 1848.
- Ундольский, II — Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. Хронологический указатель... — М., 1871.
- Чертков — [Чертков А. Д.] Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. — М., 1838; то же. Прибавление 2 — М., 1845.
- Ширяев — Реестр старопечатных славянских книг ... — М., 1833.
- Щепкина, Протасьева — Щепкина М. В., Протасьева Т. Н. Сокрвища древней письменности и старой печати. М., 1958 в надзаг.: Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. 30.
- Bandtkie — Bandtkie J. S. Historia drukarń w Królestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem. T. 1—3. — Kraków, 1826.
- Barnicot, Simmons — Barnicot J. D. A. and Simmons J. S. G. Some unrecorded early-printed slavonic books in english libraries. — Oxford Slavonic Papers, Vol. 2. — Oxford, 1951, p. 98—118.
- Bohonos — Bohonos M. Katalog starych druków Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Polonica wieku XVI. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.
- Briquet — Briquet C. M. Les filigranes. — Vol. 1—4. — Genève, 1907.
- Drukarze — Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 4—6. — Wrocław—Kraków. 1959—1962.
- Estreicher — Estreicher K. Bibliografia polska. T. 1—34. — Kraków, 1872—1951.
- Gębarowicz — Gębarowicz M. Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1683 na tle epoki. — Roczniki biblioteczne, 1969, z. 1—2, s. 5—95; z. 3—4, s. 393—481.
- Hoffmann — Hoffmann J. D. De typographiis earumque initiis et incrementis in Regno Poloniae et M. D. Lithuaniae. — Dantisci, 1740.
- Kawecka—Gryczowa, I — Kawecka—Gryczowa A. Rola drukarstwa polskiego w dobie Odrodzenia.—Odrodzenie w Polsce. T. 4—Warszawa, 1956, s. 464—522.
- Kawecka—Gryczowa, II — Kawecka—Gryczowa A. Katalog starych druków Biblioteki Publicznej m. st. Warszawy. Cz. 2. — Warszawa, 1957.
- Laucevičius — Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII. Vilnius, 1967.
- Piekarski — Piekarski K. Katalog Biblioteki Kórnickiej. T. 1.— Kraków, 1929.
- Ptaśnik, I — Ptaśnik J. Cracovia artificum 1300—1500. — Kraków, 1917.
- Ptaśnik, II — Ptaśnik J. Cracovia impressorum XV et XVI saec. — Leopoli, 1922.
- Wierzbowski — Wierzbowski T. Bibliographia Polonica XV ac XVI saec. T. 1—3. — Warszawa, 1889—1894.
- Zubrzycki — Zubrzycki D. Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicje. — Lwów, 1836.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указ. лит. 1574—1974. М., 1975. В надзаг. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких книг.

² См.: Немировский, V; Немировский, VII.

³ Немировский, V, с.322.

⁴ См.: Кеппен П. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. М., 1822, с. 88; Wandtkie, t. 1, s.381.

⁵ См.: Румянцев В. Е. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. Вып. I. М., 1872, с. 49; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 527.

⁶ См.: Токмаков И. Надгробный камень Федорова. — В кн.: Трехсотлетие первого друкаря на Руси Ивана Федорова. СПб., 1883, с. 14; Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб., 1889, с.238; Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII вв. — В кн.: Книга в России. М., 1924, т.1, с. 92.

⁷ См.: Памяти Ивана Федорова. Л., 1933. В надзаг. Ленинградское общество коллекционеров. Секция библиофилов и экслибрисистов.

⁸ См.: Коляда, IV.

⁹ См.: Лукомский В. К. К вопросу о родоприсхождении Ивана Федорова. — В кн.: Иван Федоров—первопечатник. М.-Л., 1935, с.167—175.

¹⁰ Немировский, V, с.323.

¹¹ См.: Hübicki W. Pierwszy drukarz Moskwy i Lwowa konstruktorem armat: nieznany list Iwana Fedorowicza. — *Kwartalnik historii nauki i techniki*, 1968, № 1, s.3—12; Губицкий В. Первопечатник Иван Федоров — пушечный мастер. — *Вопр. ист. естествознания и техники*, 1969, вып. 2 (27), с.58—63.

¹² См.: Учительное евангелие. Заблудов, 1569, л.4 об. 1-го счета; Псалтырь с восследованием. Заблудов, 1570, л. 2 1-го счета; Апостол. Львов, 1570, л. 264 об.; Псалтырь и Новый завет. Острог, 1580, л. 490 об. 2-го счета.

¹³ См.: Новгородские писцовые книги. Т. 4, СПб., 1886, с.478.

¹⁴ См.: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. — *Зап. отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археол. общ.*, 1903, т.6, с.313.

¹⁵ Акты Московского государства. Т.1. СПб., 1890, с.69.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1201, № 207, л.185 об.

¹⁷ Довнар-Запольский М. Акты Литовско-русского государства. Т. 2. М., 1897, с.15.

¹⁸ Там же, с. 179.

¹⁹ АЮЗР, т.1, СПб., 1863, с.234—235.

²⁰ См.: Pawiński A. *Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Bato-rego 1576—1586*. Warszawa; 1881, s. 100, 122, 123 (ZD, t.9).

- ²¹ ЦГИА УССР в Києве, ф. 25, № 16 л.243.
- ²² См.: Pawiński A. Op. cit., s. 91.
- ²³ См. например: Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego... Lipsk, 1839—1846; Boniecki A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV—XVI w. Warszawa, 1887; Boniecki A. Herbarz polski. T. 1—16. Warszawa, 1889—1913; Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej T. 1—15. Warszawa, 1904—1931.
- ²⁴ См.: Niesiecki K. Herbarz Polski. T. 8. Lipsk, 1841, s.472.
- ²⁵ О гербе «Шренява» см.: Semkowicz W. Družyna i Szeniawa. — Kwartalnik historyczny, T.14. Lwów, 1900, s.200—220.
- ²⁶ См.: Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1586, s.672.
- ²⁷ См.: Огиенко, с.229—232.
- ²⁸ См.: Zubrzycki, s. 11.
- ²⁹ См.: Drukarze, t. 6, s. 98; ЕВК, s. 711.
- ³⁰ См.: Немировский Е.Л. Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания. — К., 1962, сб. 6, с.263.
- ³¹ См.: Boniecki A. Herbarz polski. T. 5. Warszawa, 1902, s.265—271.
- ³² См.: Lewicki J. E. Bibliographie des Fedorowiczs. Leopoli, 1910.
- ³³ См.: Немировский, VI.
- ³⁴ См.: Ягеллонская библиотека, рук. № 259, л.125.
- ³⁵ См.: Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 8. Warszawa, 1887, s.111.
- ³⁶ Апостол. Львов, 1574, л.260 об. 2-го счета.
- ³⁷ Цит. по: Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915.
- ³⁸ См.: Максим Грек. Сочинения. Ч. 3. Казань, 1862, с.286.
- ³⁹ См.: Немировский, V, с.158—161; Коляда, III, с.16—17.
- ⁴⁰ Statuta nec non Liber Promotionum philosophorum ordinis in Universitatae Studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849/Ed. Josephus Muczowski. Cracoviae, 1849, p.186.
- ⁴¹ См.: Немировский Е. Л. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. Вopr. истории, 1964, № 6, с.213—215.
- ⁴² См.: Акты, относящиеся к истории бывшей Холмской епархии. Вильна, 1892, с.XLI.
- ⁴³ Statuta nec non Liber Promotionum..., p.92.
- ⁴⁴ См.: Ptaśnik J. Turzonowie w Polsce i ich stosunki z Fuggerami. —Przewodnik naukowy i literacki. Roc. 35. Lwów, 1905, s. 1026.
- ⁴⁵ Ягеллонская библиотека, рук. № 263, л.81.
- ⁴⁶ Album studiosorum Universitatis Cracoviensis. T.1. Cracoviae, 1887, p.250.
- ⁴⁷ Acta Rectoralia Almae Universitatis Studii Cracoviensis. Editionem curavit dr. W. Wisłocki. T.1 Cracoviae, 1893, p.785, 1057.
- ⁴⁸ Там же, № 3182, 3183, 3206, 3220, 3223.
- ⁴⁹ Karbowski A. Ustawy Bursy Krakowskiej «Jeruzalem». W: Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. T. 6. Kraków, 1890, s.93.
- ⁵⁰ Acta Rectoralia ..., p. 795. Чтобы еще раз показать, насколько вольной была практика документации в Краковском университете, отметим, что Томас или Фома фигурирует в актах как Thomas de Krasny staw, Thomas de Crastystaw, Thome de Cracovia, Paulinus Thomas, Thomas Pawłowicz.
- ⁵¹ См.: Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1364—1764. T.1. Kraków, 1964, s. 230.
- ⁵² Joannes Leopoliensis Vivificae Passionis Christi Hystorica Explanatio ... Cracoviae, 1538. Заставка, о которой идет речь, использовалась Иваном Федоровым в Часовнике 1565 г., Учительном евангелии 1569 г. и Апостоле 1574 г.

⁵³ Biblia. Kraków, 1560—1561. Ср.: Сидоров А. А., Коляда Г. И. О научных итогах 400-летнего юбилея русского книгопечатания. — К., 1966, сб. 12, с. 124—125. (Ошибочно указано, что Библия напечатана в типографии Миколая Шарфенбергера).

⁵⁴ Zoltarz Dawidow. Cracoviae, 1539.

⁵⁵ Fletcher G. Of the Russe Common Wealth or Maner of Governement by the Russe Emperour. London, 1591, p. 85—86. (... there came a press and letters out of Polonia, to the cite of Mosko, where a printing house was set up...).

⁵⁶ Ср.: Пичета, с. 657, 717; Майхровіч С. Георгій Скарына. Мінск, 1966, с. 34; Немировский Е. Л. Белорусский первопечатник Франциск Скорина. — Полиграфия, 1967, № 8, с. 39 и мн. др.

⁵⁷ Album Studiosorum, t. 2, p. 91; Statuta nec non Liber Promotionum ..., p. 144.

⁵⁸ Ср.: Christian R. F., Sullivan J., Simmons J. S. G. Early—printed Russian books at St Andrews and their background. — The Bibliothek, a Scottish journal of bibliography and allied topics. 1970, vol. 5, № 7—8, p. 218.

⁵⁹ Ср.: Королюк В. Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954, с. 54—55.

⁶⁰ Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955, т. 2, с. 76.

⁶¹ См.: Пичета В. И. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны. — В кн.: Пичета, с. 11—20; Пичета В. И. Волочная устава королевы Боны и устава на волюки. — Там же, с. 21—42.

⁶⁵ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 2, М., 1917—1918.

⁶³ См.: Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, с. 227.

⁶⁴ Там же, с. 251.

⁶⁵ Ср.: Пичета, с. 636.

⁶⁶ Текст привилея на латинском языке см.: Любавский М. К. Указ. соч., с. 338—340. То же на белорус. яз.: АЗР, т. 3. СПб., 1843, с. 118—121.

⁶⁷ Публикацию Статута 1566 г. см.: Временник имп. Моск. об-ва ист. и древностей российских. Кн. 19. М., 1854. Историографию литовских статутів см.: Пичета, с. 487—502.

⁶⁸ Цит. по: Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901, с. 435—436.

⁶⁹ Гатцук А. Очерки истории книгопечатного дела в России. — Рус. вестник, 1872, № 5, с. 339.

⁷⁰ Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб., 1889, с. 230.

⁷¹ Пичета, с. 702.

⁷² Кацпржак, с. 58.

⁷³ См.: Немироўскі, с. 153.

⁷⁴ О Люблинском сейме существует большая литература. М. С. Коялович издал документацию сейма: Дневник Люблинского сейма 1569 г.; Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским. СПб., 1869. Важная для характеристики сложившейся на сейме обстановки переписка литовско-русских магнатов извлечена П. Гильтебрандтом и А. Миротворцевым из Несвижского архива Радзивиллов — см.: АС, т. 7, Вильна, 1870. См. также: Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1901; Лаппо И. И. Великое кня-

жество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. СПб., 1901; Пичета В. И. Польша на путях к колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. — Ист. записки. Т. 7. М., 1940, с.59—90.

⁷⁵ Цит. по: Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, с.282.

⁷⁶ См.: Дневник Люблинского сейма 1569 г. СПб., 1869, с.189—191.

⁷⁷ Здесь и ниже цит. по АС, т. 7, Вильна, 1870, с.36—38, с.321—322.

⁷⁸ См.: Дневник Люблинского сейма 1569 г. СПб., 1869, с.405—406.

⁷⁹ АС, т. 7. Вильна, 1870, с.38.

⁸⁰ См.: Дневник Люблинского сейма 1569 г. СПб., 1869, с.382.

⁸¹ См.: АЗР, т.3, СПб., 1848, с.118—121.

⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 7. М., 1956, с.361.

⁸³ См., например: Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970.

⁸⁴ См.: Левицкий Г. Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси. — Киевская старина, 1882, № 4, с.25—26; Пичета, с.678.

⁸⁵ См.: Подокшин С. Гусизм і грамадскі рух Беларусі і Літвы XV—XVII стст. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с.69—83.

⁸⁶ Библиографию вопроса см.: Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. T. 1. Pismiennictwo staropolskie. Warszawa, 1963, s.98—126.

⁸⁷ Ср., например: Пичета, с.679.

⁸⁸ См.: Kotlubaj E. Galereja Nieświezka portretów Raddziwillowskich. Wilno, 1857.

⁸⁹ См.: Morawski S. Ariane polsky. Lwów, 1906; Tazbir J. Ideologia arian polskich. Warszawa, 1956; Brückner A. Różnowiercy polscy. Wyd. 2. Warszawa, 1962.

⁹⁰ Слова Гжегожа Павла (1526—1591). См.: Naistarsze synody arian polskich. — W: Reformacja w Polsce. Warszawa, 1921, s. 233.

⁹¹ Слова Иеронима Филиповского. С.: Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970, с.63.

⁹² Сб. РИО, т.59, СПб., 1887, с.550.

⁹³ Обзор последней литературы вопроса см.: Флороўскі А. В. Skoŭnia. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с.389—433. См. также: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины. Описание изданий и указатель литературы. 1517—1977. М., 1978 в надзаг.: (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отд. редких книг).

⁹⁴ См.: Vladimirovas L. Knygos istorija. Vilnius, 1979.

⁹⁵ РИБ, т.4, стлб. 1287.

⁹⁶ О Б. Воевудке см.: Drukarze, z. 5, s. 248—255; Hoffman, p.10; Ptaśnik, I, s. 188.

⁹⁷ См.: Stanislai Hosii ... Epistolae tum etiam eius orationes, legationes. T. 2. Cracoviae, 1886, № 1132, 1182, 1263, 1264.

⁹⁸ См.: Pułaski F. Wiadomości o naidawniejszych i nieznanых drukach brzeskich 1553—1554. — Przegląd biblioteczny, 1908, t.1, s.121—126; ergo же. Katechizm brzeskie 1553/1554 r. Notatka bibliograficzna. Pamiętnik literacki, 1908, 8. 7, s. 320—344.

⁹⁹ См.: Rhegius, Urban. Sposoby a obyczaje niektore ostroznie i krom zgorzenia mowienia o przedniejszych krześcijanskiej nauki miejscach dla mttodych Słowa Bozego w Księstwie Luneourskim s&ug i kaznodziei... Brześć, 1554.

¹⁰⁰ См.: Imler K. Summariusz dziesieciorga przykazania Bozego... Brześć, 1553.

¹⁰¹ О Яне Малецком см.: Drukarze, 4, s. 211—214; EWK, s.1453, 1453.

¹⁰² См.: Ptaśnik II, № 499, 543, 545, 560, 572, 575, 637. О Мурмелиу-се см.: Drukarze, z. 5, s. 180—187, EWK, s. 1573.

¹⁰³ См.: Ptaśnik, I, s. 187—188; Ptaśnik, II, s. 81—82.

¹⁰⁴ См.: Zaremba S. Pieśni chwał boskich. Brześć, 1558.

¹⁰⁵ См.: Kot S. Kancional brzeski Jana Zaremby. — Reformacja w Polsce, t. 9-10. Warszawa, 1937—1939, s. 445—452.

¹⁰⁶ См.: Drukarze, z. 5, s. 185, 213.

¹⁰⁷ См.: Akta, to jest spzawy zbory wileńskiego. Brześć, 1559: Wyznanie wiary zbory wileńskiego. Brześć. 1559. См.: Wiezbowosi, № 1388; O pościech. Brzesk, 1559.

¹⁰⁸ Ustaw prawa polskiego. Brześć, 1559—1560 и 1561 (см.: Piekarski K. Książka w Polsce XV i XVI w. — W: Kultura staropolska. Krakow, 1932, s. 358; Piekarki, № 1064; Iroicki B. Artykuły prawa magdeburgskiego. Brześć, 1560 (см.: Bohonos, № 951—3 экз.); его же. Porząddek sgdów prawa magdeburgskiego. Brześć, 1560 см.: Bohonos, № 958 — 2 экз.; его же. Postępek w sądziech oholo kazania na gardle Brześć, 1560 (Bohonos, № 965—2 экз.); его же. Ustawa płacei. Brześć, 1560 (Bohonos, № 979—2 экз.). См. также: Budzik K. Bibliografia dzieł prawniczych B. Iroickiego — wiek XVI. — W: Studia nad książką poświęcone pamięci Kazimierza Piekarskiego. Warszawa, 1951, № 3, 10, 17, 31.

¹⁰⁹ См.: Krótkie wypisanie o papieżu nowoobrnym, któremu imię Pius IV; Historia o papieżu Janie VIII, który był Jilberta białogtowa; Rada niektórych biskupów w Bononie zgromadzonych; List do księdza Brzechwy, ministra na Tyńcu; Pieśnią o łotrowskim stanie mnichów i mniszek. Cp.: Drukarze, z. 5, s. 182—183.

¹¹⁰ См.: Bazilik C. Krótkie wypisanie sprawy przy śmierci i pogrzebie... Halzbiety z Szydłowca Radziwillowej, wojewodzinej wilenskiej. Brześć, 1562. Уникальный экземпляр этого издания находился в Вольфенбюттельской библиотеке (ныне в Гельмштадте, ФРГ).

¹¹¹ О Ц. Базылике. см.: PSB, t. 1, s. 374; Drukarze, z. 5, s. 45—52.

¹¹² Kawecka—Lruczowa, I, s. 482.

¹¹³ Не путать его с Яном Ласким (1455—1531), канцлером и архиепископом гнезненским, убежденным сторонником католицизма.

¹¹⁴ См.: EWK, s. 140.

¹¹⁵ Мы знакомимся с изданием по неполному экземпляру Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в котором отсутствуют листы 1—13 (1 счета), 1—7, 17—19, 31 (2 счета), 121—143 (3 счета), 1—7 (4 счета).

¹¹⁶ См. л. 4 («Roton»), 44 об., 45, 45 об., 46 (2 рис.), 47, 47 об., 48, 50, 50 об., 75 (большая цельностраничная иллюстрация, изображающая лагерь на горе Синайской).

¹¹⁷ См.: Le Long J. Bibliotheca Sacra in binos syllabos distincta. T. 1. Parisiis, 1723, p. 440; Estreicher, t. 13, s. 16; Wierzbowski, № 235; Piekarski, № 91; Dobrzyńska-Rubicka L., Koehlerówna A. Katalog druków polskich XVI w., znajdujących się w Bibliotece Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Poznaniu. Poznań, 1929, № 4; Formanowicz X. L. Katalog druków polskich XVI w. Biblioteki Kapituły w Gnieźnie. Poznań, 1930, № 28; Cybertowicz J., Kowalewicz H. Katalog druków polskich XVI w. Biblioteki Głównej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. 1963, № 23—25; Kawecka—Gryczowa, II, № 13; Bohonos, № 157 (5); Turell E. P., Simmons J. S. G. Slavonic books before 1700 in Cambridge libraries. — Transaction of the Cambridge Bibliographical Society. 1963, vol. 3, № 5, p. 395.

¹¹⁸ Psalterz. Brześć, 1564.

¹¹⁹ Paweł, Grzegorz. O różnicach terażniejszych ... Brześć, 1564; его же. О вызнаниу wiary księdza Sarnickiego. Brześć, 1564; его же. Wykład słów Pawła św.: Jeden jest Bóg... Brześć 1564.

¹²⁰ Kazanowski J. Na upomnienie Jana Kalwina do braciej polskiej odpowiedź. Brześć, 1564.

¹²¹ См.: Bazylik C. Proteus abo odmieniec [Brześć] 1564. Авторство Ц. Базылика устанавливает С. Кот; см.: Zeitschrift für slawische Philologie, 1956, Bd. 25, H.1, S.113. Сохранившиеся экземпляры см.: Estreicher, t. 25, s.316; Wierzbowski, № 1416; Bohonos, № 126.

¹²² См.: Rotundus A. M. Rozmowa Polaka z Litwinem... [Brześć, 1564]. См.: Estreicher, t. 26, s.418; Wierzbowski, № 1999; Bohonos, № 2105; Анушкин, с.37—38.

¹²³ См.: Drukarze, z. 5, s.210.

¹²⁴ Merczyng H. Szymon Budny Iako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913; Kot S. Budny Szymon. PSB, t.3, s.96; Kot S. Szymon Budny. Der grösste Häretiker Litauens in 16 Jh. — Wiener Archiv für Geschichte des Slaventums und Osteuropas. Bd. Z. Graz—Köln, 1956.; Порецкий Я. И. Симон Будный — передовой белорусский мыслитель XVI в. Минск, 1961; Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный. — К., 1965, сб. 10, с.146—161; его же. Симон Будный. Книгоиздательская деятельность в Белоруссии. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1970, с.168—193; Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970; Подокшин С. А. Скорина и Будный. Очерки философских взглядов. Минск, 1974; Парэцкі Я. І. Сымон Будны. Мінск, 1975.

¹²⁵ См.: Odrodzenie i reformacja w Polsce. T. 5. Warszawa, 1960, s.235.

¹²⁶ См.: Merczyng H. Szymon Budny jako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913, s.10.

¹²⁷ Могила П. Православное исповедание веры соборная и апостольская церкви восточных. М., 1696, л.5 об. (цит. по экз. ЛБ № 5521).

¹²⁸ См.: Frisch J. L. Historiam Linguae Sclavonicae... Berolinae, 1727; Ср.: Eichler E. Die slawistischen Studien des Johann Leonhard Frisch. Berlin, 1967, b. 36, 76, 132.

¹²⁹ БАН, 32.12.7, л.100 об. Цит. по: Кобленц И. Н. Андрей Иванович Богданов. М., 1958, с.176, см. также с.194.

¹³⁰ См.: Hoffmann, p.37.

¹³¹ См.: Бакмейстер И. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук. СПб., 1779, с.73.

¹³⁵ См.: Болховитинов Е. Иоанн Федоров, диакон, и Петр Тимофеев прозванием Мстиславец. Продолжение нового опыта исторического словаря о российских писателях. — Друг просвещения, 1806, ч. 4, № 11, с.147; Евгений, митр. О славянорусских типографиях. — Вестн. Европы, 1813, ч. 70, № 14, с. 104; Иоанн Федоров. — В кн. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви. Ч. 1, СПб., 1818, с. 274; То же. Изд. 2-е, СПб., 1827, с.261.

¹³³ См., например: Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl 2. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Jiřího Samuele Bandtkeho z let 1810—1827. Praha, 1906, s.81, 93, 96, 109, 112, 113; Добровский И. Грамматика языка славенского по древнему наречию. СПб., 1833, с. LIII.

¹³⁴ См.: Кеппен, № 195.

¹³⁵ См.: Строев, I, с.24—25, № 15.

¹³⁶ См.: Строев, III, с.20—21, № 5.

- 137 См.: Чертков. Прибавление второе. М., 1845, № 2, с.355—356.
- 138 См.: Щепкина, Протасьева, с. 83.
- 139 См.: Ундольский, I, с.2, № 12.
- 140 См.: Сахаров, с.12—13, № 40.
- 141 См.: Щепкина, Протасьева, с.76.
- 142 См.: Drukarze, z. 5, s.120.
- 143 См.: Голенченко, II, с.188; Лукьяненко, с.34, № 3.
- 144 См.: Гильтебрандт П. Несвижский Катихизис 1662 г. — В кн.: АС т. 7, Вильна, 1870, с.XVI—XXIV.
- 145 См.: Каратаев, II, № 50, с. 108—112; Каратаев, III, № 58, с.136—140. Ср. Лукьяненко, с.31—34.
- 146 Гильтебрандт П. Указ. соч., с.XVII.
- 147 Каратаев, II, с.108—109.
- 148 Drukarze, z. 5, s.69.
- 149 См.: Сопиков В. Опыт российской библиографии. Ч.1, СПб., 1813, с. LI, 168 (№ 793).
- 150 См.: Кеппен, № 196; Сахаров, № 41; Каратаев, I, № 45; Ундольский, II, № 55; Каратаев, II, № 51; Каратаев, III, № 59.
- 151 Артемий. Послание до Симона еретика Будного. Послание к Симону Будному. — РИБ, т.4, СПб., 1878, с.1287—1328, 1423—1432. Оригинал см.: ОРЛБ, ф. 310, № 494, л. 73 об. — 105 об., 182 об. — 189 об.
- 152 ЛБ, № 2816, на обороте верхней крышки.
- 153 См.: Бурцев А. Е. Полное собрание библиографических трудов А. Е. Бурцева. Т.1—10. Спб., 1908.
- 154 См.: Голенченко Г. Я. Симон Будный. Книгоиздательская деятельность в Белоруссии. — В кн.: Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1970, с.169; Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970, с.57.
- 155 См.: Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926, с.382—383, Бездоказательное утверждение В. Ластовского породило, однако, миф о несвижском Евангелии 1560 г., упоминания о котором по сей день появляются в белорусских изданиях. См.: Хрэстаматыя по старажытнай літаратуры. Мінск, 1959, с.189.
- 156 Там же, с.383.
- 157 Там же, с 387—388.
- 158 О Даниеле из Ленцицы см.: Grycz J. Daniel z Łęczycy drukarz wileński XVI w. — Silwa Rerum, 1925, t. 1, s.35; Barycz H. Daniel z Łęczycy. — PSB, t. 4, 1938, s. 405—406; Drukarze, z. 5, s.70—86; EWK, s.496.
- 159 Nowy Testament. Nieśwież, 1563. Эстрайхер указывает экземпляры Ягеллонской библиотеки, библиотеки в Курнике, библиотеки Варшавского университета, собраний Чарторыйских и Мошиньского. См.: Estreicher, t. 13, s.28.
- 160 Merczyng H. Szymon Budny jako kzytyk tekstow biblijnych. Kraków, 1913, ś. 5.
- 161 Katechizm. Nieśwież, 1563. Уникальный экземпляр находится в Университетской библиотеке Упсалы (Швеция). См.: Труцко J. Polonica vetera Upsaliensia. Uppsala, 1958.
- 162 См.: Różność wiary uczniów Stankarowych. Nieśwież, 1564 (Wierzbowski, № 2458; экз. из собр. Чарторыйских); Krótkie wypisanie sprawy kthora buła o prawdziwym wyznaniu... Nieśwież, 1564 (Wierzbowski, № 2464).
- 163 См.: Sw. Justuna Filozofa i męczennika rozmowa z Tryfonem Żydem do Marka Pompejusza napisana. Nieśwież, 1564. Экземпляры в ГПБ,

в Библиотеке Польской Академии наук в Курнике (см. Piekarski, № 710), в библиотеке Чарторыйских в Кракове; экземпляр библиотеки Красиньских (см. Wierzbowski, № 1412) в Варшаве погиб в годы войны.

¹⁶⁴ См.: Nowy Testament. Nieśwież, 1568. Ср.: Bohonos, s. 56, № 167; Estreicher, t. 13, c.28.

¹⁶⁵ Księgi, które po grecku zowa Apokryfa. Nowy Testament, Nieśwież, 1570. Эстрайхер указывает экземпляры собраний Потоцкого, Шембека и библиотеки в Бжезанах (см.: Estreicher, t.13, c.29). В настоящее время экземпляр, принадлежащий в прошлом иезуитскому краковскому собору св. Барбары, находится в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве (см.: Bohonos, s. 59, № 180).

¹⁶⁶ Archiwum historii i mysli społecznej, 1960, № 6, s.232—233.

¹⁶⁷ Цит. по: Голенченко Г. Я. Симон Будный. Книгоиздательская деятельность в Белоруссии. — В кн.: «Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссии. Минск, 1970, с. 177. Оригинал письма: ГПБ, собр. иностр. автографов, № 235.

¹⁶⁸ См.: Merczing H. Szymon Budny Jako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913, 42—48; Drukarze, z. 5, s.78—79, 262—263.

¹⁶⁹ См.: Sandius Chr. Bibliotheca Anti-Trinitariorum. Freistadii, 1684; Cichovius M. Pogrom diabła ariańskiego. Kraków, 1659, s.157.

¹⁷⁰ См.: Estreicher, t. 13, s.18.

¹⁷¹ См.: Wierzbowski, № 235.

¹⁷² См.: Bohonos, s.52, № 158. Ср.: Kotula R. Właściciele Zękopisów i starodruków zbiorów wielhopolskich Z. Czarneckiego. Lwów, 1929, s.98 (владельческая запись Миколая Богдановича Петрыжицкого.)

¹⁷³ См.: Biblia, to jest księgi starego i nowego przymierza, znowu z ięzyka Ebreyckiego, Lreckiego y Lacinskiego na Polski przełożone. [Nieśwież — Żastaw], 1572.

См.: Piekarski, № 92.

¹⁷⁴ О Я. Кишке. см.: Drukarze, z. 5, s.123—127.

¹⁷⁵ Голенченко Г. Я. Симон Будный..., с.177.

¹⁷⁶ См.: Nowy Testament znowu przełożony, a na wielu mieyscach za pewnemi dowodami od przysad przez Simona Budnego oczyszciony y krótkiemi pzzypiskami po kraioch objaśniony. Losk, 1574. См.: Estreicher, t. 13, s. 29. Сохранились экземпляры в Библиотеке Польской Академии наук в Курнике (см.: Piekarski, № 102) и в Библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве (см.: Bohonos, s. 57, № 170). Последний экземпляр происходит из львовской библиотеки Баворовских. Поэтому нельзя признать справедливость замечания Г. Я. Голенченко об ошибочности информации Г. Мерчинга относительно существования львовского экземпляра.

¹⁷⁷ Nowy Testament, Losk, 1574, s. 38—39. Цит. по: Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный. — К., 1965, сб. 10, с.156.

¹⁷⁸ О деятельности Даниеля из Ленчицы в Вильне см.: Анушкин, с.113—122.

¹⁷⁹ О Яне Карцане см. главу «Вильнюсский Альд» в кн. Анушкин, с.80—112. См. также: АВК, т. 20, Вильна, 1893, № 117, 118, 121, 357; Пташник, № 732, 758; Drukarze, z. 5, s.107—116; EWK, s.1107.

¹⁸⁰ См.: Budny S. O przednieyszych wiary christiańskiejey artikulech, to jest O Bogu iedynem, O Synu iego y o Duchu Świętem. Losk, 1576. Уникальный экземпляр — в библиотеке Чарторыйских — ныне в Национальном музее в Кракове (XVI. 650/1).

¹⁸¹ См.: Cicero M. T. O powinnościach wszech stanów ludzi. Losk, 1576. Уникальный экземпляр, находящийся в собрании Я. Пжыборовского, погиб.

- ¹⁸² См.: *O furiach albo szaleństwach francuzkich*. Losk, 1576. Уникальный экземпляр ранее находился в библиотеке Тарновских в Дзидуве.
- ¹⁸³ См.: Modrzewski A. F. *O poprawie Rzeczypospolitey księgi czwore*. Losk, 1577. См.: Wierzbowski, № 352; Piekarski № 942. См. экз. ЛБ VII — 12 696.
- ¹⁸⁴ См.: Budny S. *O urzędzie miecza używajacem*. [Losk], 1583. Уникальный экземпляр в библиотеке Чарторийских — ныне в Национальном музее в Кракове. Переиздание см.: Warszawa, 1932.
- ¹⁸⁵ Цит. по: Подокшин С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Минск, 1970, с.54, Ср.: Jukaszewicz J. *Dzieje kościółów wyznania helweckiego w dawnej Małej Polsce*. Poznań, 1857, s.56.
- ¹⁸⁶ См.: Olesnicki M. F. *Ex unique leonem, das ist etliche gewisse Kennezeychen der newen Arianer oder Widertäuffer*. Wilda, 1603, s. 8—9. Цит. по: Голенченко, II, с.183.
- ¹⁸⁷ Пичета, с.690, 697.
- ¹⁸⁸ См.: Довнар-Запольский М. В. В. Н. Тяпинский — переводчик евангелия на белорусское наречие. — ИОРЯС, 1899, т.4, с.1031—1064; Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Т.1, Киев, 1909, с.232—256.
- ¹⁸⁹ См.: Левицкий О. Про Василя Тяпинского, що переклав в XVI ст. евангеліе на просту мову. — «Зап. Укр. наукового товариства в Києві, 1913, кн. 12, с.5—21; PSB, t. 4, 17—18; Drukarze, t.5, s. 67—69.
- ¹⁹⁰ См.: Жураўскі А. І. Тыпы і асаблівасці глос у «Евангеллі» В. Цяпінскага. — «Працы інстытута мовазнаўста АН БССР. Минск, 1960, вып. 7, с.213—226; Галенченка Г. Я. Васіль Цяпінскі — паслядоўнік скарынінскай справы. — В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с.171—178. Муталимова М. А. Участва в Марыинском кодексе и их соответствия в Евангелии В. Тяпинского. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Минск, 1970.
- ¹⁹¹ ЦГАДА, ф. 389, № 16, л.252 об.—254, 285, об. и сл.
- ¹⁹² См.: Янчук Н. А. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры. Менск, 1922, с.29; Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3. П., 1921.
- ¹⁹³ Довнар-Запольский М. Акты Литовско-русского государства. Т. 2. М., 1897, с. 143.
- ¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. 389, № 268, л.170 об.-172; № 272, л.105-105 об.
- ¹⁹⁵ АС, т.4, Вильна, 1867, с.219.
- ¹⁹⁶ РИБ, т.33, с.1231. Ср. записи о Матвее Тяпинском («сам деи стар, а сынове служат князю воеводе Троцкому») — с. 533 и о Матвее Кавечиньском — с. 1221.
- ¹⁹⁷ См. Budny S. *O przedniejszych wiary christiańskiej artikulech*. Losk, 1576; цит. по: *Literatura arińska w Polsce XVI w.* Warszawa, 1959, s.319.
- ¹⁹⁸ Budny S. *O urzędzie miecza używajacem*. [Losk], 1563.
- ¹⁹⁹ См.: ЖМНП, 1884, № 5, с.43—44; Булгаков Ф. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т.1, СПб., 1889, с.256; Огиенко, с.25.
- ²⁰⁰ Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, с.203—204.
- ²⁰¹ См.: Сахаров, № 63, с.19—20.
- ²⁰² См.: Погодин М. Иван Федоров, первый московский книгопечатник. — ЖМНП, 1870, ч.148, апрель, с. 299.

²⁰³ Отчет ИПБ за 1852 г. СПб., 1853, с.54, ср.: Отчет ИПБ за 1856 г. СПб., 1857, с.29.

²⁰⁴ См.: Каратаев, I, № 75; Каратаев, II, № 82; Каратаев, III, № 94, с.201—203; Ундольский, II, № 87.

²⁰⁵ Книга упомянута в рукописных «Описях монастырских библиотек» — ОРЛБ, ф. 51, карт. 5, № 34 (по списку «Описи» — № 89). В архиве А. Е. Викторова сохранилось описание Евангелия Тяпинского, а также список примечаний на полях книги — ОРЛБ, ф. 51, карт. 4, № 7 и 8.

²⁰⁶ См.: Леонид [Кавелин]. [Рец. на кн. И. П. Каратаева]. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. — ЖМНП, 1884, № 5, с.44. [То же. Оттиск. Б. м. и г., с.6].

²⁰⁷ См. публикации: Владимиров П. Предисловие Василия Тяпинского к печатному евангелию, изданному в Западной России, около 1570 года. — Киевская старина, 1889, т. 24, янв., приложение, с.1—9; Ластоўскі, с.410—415; Янчук Н. А. Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры. Мінск, 1922, с.31—37.

²⁰⁸ ГПБ, I. 1. 29, л.239.

²⁰⁹ Там же, л.1—31.

²¹⁰ См.: Мацюк, II, с.38—39.

²¹¹ См.: Жураўскі А. I. Тыпы і асаблівасці глос у Евангеллі В. Цяпінскага. — В кн.: Працы Інститута мовазнаўства АН БССР. Вып. 7. Мінск, 1960, с.213—226.

²¹² Ссылки помещены на л. 17 об., 20 об., 26, 33 об., 35, 41, 52 об., 53 об.

²¹³ ГПБ, I. 1. 29, л.41 печатного текста.

²¹⁴ Там же, л.26 печатного текста.

²¹⁵ См.: Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Т.1, Киев, 1909, с.248.

²¹⁶ Там же, с. 253—254.

²¹⁷ Там же, с.254. (Оригинал в Литовской метрике).

²¹⁸ См.: АЗР, т.1, СПб., 1846, с.136—137.

²¹⁹ См.: Строев, IV, с.11, № 27; Ластоўскі, с.329.

²²⁰ См.: Ластоўскі, с.491.

²²¹ См.: Волянь. СПб., 1888, с.113.

²²² Отчет ординарного профессора Евфимия Карского о научных занятиях в библиотеках Москвы, Троице-Сергиевой лавры и Слуцка в течение летних месяцев 1898 г. — Варшавские университетские изв., 1898, кн. 9, с.14—15; Снитко А. К. Описание рукописей и старопечатных книг в Слуцком (Минской губ.) Тройчанском монастыре. — ИОРЯС, 1911, т.16, кн. 1, с.210.

²²³ Кем было написано Евангелие 1582 г. — младшим или старшим Юрием Юрьевичем? По-видимому, тем из них, который умер в 1586 г. Однако полной ясности и в этом вопросе нет. Так, например, Казимеж Ходыницкий на одной из страниц своего труда «Православная церковь и Речь Посполитая» утверждает, что Юрий Юрьевич старший умер 9 ноября 1578 г., а несколькими страницами ниже приписывает ему Евангелие 1582 г. и говорит о его переписке с папским нунцием Альбертом Болоньетти в 1583 г. Упоминается и письмо Слуцкого к папе, датированное 6 июля 1583 г. (см. Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. Warszawa, 1934, s. 227, 243).

Другие авторы, утверждают, что в 1578 г. умер Юрий Юрьевич младший (ср.: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890, с.210). Тогда остается приписать Евангелие 1582 г. старшему князю Слуцкому. И все же это делать нельзя.

То, что в 1578 г. умер именно Юрий Юрьевич старший, доказываетеся хотя бы тем, что уже в марте 1579 г. его вдова «Катерина с Тенчына Юрьева Юрьевича Олельковича княгиня Слуцкая з сынами Юрием, Семеном и Александром» подтвердила фундуш 1555 г. князей Юрия и Семена Юрьевича на Печерский монастырь в Киеве (см. АЗР, т.3, № 113).

Юрий Юрьевич старший был похоронен в Киево-Печерской лавре. Его тезка — сын, если верить записи в Евангелии 1582 г., погребен в Успенской церкви Слуцка. Однако Юзеф Вольф утверждает, что Юрий Юрьевич младший похоронен как и отец в Киево-Печерской лавре (см.: Wolff J. *Kniaziowie Litewsko-Ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895, s. 335). При этом он ссылается на «Тератургену» Афанасия Кальнофойского, в которой приведен текст надгробия.

²²⁴ АЗР, т.3, СПб., 1848, с. 96.

²²⁵ РИБ, т.4, с.913.

²²⁶ РИБ, т.31, СПб., 1914, с.415.

²²⁷ Там же, с.1324.

²²⁸ См.: Зимин А. А. *Опричнина Ивана Грозного*. М., 1964, с.117.

²²⁹ См.: Немировский, V, с.50.

²³⁰ См.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с.62; Вилинский С. Г. *Послания старца Артемия*. Одесса, 1906, с.121.

²³¹ РИБ, т.31, СПб, 1914, с.441.

²³² См.: Карский Е. Ф. *Белорусы*. Т. 3, ч. 2, Пг., 1921, с.165—168. «Списания против люторов» из Супрасльского сборника изданы А. Н. Поповым (ЧИОДР, 1879, кн. 2, с.1—57) и П. Гильтебрандом (РИБ, т.19, с.47—182).

²³³ Possevino A. *De rebus Moscoviticis, ad Religionem spectantibus commentarius*. — В кн.: Дополнения к актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках. СПб., 1848, с.38; Possevino A. *Moscovia*. Wilno, 1586, k.24 verso.

²³⁴ Caligarii T. A., *nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta 1578—1581*. — *Monumenta Poloniae Vaticana*, t. 4. Kraków, 1915, p.65—66.

²³⁵ См.: *Listy ks. Piotra Skargi z lat 1566—1610*. Kraków, 1912, с.107.

²³⁶ См.: Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy*. Warszawa, 1895, s.333.

²³⁷ Ср.: Пичета, с. 703.

²³⁸ См.: *Boniecki A. Herbarz Polski*. Т. 8. Warszawa, 1904, s.240.

²³⁹ См.: Зернова А. С. *Типография Мамоницей в Вильне*. — К., 1959, сб. 1, с.174—176.

²⁴⁰ См.: *Акты, изданные Виленской археографической комиссией*, т. 5, Вильна, 1871, с.11, 12.

²⁴¹ Зернова А. С. *Типография Мамоницей... в Вильне*. — К., 1959, сб. 1, с.174.

²⁴² Ср.: Wolff T. *Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Kraków, 1885, s.110.

²⁴³ Сб. РИО, т.59, СПб., 1887.

²⁴⁴ РИБ, т.31, СПб., 1914.

²⁴⁵ Иван Федоров. *Сия убо повесть изъясляет откуда начаса и како свершися друкарня сия*. — В кн.: *Апостол*. Львов, 1574, л. 260.

²⁴⁶ Там же, л. 260 об. Факсимильное воспроизведение послесловия львовского Апостола. см. в кн.: *У истоков русского книгопечатания*. М., 1959, с. 237—245.

²⁴⁷ См.: *Голенченко Г. Я. Русские первопечатники и Симон Будный*. — К., 1965, сб.10, с. 146—161.

²⁴⁸ См.: *Любавский М. Литовско-русский сейм*. М., 1901.

- ²⁴⁹ См.: Тихомиров, II, с.317, 409.
- ²⁵⁰ Коляда, II, с.253.
- ²⁵¹ Коляда, IV, с.42.
- ²⁵² Ср.: Корольюк В. Д. Ливонская война. М., 1954, с.62.
- ²⁵³ ВГУ, Актовая книга Ковенского магистрата 1564—1569 гг., л.210.
- ²⁵⁴ ЦГАДА, ф. 389, № 48, л.87, 88.
- ²⁵⁵ См.: Немировский, IV, с.7; Неміроўскі, с.140.
- ²⁵⁶ Archiwum Główne Akt Dawnych. Rachunki Królewski, № 210, л.102 об.; № 214, л.82.
- ²⁵⁷ См.: Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885, s.37.
- ²⁵⁸ См.: Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890, с.138.
- ²⁵⁹ См.: АС, т. 9, Вильна, 1870, с.3—5; Николай [Далматов], архим. Супрасльский Благовещенский монастырь. Историко-статистическое описание. СПб., 1892, с.8—10.
- ²⁶⁰ АЮЗР, т. 1, СПб., 1863, с.40.
- ²⁶¹ Б. Папроцкий указывает, что И. Ходкевич умер в 1579 г., а К. Нисицкий — в 1562 г. См.: Paprocki W. Herby gycerstwa polskiego. Kraków, 1584, s. 661; Herbarz Polski Kaspra Niesieckiego. T.1. Lipsk, 1839, s.367.
- ²⁶² В литературе братьев Иеронима, Григория и Юрия и сына Иеронима — Яна часто путают. Так, например, автор указателя к книге А. А. Зимина приписывает гетману Григорию Ходкевичу победу на р. Уле в 1564 г., посольство в Москву 1566 г., осаду Риги в 1567 г., письма к московским боярам 1567 г. Лишь в первом и в последнем случае он прав. Посольство в Москву отправлял Юрий Александрович Ходкевич, а Ригу осаждал Ян Иеронимович Ходкевич. — См.: Зимин А. А. Причина Ивана Грозного. М., 1964, с.108, 158, 264, 267, 274, 516 (указатель).
- ²⁶³ Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885, s.20, 64, 79, 87, 150, 155, 296.
- ²⁶⁴ Об областном и общегосударственном управлении в Великом княжестве Литовском см.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892; Леонтович Ф. И. Областное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии. — Юридические зап., 1908, т. 2; Леонтович Ф. И. Литовские господа и центральные органы Управления до и после Люблинской унии. — Юридические зап., 1908, т.1; Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894.
- ²⁶⁵ См.: Mylius Libenrodensis, Johannes. Epithalamium in nuptias Philonis Smithae et Sophiae filiae Gregorii Chodkewicis. Kraków, 1564. Уникальный экземпляр — в Библиотеке Польской Академии наук в Курнике (Piekarski, № 979).
- ²⁶⁶ Wolff U. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1885, s. 79. Нисицкий утверждает, что Г. А. Ходкевич умер в 1569 г., а Коссаковский — что 12 ноября 1574 г.
- ²⁶⁷ Письмо Я. И. Ходкевича полностью опубликовано в кн.: АС, т. 7, Вильна, 1870, с.42—43, § 25. В публикации слова Яна ошибочно отнесены к Иерониму Александровичу Ходкевичу, который умер еще в 1561 г. Ян рассказывает о смерти «пана Троцкого» и называет его «стрый мой» (то есть — дядя по отцу). Между тем Иероним был не дядей, но отцом Яна. Каштеляном Троцким Иероним был в 1545—1559 гг., а Юрий — в 1566—1569 гг.

- 268 Witanowski M. R. Żabludów. — W: Słownik geograficzny Królestwa Polskiego. T. 14, Warszawa, 1895, s.190—192.
- 269 См.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. Ч. 1. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1881, с.143—144.
- 270 См.: Сырку П. А. Из истории сношений русских с румынами. ИОРЯС, 1896, т.1, кн. 3, с.497—500; ср.: ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд.V, с.1—3.
- 271 ГПБ, О. XVII. 70. См.: Отчет ИПБ за 1905 г., с.133—135.
- 272 См.: Абрамович Д. И. К литературной деятельности мниха Камьянчина Исаии. СПб., 1913 (ПДП, № 181).
- 273 Там же, с.7—8.
- 274 Там же, с. III.
- 275 См. раздел «Jzajasz Kamieńczanin», в работе: Gebarowicz M. Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569—1583 na tle epoki. Warszawa-Wrocław, 1970, s.30—46. (Оттиск из: Roczniki Biblioteczny, 1969, № 1/2 и 3/4). М. Гембарович пишет о подложности второго письма Исаии к Ивану Грозному, датируя его почему-то 1591 г. Это странная ошибка. Напомним, что Иван IV умер в 1583 г. Не можем мы согласиться и с недавними утверждениями Р. Г. Скрынникова, трактующего поездку Исаии как вояж исключительно со шпионскими целями. — См.: Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973, с.63—67.
- 276 ГИМ, Син. 351, л.2; Горский, Невоструев, отд. 2, ч.1, М., 1857, с.126. Т.2 см.: ГИМ, Син. 80.
- 277 Тихомиров, II, с.318—319.
- 278 АЮЗР, т. 4, ч. 1, Киев, 1871, с.513.
- 279 См.: Королюк, В. Д. Ливонская война. М., 1954, с.52.
- 280 Сб. РИО, т.71, СПб., 1892, с.46 и след.
- 281 Там же, с.70.
- 282 См.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с.267—268. Публикации см.: Сб. РИО, т.71, СПб., 1892; см. также: Послания Ивана Грозного. М., 1951, с.241—277.
- 283 Здесь и ниже цит. по: Сб. РИО, т.71, с.515—520.
- 284 РИБ, т.31, СПб., 1914, с.401.
- 285 Цит. по: Г. Я. Голенченко. Русские первопечатники и Симон Будный. — К., 1965, сб. 10, с.156.
- 286 РИБ, т.31, СПб, 1914, с.403.
- 287 Учительное Евангелие, Заблудов. 1669, л. III об.
- 288 ЦГИА УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, № 46, с. 672—673.
- 289 См.: Chodyncki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934, s.328.
- 290 См. репродукцию переплета в сб. К. Я. Тромонина «Достопамятности Москвы». М., 1843, рис. 7.
- 291 ГИМ, Цар. А15. Публикация: Протасьева, с.23.
- 292 См.: Николай [Долматов], архим. Супрасльский Благовещенский монастырь. Историко-статистическое описание. СПб., 1892, с.59—60.
- 293 АС, т. 9, Вильно, 1870, с.56, № 20; Миловидов А. Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурой.—Христианское чтение, 1903, октябрь, с.486.
- 294 См.: Зернова А. С. Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец. —К., 1964, сб. 9, с.77—111; Зернова А. С. Типография Мамониной в Вильне. — К., 1959, сб.1, с.167—223.
- 295 См.: Wandtkie G. S. Historia drukarń krakowskich. Kraków, 1815, s.147—148.

- 296 См.: Вестн. Европы, 1819, № 14, с.135.
- 297 См.: Lelewel J. Bibliograficznych ksiąg dwoje. T. 1. Wilno, 1823, s.189.
- 298 См.: Кеппен П. [Рец.: на «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова]. — Библиогр. листы, 1825, № 3, с.37.
- 299 См.: Калайдович.
- 300 Ср.: Немировский, II, с.28.
- 301 Калайдович, с. 324—325.
- 302 См.: Отчет ИПБ за 1852 г. СПб., 1853, с.53—54; Лукьяненко, с.36.
- 303 См.: Сопиков, т. 5, с.102—104, № 12898.
- 304 Библиогр. листы, 1825, № 21, с.294, № 233.
- 305 Строев, I, с.28—31, № 17. П. М. Строев впервые репродуцировал одну из полос заблудовского Евангелия. — См.: Палеографические снимки, табл. VIII, № 12.
- 306 Калайдович, с.325.
- 307 ОРЛБ, ф. 310, № 1381, поз. № 42.
- 308 См.: Ширяев, с.6, № 6.
- 309 См.: Строев, II, № 17.
- 310 См.: Чертков, с. 433, № 3.
- 311 См.: Zubzyski.
- 312 См.: Зубрицкий Д. О славянорусских типографиях в Галиции и Лодомирии. — ЖМНП, 1838, ч. 19, сентябрь, № 9, с.564.
- 313 Сахаров, № 50; Каратаев, II, № 66; Каратаев, III, № 75, с.166; Максименко, с. 112, № 780.
- 314 Роспись книгам и рукописям имп. Российской Академии. СПб., 1840, с.2, № 22.
- 315 См.: Ундольский, I, с.2, № 17.
- 316 Сахаров, с. 16, № 50.
- 317 См.: Максимович М. А. Книжная старина южнорусская. — Временник имп. Моск. об-ва ист. и древностей российских, 1849, кн. 4, Смесь, с.3.
- 318 Отчет МПРМ за 1870—1872 гг. М., 1873, с.8—21.
- 319 Ср.: ОРЛБ, ф. 310, № 1381 (составленный В. М. Ундольским рукописный каталог библиотеки Трехлетья — см. № 109).
- 320 См.: Отчет ИПБ за 1860 г. СПб., 1861, с.17, № 2.
- 321 См.: Барсуков Н. Список книг церковной печати, хранящихся в библиотеке святейшего Правительствующего синода. СПб., 1871, с.11, № 2.
- 322 Попов, с.3, № 18.
- 323 См.: Щепкина, Протасьева, с.77.
- 324 Ср.: Щепкина, Протасьева, с.76.
- 325 См.: Каратаев, II, с.145, № 6.
- 326 Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. — Зап. Отделения рус. и славян. археологии имп. Рус. археол. об-ва. 1882, т. 3, ч.192—193.
- 327 Каратаев, III, с. 166.
- 328 См.: Миловидов, с. 14—15, № 6.
- 329 Родосский, с. 28—29, № 13.
- 330 См.: Зернова А. С. Типография Мамоницей в Вильне. — К., 1959, сб. 1, с.176.
- 331 См.: Петрушевич А. С. Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на Археологическо-библиографической выставке в Ставропигийском заведении. Львов, 1888, с.20.
- 332 Свенцицкий, 1, с.117, № 403; Максименко, с.112, № 780.

- 333 См.: Краткий перечень рукописей и старопечатных книг на выставке XI -го Археологического съезда, составленный И. М. Каманиным. — В кн.: Каталог выставки XI-го Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, с.17; Каталог выставки XIV Археологического съезда. Чернигов, 1908, с.12, № 202—203.
- 334 См.: Перетц В. Українські і білоруські стародруки в бібліотеці Ленінградського університету. — БВ, 1924, ч.1—3, с.169.
- 335 ЛГУ, А. IV. 49. Ср. Горфункель, № 22.
- 336 См.: Кузнецова Ю. Українські та білоруські видання XVI—XVII в бібліотеці Саратовського університету. — БВ, 1928, № 1, с.33.
- 337 Немировский Е. Л. Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова. — Сов. славяноведение, 1975, № 5, с.71. Экз. происходит из библиотеки Д. И. Образцова.
- 338 См.: Максименко, с.112, № 780.
- 339 См.: Грушевський М. Українські стародруки. — Книга (Вена), 1918, ч.1, с. 2; Дорошенко В. Перша книжка надрукована на Україні. — Стара Україна, 1924, № 2—5, с.41.
- 340 См.: Бегунов Ю.К., Панченко А. М. Описание древнерусских рукописных и старопечатных книг научной библиотеки Тартуского государственного университета. — Ученые зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. Труды по русской и славянской филологии, III. Тарту, 1960, с.307. Ошибка повторена на страницах книги: Tartu Rükliku Ülikooli Teaduslik Raamatukogu. Tartu, 1977, s.31, 36.
- 341 ТГУ, III. 1941. II. 412; ТГУ, III. 1942. II. 413.
- 342 См.: Радченко Е. С. Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. ТОДРЛ, 1957, т.13, с.591.
- 343 Щепкина, Протасьева, с.82.
- 344 См.: Голенченко Г. Я. Библиографический список белорусских старопечатных изданий XVI—XVIII вв. Минск, 1961, с.9, № 7 (Гос. б-ка БССР им. В. И. Ленина). Ротаторное издание.
- 345 См.: Simmons G. S. T. Early printed cyrillic books in Marsh's Library.— The Irish Book, 1963, spring; Симмонс Д. С. Г. О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине. — К., 1963, сб. 8, с.247.
- 346 См.: Малышев В. И. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. М.—Л., 1965, с.193.
- 347 См.: Малышев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины. — ТОДРЛ, т.21, М.—Л., 1965, с.384, 387.
- 347^a См.: Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН БССР. — В кн.: АЕ за 1965 г. М., 1966, с.170.
- 348 Неміроускі, с.146.
- 349 См.: Немировский Е. Неизвестный экземпляр издания Ивана Федорова. — Книжная торговля, 1971, № 3, с.59.
- 350 См.: Горфункель, с.17, № 5.
- 351 См.: Максименко, с.112, № 780.
- 352 См.: Шайдакова М. А. Описание коллекции книг кириллической печати XVI—XX вв. Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Горький, 1975, с.60, № 1 (13 347).
- 353 См.: Билевич В. В. Белорусские книги кирилловской печати XVI—XVII вв. в фондах ФБАН БССР. — В кн.: Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976, с.101.

- 354 См.: Назаровская Н. Два дня в музее Шклярова. — Сов. культура, 1976, 26 марта.
- 355 МУИ, № 552. Ср.: Свенцицкий, I, с.117, № 403.
- 356 ЛБ, № 1649, л.1—55. Ср.: Миловидов, с.14—15.
- 357 БАН, 39.2.5, л.5 (1-го счета).
- 358 Богданова Н. Г. Книжные богатства Строгановых в 1578 г. — В кн.: *Sertum bibliologicum* в честь А. И. Мале ча. Пг., 1922, с.281.
- 359 Горфункель, с.17, № 5.
- 360 ГПБ, I. 1.19^а, л.1—7 (2-го счета). См.: Лукьяненко, с.36.
- 361 ГИМ, Щап. 8, на обороте последнего л.
- 362 Ср.: Прозоровский Д. И. Великий Новгород по четырем новгородским летописям с дополнениями по другим источникам до конца первой четверти XVIII в. — Зап. отд-ния рус. и слав. археологии имп. Рус. археол. об-ва, 1887, т.4, с.10.
- 363 ГИМ, Щап. 8, лл.1—2, 4—5, 7—8, 10—11, 13—35.
- 364 Гос. ист. архив Карельской АССР, рук. № 46, л.11—32.
- 365 Там же, л.230—250.
- 366 ГИМ, Чертк. 323, л.64.
- 367 ЛБ, № 6466, л.1—29 по нижнему полю. Ср.: Леонид, архим. Надписи Троицкой Сергиевой лавры. — Зап. отд-ния рус. и слав. археологии имп. Рус. археол. о-ва, 1882, т.3, с.193.
- 368 ГПБ, XVIII. 9.8, л.50 и сл. по нижнему полю.
- 369 ГИМ, Цар. 17, л.1—8 (по нижнему полю).
- 370 ЛГНБ, Ст. 54007, л.2 нм—7 нм.
- 371 Там же, л. 71 и след.
- 372 ЛБ, № 1646, л.1—3.
- 373 ИРЛИ, л.1—3.
- 374 ГПБ, I.1.19^б, на обороте верхней крышки. См.: Лукьяненко, с. 36—37 (с ошибками!).
- 375 ГИМ, Меньш. 275, л.1—61 по нижнему полю.
- 376 ГПИБ, № 358481, на обороте нижней крышки.
- 377 ВГУ, л.5.
- 378 Льв.ГУ, № III.14225, л.1 об.—15.
- 379 Строев, I, с.28—32, № 17; Сахаров, с.16, № 50; Каратаев, II, с.142—145, № 66; Каратаев, III, № 75; Свенцицкий, I, с.117, № 403.
- 380 См.: Немировский, V, с.288—289.
- 381 Ср.: Щепкина М. В. Переводы предисловий и послесловий первопечатных книг. — В кн.: *У истоков русского книгопечатания*. М., 1959, с.221—234.
- 382 Протасьева, с.185.
- 383 ОРЛБ, ф.173, № 5⁴. Ср.: Немировский, V, с.130—133, 297.
- 384 См.: Демин А. С. Послесловие к первоначальному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник. — ТОДРЛ, т. 26. М., 1971, с.279.
- 385 Ср.: ГИМ, Син. 76 — рукопись XVI в.
- 386 О Константине Преславском и его трудах см.: Генов М. Константин Преславски. Поетът на старобългарската книжнина. — Българска историческа библиотека, 1933, кн. 2; Антоний, архим. Из истории древнеболгарской церковной проповеди. Казань, 1885; История на българската литература. Т.1. София, 1962, с.114.
- 387 ГИМ, Син. 262. Ср.: Горский, Невоструев, отд. 2, ч.2. М., 1859, с.409—434, № 163.
- 388 ГПБ, Гильф. 32. См.: Гранстрем Е. С. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953, с.97—98.
- 389 См.: История на българската литература. Т.1. София, 1962, с.243.

- ³⁹⁰ ГИМ, Барс. 115.
- ³⁹¹ ГИМ, Чуд. 9.
- ³⁹² ОРЛБ, ф. 178, № 472, л. 555 об.; Востоков А. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. М., 1842, с. 798.
- ³⁹³ См.: *Codices manuscripti bibliothecae Regii Taurinensis. Athenaei*, 1749, p. 247, cod. 164.
- ³⁹⁴ См.: Горский, Невоструев, отд. 2, ч. 2. М., 1859, с. 657—669, № 209.
- ³⁹⁵ ГИМ, Син. 76, л. 2. Заставка на л. 2 варьирует мотив литеры «І» из «Большого маюскульного алфавита» Израэля ван Мекенема. Аналогичные заставки см. в Четвероевангелии 1531 г. Исаака Бирева (ОРЛБ, ф. 304, № 8659, л. 259), в «Пандектах и Тактиконе» Никона Черногорца (ОРЛБ, ф. 173, № 56, л. 22), в печатной широкошрифтной Псалтыри московской анонимной типографии. Ср.: Немировский, V, с. 250—252. На одном из переплетных листов рукописи Син. 76 помета: «Евангелие воскресное толковое из верхняя типографии».
- ³⁹⁶ См., например: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Ф. А. Толстова. Т. 1, М., 1825, с. 49, № 101 (рукопись XVI в.). См. также: БАН, 21.7.5 (Сев. 510) — рукопись XVII—XVIII вв.; ГИМ, Ув. 47; ГИМ, Усп. 8 (рукопись 1526 г.)
- ³⁹⁷ ОРЛБ, ф. 304, № 99; см. Арсений: иером. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, с. 80, № 99.
- ³⁹⁸ ОРЛБ, ф. 304, № 100; ср.: Немировский, V, с. 130—131.
- ³⁹⁹ См.: [Истомин Г. И.] Опись книг библиотеки Московского Успенского собора. М., 1895, с. 7.
- ⁴⁰⁰ ГИМ, Ув. 110.
- ⁴⁰¹ БАН, 34.7.10 (осн. 1291). Ср.: Срезневский И. И. Описание рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. 1, т. 2, Пг., 1915, с. 423.
- ⁴⁰² Ср.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Ф. А. Толстова. [Т. 1.] М., 1825, с. 13—14, № 30; ОРЛБ, ф. 304, № 105, № 106; ГИМ, Ув. 774; ОРЛБ, ф. 310, № 19 (ср. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870).
- ⁴⁰³ ГИМ, Ув. 481. Ср.: Леонид, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. Ч. 1. М., 1893, с. 277, № 298. Цит. записи на л. 455 и 226 об.
- ⁴⁰⁴ О Киприане и его литературной деятельности см.: Мансветов И. Митрополит Киприан и его литературная деятельность. М., 1882; Глубоковский Н. М. Св. Киприан, митрополит всея России, как писатель. — Чтения в Обществе любителей духовского просвещения, 1892, № 2; Иванов Й. Българското книжно влияние в Русия при митрополит Киприан. — Изв. на Ин-т за българската литература. Кн. 6. София, 1958; История на българската литература. Т. 1. София, 1962, с. 307—314; Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. 19, М.—Л., 1963.
- ⁴⁰⁵ ГИМ, Син. 601; ГИМ, Син. 268. См.: Горский, Невоструев, отд. 3, ч. 1, с. 20—26.
- ⁴⁰⁶ ГИМ, Ув. 110, л. 1.
- ⁴⁰⁷ См.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. Вып. 1. Киев, 1891, с. 187—193; Краткое описание памятников древности, поступивших в Волинское епархиальное древлехра-

нилище 1894—1898 гг. Вып. 3. Кременец, 1899, с.17, № 382; Перетц В. М. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир. Киев, 1911, с.100.

⁴⁰⁸ См.: Еремин И. П. Ораторское искусство Кирилла Туровского. В кн.: Еремин И. П. Литература древней Руси. М.; Л., 1966, с.132.

⁴⁰⁹ ГПБ, Ф. 1. 39, л.32—37. По этому сборнику «Слово на Вознесение» издано К. Ф. Калайдовичем: Памятники российской словесности XII в. М., 1821, с.65—73.

⁴¹⁰ ГИМ, Чуд. 20, л.211 об. — 216; ГИМ, Ув. 589, л.270—275; ОРЛБ, ф. 304, № 9, л.101 об. — 105; ср.: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т.11. М. — Л., 1955, с.360.

⁴¹¹ См.: Сухомлинов М. И. Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2. СПб., 1858, с.50—56; Пономарев А. И. Св. Кирилл, епископ Туровский и его поучения. — В кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературе. Вып. 1. СПб., 1894, с.162—167.

⁴¹² Арсений, иером. Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. 1. М., 1878, с.11—14, № 9 (2022).

⁴¹³ См.: Тиховский Ю. И. Малорусские и западнорусские Учительные евангелия XVI—XVII веков и их место среди южнорусских и западнорусских переводов священного писания. — В кн.: Труды XII Археол. съезда в Харькове 1902 г. Т.3. М., 1905, с.355—356; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1926, с.5—14 (Сб. ОРЯС, т.101, № 2).

⁴¹⁴ См.: Зернова А. С. Типография Мамониной в Вильне. — К., сб.1, 1959, с.176. Сохранившиеся экземпляры: ТГУ, III. 1941.11.412; ЛБ, № 6466. ГПБ, I. 1.20^a, I. 1.20^b, XII.12.10.

⁴¹⁵ Укажем экземпляры: ТГУ, III. 1941.11.413; ЛГУ (Горфункель № 21); МИР, H416.

⁴¹⁶ Впервые описано И. С. Свенцицким. См.: Свенцицкий, I, с.117—118, № 404 (504). Укажем экземпляры: ЦГАДА, ф. 1250, № 840; ЛГУ AIV49 (см.: Горфункель, № 22 и 23; указывает также вариант издания с кондовками, отпечатанными с одной доски, — № 24 и 25); ЛБ, № 6462.

⁴¹⁷ МУИ, F 553; ср.: Свенцицкий, I, № 403 (И. Свенцицкий считал это издание заблудовским).

⁴¹⁸ См.: Гранстрем Е. Э. Византийское рукописное наследие и славяно-русская литература. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с.141—148.

⁴¹⁹ См.: Немировский, V, с.287.

⁴²⁰ ОРЛБ, ф.305, № 62, л.4. Цит. по: Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. М., 1969, с.24.

⁴²¹ См.: Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен. М., 1969, с.112—113.

⁴²² М. Гембарович недавно утверждал, что оформление Учительного евангелия «подражает Брестской Библии» на том основании, что и в последней книге есть «герб мецената на всю страницу» (Gębawicz, s. 479). Гербы мецената в печатной книге встречаются задолго перед этим — еще у первых польских типографов Яна Галлера и Флориана Унглера.

⁴²³ Сидоров, II, с.90.

⁴²⁴ Здесь и ниже мы ссылаемся на номера, под которыми репродукции орнаментики помещены в известном альбоме А. С. Зерновой. См.:

Зернова, П. См. также: Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974.

⁴²⁵ См.: Немировский, V, с.304.

⁴²⁶ ГИМ, Ув. 110, л.1.

⁴²⁷ Мацюк, II, с.38.

⁴²⁸ См.: Мацюк О. Я. До історії українських папірень XVI ст. та їх водяних знаків. — Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР, 1962, № 5, с.13—17.

⁴²⁹ См.: Laucevičius, s.246.

⁴³⁰ См.: Piekosiński, s.7.

⁴³¹ См.: ГИМ, Цар. 17, л.74, 91, ЛБ, № 1646, л. 74, 87, 109 и др.

⁴³² См.: Piekosiński, s.6.

⁴³³ Wit T. Komentarz, abo wykład na prorocztwo. Brześć, 1559 (экз. БАН ЛССР, № NL—16—1—22).

⁴³⁴ ЛБ, № 1646, л.127.

⁴³⁵ ЛБ, № 1648, л.150.

⁴³⁶ Реестр книг Львовского ставропигиального братства, составленный в 1601 г. — В кн.: Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. (Опыт исторического исследования). Т.1. Киев, 1883. Приложения, с. 168.

⁴³⁷ См. Zubrzycki, s. 65. См. также: О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомирин. — ЖМНП, 1838, кн. 9, с.564.

⁴³⁸ Библиографическое известие. — Москвитянин, 1844, ч. V, № 9, с. 255—256.

⁴³⁹ Ср.: Отчет ИПБ за 1852 г. СПб., 1853, с.54; То же за 1856 г. СПб., 1857, с.28.

⁴⁴⁰ См. Свенцицкий, I, с.18—19, № 50; Максименко, с.112, № 781.

⁴⁴¹ См.: Неміроускі, с.149. Ср.: Исаевич, с.46.

⁴⁴² См.: Simmons J. G. T. Early printed cyrillic Psalters at Lambeth and Valetta. — Solanus, 1968, № 3, p.10—11.

⁴⁴³ В ленинградском экземпляре нет л.3—6, 18 1-го счета, 1—2, 24, 73—74, 80, 102, 107—110, 153—154, 168, 177, 178, 200, 221—240 2-го счета, 61 и всех последующих листов 3-го счета. Ср.: Лукьяненко, с.39.

⁴⁴⁴ См.: История на българската литература. Т.1. София, 1962, с.308.

⁴⁴⁵ ОРЛБ, ф. 173, № 142, л.3. Ср.: Леонид, архим. Сведения о славянских пергаменных и бумажных рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящиеся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 2, М., 1887, с.306—310.

⁴⁴⁶ См. фрагмент XI в. ГПБ, 0.1.73 и фрагмент XII в. — ГПБ, Q.1.37. Старейший датированный список (1296 г.) — ГИМ, Син. 235.

⁴⁴⁷ ОРЛБ, ф.270, № 6 и 7.

⁴⁴⁸ Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, № 15231; ср.: Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — Краеведческие записки (Ярославль), 1958, вып. 3, с.205.

⁴⁴⁹ ОРЛБ, ф. 304, № 309.

⁴⁵⁰ БАН, собр. Александрo-Свирского монастыря, № 152.

⁴⁵¹ См.: Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного Апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968, с.199—332; Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников, М., 1976.

- 462 См.: Амфилохий, архим. Древлеславянская Псалтырь Симоновская. Т.1—3. М., 1881; Болонски Псалтир. Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968.
- 463 См.; Срезневский В. И. Древний славянский перевод Псалтыри по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1877; Ягич И. В. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884; Погорелов В. О редакциях славянского перевода Псалтыри. — В кн.: Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1, вып. 3. Псалтыри. М., 1901, с. V—XIV; Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII вв. Варшава, 1896.
- 464 См.: Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, с. 83 (ПДП, № 90).
- 465 См., например, рукописную Псалтырь XVI в. из собрания Московской синодальной типографии (№ 57—190). — Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1, вып. 3, М., 1901, с. 90—91; см. также: Псалтырь. М., 1641.
- 466 Псалтырь XVI в. ГИМ, Син. 912. Горский. Новоструев, отд. 1, М., 1855, с. 186—188, № 14.
- 467 См.: Карский Е. Ф. Западнорусские переводы Псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896, с. 89—105.
- 468 ГИМ, Син. 438; ГПБ, Q.1.42.
- 469 См.: Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, с. 208—209 (ПДП, № 90.)
- 470 Сидоров, II, с. 96.
- 471 См.: Свенцицкий, III, рис. 12.
- 472 См.: Берков П. Н. Несколько замечаний о деятельности Ивана Федорова и его предшественников. — В кн.: Иван Федоров — первопечатник. М.-Л., 1935, с. 100.
- 473 См.: Сидоров, II, с. 90—95.
- 474 Зернова, I, с. 52.
- 475 Сидоров, II, с. 92.
- 476 Оттиск инициала сохранился лишь в двух экземплярах ГПБ (1.5.8^a и 1.5.8^b). Ср: Н. П. Киселев. Происхождение московского старопечатного орнамента. — К., 1965, сб. 11, с. 102.
- 477 См. Немировский, V, с. 296—297.
- 478 Леонид, архим. Славяно-сербские книгохранилища на св. Афонской горе в монастырях Хилендаре и св. Павла. — ЧОИДР, 1875, кн. 1, отд. V, с. 20.
- 479 Миловидов, с. 15.
- 480 Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках. — В кн.: Книга в России. Т. 1, М., 1924, с. 90.
- 481 Ластоускі, с. 406.
- 482 См.: Неміроускі, с. 148.
- 483 БАН УССР, Кир. 575.
- 484 Рогов А. И., Покровский Н. Н. Собрание рукописей акад. М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР. — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 170—171.
- 485 Ср.: Drukarze, z. 6, s. 88; Drukarze, z. 5, s. 36; ср.: Огиенко, с. 32.
- 486 См.: Ундольский, II, № 1180 и № 1184; Свенцицкий, I, № 197, Указываемая Ундольским Миняя общая 1695 г. в действительности не существует.
- 487 Ср. экз. ЛБ № 4700, 4701, 3086, 4026, 6375.
- 488 См.: Abramowicz L. Cztery wieku drukarstwa a Wilnie. Wilno, 1925, s. 74—79.
- 489 См.: Зернова, I, с. 102, приложение 4. См. также: Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974, с. 75—79.

- 480 Апостол, Львов, 1574, л.241.
 481 Ср.: Пичета, с.702.
 482 АЗР, т.3, СПб., 1848, с.152.
 483 АС, т.4, Вильна, 1867, с.10—11.
 484 Ср.: Г. Я. Голенченко. История белорусского книгопечатания XVI—XVIII веков. (Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук). М., 1965; 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968; Галенчанка Г. Кнігадрукаванне. — В кн.: Гісторыя Беларускай ССР. Т.1. Мінск, 1972, с. 271—276; Александровіч С. Х. Кнігадрукаванне. — Беларус. сав. энцыкл. Т. 6. Мінск, 1972, с.38—39.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Русские, украинские, белорусские фамилии размещены в указателе в порядке русского алфавита; фамилии иностранных авторов, упоминаемые в тексте и в примечаниях в оригинальной транскрипции, — в порядке латинского алфавита. Сочетания, представляющие собой имена и отчества (типа «Петр Тимофеев») или имена и указания на происхождение или местожительство (типа «Исаия Камяничанин») приведены в порядке алфавита имен. Имя Ивана Федорова, часто упоминаемое в книге, в указатель не внесено.

- Абрамович Д. И. 77, 163
 Адриан, патриарх 39
 Александрович С. Х. 171
 Андрысовиц Лазарь, типограф 75
 Амфилохий, архимандрит 132, 170
 Анна Фолтынова, вдова типографа Валенты 31
 Антоний, архимандрит 166
 Анушкин А. И. 147, 154, 156, 158
 Арсений, иеромонах 167, 168
 Артемий, старец 11, 30, 43, 44, 63, 65, 71, 85, 157, 161
 Афанасий, игумен 115
 Афанасий Сергиев, сапожный мастер 105
 Базылик Циприан, поэт 32, 33, 36, 50, 155, 156
 Бакмейстер И. 39, 91, 156
 Бандтке Е. С. 5, 91, 92.
 Барсуков Н. П. 164
 Бегунов Ю. К. 98, 165
 Бельский И. Д. 83
 Бенкрофт Ричард 127
 Берков П. Н. 135, 170
 Билевич В. В. 100, 165
 Бирев Исаак, писец 167
 Блжнов Иван Меньшой, владелец книги 106
 Богданов А. И. 39, 156
 Богданова Н. Г. 166
 Болоньетти Альберто, нуный 160
 Болховитинов Е. А. 39, 91, 156
 Бона, королева Польшы 20, 153
 Бонецкий А. 67
 Братишевский Николай Янович 60
 Брике Ш. 123, 147
 Будный Симон 29, 30, 37—51, 53, 54, 61, 63, 69, 85, 147, 156—158, 161
 Булгак Э. 45
 Булгаков Вислой, посол 144
 Булгаков Ф. И. 5, 24, 151, 153, 159
 Бурцев А. Е. 44, 157
 Бычков А. Ф. 77, 163
 Василий Иванович, великий князь 10, 77
 Васьян, старец 86
 Вендрговский Николай 46
 Вержбовский Т. 35
 Виетор Иероним, типограф 15
 Викторов А. Е. 57, 160
 Вилинский С. Г. 161
 Виржбента Мацней, типограф 31
 Висковатый Иван Михайлович 29, 77, 79
 Вислоцкий В. 14
 Витрелин Александр 54
 Витт В. О. 98, 99
 Вишневецкая Катерина Ивановна 65, 75, 87, 97, 102, 141, 142
 Вишневецкий Константин Иванович, князь 26, 27, 62
 Владимиров П. В. 54, 133, 134, 159, 160, 170
 Вобласов Тимофей, священник 104
 Воевудка Бернанд, типограф 30, 31, 154
 Волович Григорий 81
 Волович Остафий (Евстафий) Богданович 26, 29, 42, 53, 62, 63, 77, 79, 144
 Воротынский М. И. 83
 Воскресенский Г. А. 132
 Востоков А. Х. 167
 Врубль Валента 16, 134
 Выдра Ян Янович 71
 Галлер Ян, типограф 168
 Гануш из Острога 86
 Гарабурда Анчута 67
 Гарабурда Афанасий Михайлович 67
 Гарабурда Василий Михайлович, типограф 67, 97, 98, 117, 145
 Гарабурда Лукаш 68
 Гарабурда Михаил Богданович 62, 67, 68, 77, 78, 81
 Гарабурда Петр 67
 Гатцук А. 24, 153
 Гедзон, иеромонах 96
 Гембарович М. Т. 79, 163, 168
 Герман, игумен 114
 Герман, патриарх 111
 Гильтебрандт П. А. 41, 153, 157, 161
 Гильфердинг И. 113
 Глебович Иван Иванович 47
 Глубоковский Н. Н. 167
 Голенченко Г. Я. 37, 41, 44, 47—49, 51, 59, 69, 72, 85, 98, 147, 156—159, 161, 163, 166, 171
 Голубев С. Т. 169
 Горский А. В. 114, 147, 163, 166, 167
 Горфункель А. Х. 99, 148, 163, 166, 168
 Гоффман Я. 39
 Гранстрем Е. Э. 118, 166, 168
 Григорий, священник 104
 Грушевский М. С. 98, 165
 Губицкий В. 5, 151
 Давид из Варшавы 15

- Даннелъ из Ленчицы, типограф 45—49, 157, 158
 Демин А. С. 109, 166
 Дзедушицкий И. 48
 Дмитриев Л. А. 167
 Дмитрий Герасимов, толмач 10
 Дмитрий Иванович Донской, князь 115
 Добровский И. 39, 156
 Довнар-Запольский М. В. 51, 151, 159, 160
 Долматов Н. 162, 163
 Дольницкий П. 100
 Дорошенко В. 165
 Драгосавлевич А. 101
 Дубенской Василий Иванович 105
 Дуйчев И. 138
- Евгений, митрополит. См. Болховитинов Е. А.
 Евтимий Тырновский 115
 Еремин И. П. 116, 117, 168
 Ермолн Григорий 113
- Жеребцов Москва 6
 Жираковский Андрей Елизаревич 59
 Житно Николай 46
 Жуковская Л. П. 132, 169
 Журавский А. И. 51, 60, 159, 160
- Загоровский Василий Петрович 70
 Запаско А. П. 99, 100, 143, 148, 168, 170
 Варемба Станислав 32
 Зарецкий Иван Семенович 63, 67
 Зернова А. С. 67, 68, 97, 117, 143, 148, 161, 163, 164, 168, 170
 Зимин А. А. 83, 161, 162, 163
 Зубрицкий Д. Н. 8, 95, 126, 164
- Иван, священик 103
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 19, 20, 70, 77—80, 83, 84, 161, 163, 8, 71, 86
 Иванов И. 167
 Игнатий, священик 93
 Израиль ван Мекенем 137, 167
 Иконников В. С. 151, 152
 Имлер Кристоф 31
 Иоаким, патриарх 72
 Иоанн, писец 113
 Иоанн, пресвитер 106
 Иов, патриарх 79
 Иов, чернец 114
 Иоасаф, митрополит 78
 Иосиф, игумен 123
 Исаак Собака, писец 114
 Исаевич Я. Д. 148, 169
 Исаия Камянчанин 76—80, 83, 163
- Кавелин Л. Е. 54, 96, 115, 141, 160, 164, 166, 169, 170
 Кавецка-Грычова А. 33, 47
 Кавечинский Альбрехт и Гектор 47, 48, 125
 Кавечинский Матвей 39, 43, 46, 47, 48, 125, 159
 Казановский Ян 36
 Калайдович К. Ф. 91—93, 117, 148, 164, 167, 168
 Каманин И. М. 165
 Карамзин Н. М. 83
 Каратаев И. П. 40, 41, 57, 91, 107, 148, 157, 160, 164, 166
 Карский Е. Ф. 51, 65, 132, 134, 159—161, 170
 Карцан Ян, типограф 49, 50, 158
 Каспрович Ян из Львова 15, 33
 Кастерин А. И. 40, 95, 150
 Кацпржак Е. И. 24, 148, 153
 Кеппен П. И. 5, 40, 91, 93, 148, 151, 156, 164
 Кышковский Вавжинец 43, 46, 48
 Киприан, митрополит 115, 116, 119, 131, 132, 167
 Кирилл Философ, просветитель славян 56, 59, 111,
 Кирилл Туровский 92, 116, 117, 168
 Киселев Н. П. 170
 Кислякова А. Я. 99
 Кишка Ян Станиславович 7, 48, 49, 158
 Кмита Петр 16
 Кмита Филон Семенович 53, 75
 Кобленц И. Н. 156
 Коляда Г. И. 5, 70, 148, 151, 153, 162
 Константин Преславский 111, 113, 166
 Копыстенский Захария 63
 Королюк В. Д. 153, 162, 163
 Костромитин Сава Никитин, священник 114
 Кот С. 32, 37, 47, 156
 Кошуцкий Станислав 50
 Коялович М. С. 153
 Крочевский Е. 26
 Кузнецова Ю. А. 97, 165
 Курбский Андрей Михайлович, князь 49, 62, 63, 65, 68, 85, 86, 163
 Курлятев Нил 119
 Куфаев М. Н. 5
- Лавришевич Павел 105
 Лавришевич Степан 105
 Лаппо И. И. 153
 Лапшин Матвей Имханов, владелец книги 106
 Лаский Ян 33, 155
 Ластовский В. 43, 51, 142, 157, 160, 170
 Лауцявичус Э. 123—125, 137, 148
- Левница-Каминьска А. 9, 13
 Левницкий Гедеон, перомонах 106
 Левницкий О. 159
 Лелевель И. 91
 Леонид, архимандрит. См. Кавелин Л. Е.
 Леонтович Ф. И. 162
 Либан Ежн из Легницы 15
 Лихачев Н. П. 123, 148
 Лукашевич И. Я. 96
 Лукомский В. К. 5, 9, 151
 Лукьяненко В. И. 41, 99, 148, 157, 164, 166
 Лукьянов В. В. 169
 Любавский М. К. 153, 154, 162
 Любельчик Якуб 33
 Лютер Мартин 39, 85
- Майхрович С. 153
 Маковецкий Иероним 46
 Максим Грек 10, 11, 65, 77, 85, 119, 132, 151, 152
 Максименко Ф. Ф. 100, 148, 164, 165
 Максимович М. А. 164
 Малецкий Ян, типограф 31, 154
 Малышев В. И. 98, 165
 Мамоничи, типографы 87, 118, 145, 161, 163, 168
 Маркс К. 154
 Маркушевич А. И. 98, 100
 Марш Нарцисс, архиепископ 98, 101
 Мацюк О. Я. 123—125, 137, 148, 180, 169
 Мерчинг Г. 37, 46, 47, 158
 Мефодий, просветитель славян 56, 111
 Миловидов А. И. 87, 96, 141, 149, 163, 164, 166, 170
 Миротворцев А. 153
 Михайловский Н. М. 97
 Могила Петр Семенович, митрополит 39, 156, 169
 Москва, рыболов 6
 Москва Ивашко, крестьянин 6
 Москва Ивашко Гаврилов, служилый человек 6
 Москвитин, птицелов 7
 Москвитин Володимер 7
 Москвитин Иван, колодезный мастер 71
 Москвитин Иван, монастырский служака 7
 Москвитин Иван, урядник 7
 Москвитин Иван (1582 г.) 7
 Москвитин Иван (1590 г.) 7
 Москвитин Иван Андреев, крестьянин 6
 Москвитин Иван Федоров, бакалавр 9, 12, 13
 Москвитин Иона, старец 6

- Москвитин Кузьма Алексеев, торговый человек 6
 Москвитин Михаил Максимов, казак 6
 Москвитин Орефий Иванов, стрелец 6
 Москвитин Посничко, стрелец 6
 Москвитин Сидор, помещик 6
 Москвитин Тренка, стрелец 6
 Москвитин Яков 7
 Мстиславец Петр. См. Петр Тимофеев Мстиславец
 Мстиславский И. Ф. 83
 Мурмелиус Станислав, типограф 31, 32, 155
 Муталимова М. А. 51, 159
 Мучковский Ю. 12, 13

 Невоструев К. И. 114, 147, 163, 166, 167
 Некрасов А. И. 142, 151, 170
 Немировский Е. Л. 149, 151—154, 161, 162, 165—167, 169, 170
 Нестор, протопоп 86, 87
 Никандр, архимандрит 63
 Никон, патриарх 113
 Никон Черногорец 167
 Нисидский К. 162
 Новопольчик Войцех 15

 Огиенко И. 8, 149, 152, 159, 170
 Олесницкий Збигнев, кардинал 14
 Олферев Роман Васильевич 29
 Острожский Константин Иванович, князь 65, 75
 Острожский Константин (Василий) Иванович, князь 20, 22, 25, 26, 47, 62, 65, 67, 68

 Павел Гжегож 36, 46, 54
 Панасенко Лукьян, владелец книги 106
 Панченко А. М. 98, 165
 Папроцкий Бартош 8, 162
 Пекарский К. 32
 Пекарский С. 32
 Пекосинский Ф. 124
 Пересветов И. С. 161
 Перетц В. Н. 97, 165, 168
 Пернуц Валерьян 15
 Петр, игумен 104
 Петр, митрополит 115
 Петр Гезка из Гоньндза 29, 50
 Петр Тимофеев Мстиславец 3, 9, 15, 19, 29, 35, 49, 65, 68—72, 84—87, 91, 101, 107, 108, 116, 119, 132, 134, 137, 145, 156, 163
 Петров Н. И. 167
 Петрушевич А. С. 97, 100, 164
 Петрыжицкий Михаил Богданович, владелец книги 158
 Пжыборский Я. 158
 Пичега В. И. 20, 24, 61, 143, 149, 153, 154, 169, 161, 171
 Погодин М. П. 40, 57, 93, 95, 126, 159
 Погорелов В. 132, 170
 Подокшин С. А. 28, 37, 44, 50, 154, 156, 157, 159
 Покровский Н. И. 165, 170
 Полоцкий-Ситнианович Симеон 12, 114
 Пономарев А. И. 117, 168
 Попов А. Н. 149, 161, 164
 Порецкий Я. И. 37, 156
 Посевино Антонио, иезуит 66
 Прозоровский Д. И. 166
 Протасьева Т. Н. 98, 108, 149, 150, 157, 164, 165, 166
 Птасьник Я. 31, 32

 Рагоза, шляхетский род 5, 8, 9
 Радзивилл Николай Красный (Рыжий) 28, 75, 76, 83
 Радзивилл Николай Кшиштоф Сиротка 28, 37, 46, 49, 61
 Радзивилл Николай Черный 28, 30—33, 36, 37, 39, 46, 47, 54
 Радченко Е. С. 165
 Рогов А. И. 165, 170
 Рогожины В. Н. и Н. П. 98, 106
 Родосский А. С. 97, 149, 164
 Роздьяков Иван, посадский человек 103
 Романов Тит Матфеев сын 104
 Румянцев В. Е. 5, 151
 Румянцев Н. П. 92
 Рутский И. В. 40
 Рымша Андрей 49

 Савичев Кондратий Петрович, есаул 107
 Сангушко Роман Федорович 62, 75
 Санд Христофор 47
 Сапега Павел Иванович 22, 75
 Сарыхозин Марк 63
 Сахаров И. П. 40, 57, 95, 149, 157, 159, 164, 166
 Свенцкий И. С. 91, 97, 100, 107, 135, 149, 164, 166, 168, 169, 170
 Свечин С. П. 40
 Севастьянов М. С. 100
 Севастьянов П. И. 131
 Севастьянов С. Ф. 100
 Семенов-Руднев Д. 91
 Семкевич Лукаш 86, 87
 Сенюта Иван, помещик 7
 Сергий Радонежский 115
 Сигизмунд I Старый, король Польши 20, 74
 Сигизмунд II Август, король Польши 20, 21, 23, 25, 36, 63, 67, 69—71, 76—81, 83, 84, 144, 153
 Сидоров А. А. 121, 135, 149, 153, 168, 170
 Силуян, ученик Максима Грека 77
 Сильвестр, священник 10
 Сильвестр, митрополит 63, 77
 Симмонс Дж. С. Г. 98, 127, 165
 Скарга Петр 49, 66
 Скорина Франциск 16, 30, 41, 42, 54, 85, 87, 132—134, 137, 145, 153, 154, 156, 165, 170
 Скрынников Р. Г. 163
 Слуцкий Александр Юрьевич, князь 161
 Слуцкий Семен Юрьевич, князь 65, 161
 Слуцкий Юрий Семенович, князь 28, 62, 65
 Слуцкий Юрий Юрьевич младший, князь 62, 66, 160, 161
 Слуцкий Юрий Юрьевич старший, князь 30, 62, 63, 65, 66, 85, 160, 161
 Снитко А. К. 160
 Соболев Спиридон, типограф 145
 Соликов В. С. 42—44, 91, 93, 149, 157, 164
 Срезневский В. И. 131, 132, 170
 Срезневский И. И. 167
 Строгановы Михаил Яковлевич, Никита Григорьевич, Семен Анникович 103
 Строев П. М. 40, 93, 149, 156, 160, 164, 166, 167
 Сугоросков Захарий Васильевич, князь 104
 Сухомлинов М. И. 117, 168
 Сухтелен П. П. 41
 Сырку П. А. 77, 163

 Тенчинская Катерина 66, 161
 Тенчинские, шляхетский род 66, 125
 Тимофей Михайлов, владелец книги 106
 Тимофей Михайлович 67, 106
 Тиховский Ю. И. 168
 Тихомиров М. Н. 70, 80, 99, 142, 150, 162, 163, 165, 170
 Токмаков И. Ф. 5, 151
 Толстой Ф. А. 40, 41, 93, 95, 149, 167
 Томас из Красностава 14, 152
 Трехлетов Е. С. 96, 164
 Тромонин К. Я. 125, 163

- Тупиков Н. М. 6, 151
 Тшецеский Анджей 30
 Тяпинская София Дани-
 ловна 51
 Тяпинский Абрам Василь-
 евич 61
 Тяпинский Матвей 51, 53,
 159
 Тяпинский Тобиаш Ва-
 сильевич 61
 Тяпинский. Омелянович
 Василий Николаевич 41,
 51—61, 124, 147, 159, 160
 Уваров А. С. 116, 119,
 167, 168
 Умный-Колычев Федор
 Иванович 69, 70
 Унглер Флорнан, типог-
 раф 15, 16, 168
 Ундольский В. М. 40, 57,
 93, 95, 113, 150, 157, 160,
 164, 167, 170
 Успенский Б. А. 120, 168
 Федоров-Челяднин Иван
 Петрович 81, 83
 Федот Богданов, владе-
 лец книги 106
 Феодор, писец 115
 Филиповский Иероним
 154
 Филипп, старец 104
 Филофей, патриарх 114—
 116, 119
 Фиоль Швайполт, типог-
 раф 13, 165
 Флоровский А. В. 154
 Фриш И. Л. 39
 Фрич-Моджевский Анд-
 жей 50
 Хлудов А. И. 96, 149
 Ходкевич Александр Ива-
 нович 72, 142
 Ходкевич Александр Гри-
 горьевич 75, 76, 103
 Ходкевич Александра
 Григорьевна 75
 Ходкевич Андрей Гри-
 горьевич 85, 76, 102, 144
 Ходкевич Григорий Алек-
 сандрович 20, 22, 24, 26,
 53, 56, 59, 62, 65, 67, 68,
 70—72, 74—77, 80—87,
 92, 93, 102, 108, 117, 121,
 123, 128, 129, 134, 141,
 145, 162
 Ходкевич Зофия Григорь-
 евна 75
 Ходкевич Иван 72
 Ходкевич Иероним Алек-
 сандрович 74, 162
 Ходкевич Юрий Алексан-
 дрович 70, 74, 76, 81, 162
 Ходкевич Ян Александров-
 вич 74
 Ходкевич Ян Иеронимо-
 вич 26, 71, 76, 144, 162
 Ходыницкий К. 160
 Хозинуш Станислав, кар-
 динал 31, 50
 Царский И. П. 93, 95,
 150
 Чарниковский Станислав
 26
 Чарторыйские, род 35, 41.
 47, 157—159
 Чарторыйский Александр
 Федорович 25, 26, 62,
 63
 Чертков А. Д. 40, 95, 150,
 157, 164
 Чеховиц Мартин 29, 51
 Чечерянин Учтин Яцко-
 вич 62
 Чурчич Л. 101
 Шайдакова М. Я. 165
 Шарфенберг Вендель,
 гравер 33
 Шарфенберг Марек, ти-
 пограф 16, 33
 Шарфенберг Мацей, ти-
 пограф 15
 Шарфенберг Николай,
 типограф 153
 Ширяев А. С. 40, 93, 95,
 150, 164
 Шкляров Ф. Г. 100, 101,
 166
 Шуйский Петр Иванович,
 князь 20, 75
 Шапов П. В. 40, 96
 Щелкина М. В. 98, 150,
 157, 164, 165, 166
 Щукин П. И. 98
 Энгельс Ф. 27, 154
 Эразм Роттердамский 30,
 33
 Эстрайхер К. 35, 47, 157,
 158
 Ягич И. В. 132, 170
 Яковлев И. Т. 95
 Ян из Вроцлава 15
 Ян из Львова. См. Кас-
 прович Ян
 Ян из Пиотркова, ма-
 гистр 12
 Янчук Н. А. 51, 159, 160
 Abramowicz L. 170
 Bandtkie Jerzy Samuel
 150, 151, 156, 163.
 См. также Бандтке Е. С.
 Barnicot J. D. A. 150
 Bazirik Ciprian 155. 156.
 См. также Базылик Ц.
 Bohonos M. 150, 155,
 156, 158
 Boniecki A. 152, 161
 Briquet Charles Maise
 150. См. также Бри-
 ке Ш.
 Brückner Aleksander 154
 Budny Szymon 156, 157,
 158, 159. См. также
 Будный С.
 Budzik Kazimierz 155
 Caligarius Joannes And-
 reas 161
 Chichovius M. 158
 Chodynicky Kazimierz
 160, 163
 Christian R. F. 153
 Smitha Philon 162. См.
 также Кмита Ф.
 Cybertowicz Józef 155
 Daniel z Łęczycy 157.
 См. также Даниель из
 Ленчицы
 Dobrovsky Josef 156. См.
 также Добровский Я.
 Dobrzynska-Rybicka L.
 155
 Eichler E. 156
 Estreiner Karol 150,
 155, 156, 157, 158
 Formanowicz X. L. 155
 Frycz-Modrzewski
 Andrzej 159
 Frisch Johann Leongard
 156. См. также
 Фриш И. Л.
 Gębarowicz Mieczysław
 150, 163. См. также
 Гембарович М. Т.
 Groicki Bartłojemj 155
 Grycz Jozef 157
 Hoffman J. D. 150, 154,
 156. См. также Гоф-
 фман Я.
 Hosius S. 154
 Hubicki W. 151. См.
 также Губицкий В.
 Imler K. 154
 Kalwin J. 156
 Karbowiak Anton 152
 Kawecka-Gryczowa
 Alodia 150, 155. См.
 также Кавецка-Гры-
 чова А.
 Kazanowski J. 156
 Koehlorówna A. 155
 Kot Stanisław 155, 156.
 См. также Кот С.
 Kotlubaj Edward 154
 Kotula Rudolf 158
 Kowalewicz H. 155
 Laucevičius E. 150, 169.
 См. также Лауцявич-
 чус Э.
 Le Long Jacques 155
 Lelewel Joachim 164.
 См. также Лелевель И.
 Lewicki J. E. 152
 Łukaszewicz J. 159
 Morawski S. 154
 Mergczyk Henryk 156,
 157, 158. См. также
 Меринг Г.
 Muczkowski Józef 152.
 См. также Мучковский
 Ю.

- Niesiecki Kasper 152, 162
 Olcsmicki M. F. 159
 Paprocki Bartosz 152, 162. См. также Папроцкий Б.
 Pawel G. 156
 Pawinski Adolf 151, 152
 Piekarski Kazimierz 150, 155, 158, 159.
 Piekosiński Franciszek 169
 Pompejusz Mark 157
 Possevinus Antonius 161. См. также Поссевино А.
 Ptasnik Jan 150, 152, 154, 155, 158. См. также Птасьник Я.
 Rhegius Urban 154. См. также Региус У.
 Rotundus A.M. 156
 Sandius Christoph 158. См. также Санд Х.
 Semkowicz W. 152
 Simmons John S.G. 150, 153, 155, 165, 169, 169. См. также Симмонс Дж.С.Г.
 Skarga Piotr 161. См. также Скарга П.
 Sullivan J. 153
 Tazbir Jan 154
 Trypucko Józef 157
 Turrell E.P. 155
 Uruski S. 152
 Vladimirovas Levas 154
 Wierzbowski Teodor 150, 155, 156, 158, 159
 Wislocki Władislaw 152. См. также Вислоцкий В.
 Wit T. 169
 Witanowski M. R. 163
 Wolf Józef 161, 162. См. также Вольф Ю.
 Zaremba S. 155
 Zubrzicki Denis 150, 152, 164, 169. См. также Зубрицкий Д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

«Герб» Ивана Федорова. Москвитины или Федоровичи? Место рождения. В Краковском университете.

3

Заблудовская типография Ивана Федорова

Великое княжество Литовское в середине XVI века

Социально-экономическое и политическое развитие Великого княжества Литовского во второй половине XVI в. Литовско-польские отношения. Люблинская уния. Реформационное движение. Брестские типографии Миколая Радзивилла Черного. Симон Будный. Его издательская и редакторская деятельность. Василий Тяпинский и его издательская деятельность. Просветительно-культурный кружок белорусских магнатов.

Иван Федоров в Белоруссии

Род Ходкевичей. Миссия Исаии Камянчанина. Иван Грозный и Г. А. Ходкевич. Заблудовская типография.

17

Белорусские издания Ивана Федорова

Учительное евангелие 1569 года

История изучения и известные экземпляры. Вкладные и владельческие записи. Общее описание. Полиграфическая организация текста. Язык и правописание. Гравюра. Орнаментика. Бумага.

Псалтырь с Часословцем 1570 года

Общее описание. Предисловия. Состав и полиграфическая организация текста. Гравюра. Орнаментика. Бумага.

89

Прекращение деятельности Заблудовской типографии

Существовал ли заблудовский Апостол? Заблудов и Супрасль? Причины прекращения деятельности заблудовской типографии.

139

Сокращения

Список часто употребляемых сокращенных библиографических отсылок.

146

Примечания

151

Указатель имен

171

1 р. 20 к.

«КНИГА»